

63.3 (2 Ак - Кам)
Д. 79

Эдуард ДУБМАН

А убогого...
Линия безопасности
В убогого...
СЕ...

НОВАЯ ЗАКАМСКАЯ ЛИНИЯ

судьба, проект, строительство

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Эдуард Дубман

**НОВАЯ ЗАКАМСКАЯ ЛИНИЯ:
СУДЬБА, ПРОЕКТ, СТРОИТЕЛЬСТВО**

Издание второе, исправленное и дополненное

**Издательство «Самарский университет»
2005**

УДК 947.06
ББК 63.3(2)46
Д 79

Дубман Э.Л.
Д 79 Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – 2-е изд., испр. и доп.
– Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – 196 с.

ISBN 5-86465-334-9

Во втором, дополненном и исправленном, издании монографии рассматривается история возникновения замысла, проектирования и строительства Новой Закамской линии. Эта оборонительная система укреплений была создана в 1731-1735 гг. для защиты лесостепного Заволжья от нападений кочевников. Особое внимание автор уделил рассмотрению фортификационных особенностей сооружений линии, выявлению технологии их возведения, а также специфике использования рабочей силы и расселения ландмилиции. Монография основана на широком привлечении архивных и опубликованных материалов, а также на данных археологических раскопок и полевых исследований.

Книга предназначена для специалистов-историков, а также для всех, интересующихся историческим прошлым нашей Родины.

УДК 947.06
ББК 63.3(2)46

Научный редактор д-р ист. наук, профессор П.С. Кабытов

Рецензенты: д-р ист. наук, профессор В.В. Кондрашни
канд. ист. наук, доцент С.В. Польской

Книга издана на средства Общества с ограниченной ответственностью "Гефест"

ISBN 5-86465-334-9

© Дубман Э.Л., 2005
© Самарский государственный университет, 2005
© Издательство «Самарский университет», 2005

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается книга профессора Самарского государственного университета Эдуарда Дубмана, посвященная истории создания и судьбе уникального памятника военного фортификационного зодчества России первой половины XVIII столетия – Новой Закамской линии.

В Самарском крае крайне мало исторических памятников такого уровня, свидетельствующих о начальном этапе освоения российским государством и обществом территорий, где мы все сейчас живем. Земляные укрепления – крепости, фельдшанцы, редуты, валы и рвы Новой Закамской линии протянулись более чем на двести пятьдесят километров. Начинаясь от реки Самары (г. Кинель), они, прорезав самаро-соцкий водораздел, достигают левого берега Сока (с. Красный Яр) и далее идут до районного центра Сергиевск. Затем, резко повернув на северо-восток, через территории северо-восточных районов нашей области (Исаклинский и Шенталинский), линия уходит в Татарстан, заканчиваясь у р. Кичуй.

Мощные укрепления, возведенные усилиями десятков тысяч крестьян Среднего Поволжья, в течение пяти лет занятых на строительных работах, до сих пор поражают наблюдателей своими четкими конфигурациями и поистине грандиозными размерами. Все это породило самые невероятные домыслы о способах возведения и времени строительства загадочных укреплений Заволжья, вплоть до того, что протяженность их составляет тысячи километров и возводились они ныне неизвестными народами, жившими здесь в глубокой древности.

На самом деле все обстояло гораздо проще. Совсем недавно по историческим меркам – около 450 лет назад – Среднее и Нижнее Поволжье было присоединено к Московскому государству. Однако осваивать новые земли, основывать здесь постоянные поселения, возделывать пашню было совсем не просто. Кочевые народы Поволжья и Приуралья – ногаи, калмыки, а нередко и башкиры, тщательно оберегали степные пространства Заволжья от приходивших сюда земледельцев. Преодолеть сопротивление кочевников, расселиться на богатых черноземах края можно было только с помощью создания системы укреплений, строительства городков – крепостей, размещения в них военных гарнизонов. Для этих целей при племяннице Петра Великого императрице Анне

Иоанновне в 1731-1735 гг. в Заволжье была возведена непрерывная система укреплений, получившая название Новой Закамской линии.

Предлагаемое вниманию читателей издание является первым в отечественной науке монографическим исследованием, посвященным истории создания Новой Закамской линии. Оно основано на широком использовании архивных и опубликованных документов XVIII в., а также на материалах полевых экспедиционных работ. В книге воссоздаются основные перипетии разработки проекта, строительства линии и заселения ее ландмилицкими военными гарнизонами. Автор подробно рассматривает деятельность руководства Закамской экспедиции, исследует дальнейшую судьбу укрепленных пунктов и основанных при них слобод.

Необходимо отметить, что данная монография появилась, во многом, благодаря финансовому и организационному содействию отдела охраны памятников истории и культуры, находящегося в настоящее время в составе Министерства культуры и молодежной политики Самарской области. Непосредственное участие в ее подготовке и издании принимали сотрудники Министерства В.А. Цибин и А.И. Крамарев.

Надеемся, что книга будет способствовать сохранению историко-культурного наследия Самарской области и найдет своего заинтересованного читателя.

Министр

О.В. Рыбакова

Введение

История Новой Закамской черты, построенной в первой половине – середине 1730-х гг. в лесостепном Заволжье, до настоящего времени слабо изучена. Это была одна из крупнейших в России оборонительных линий, созданная для защиты юго-восточной окраины европейской России от нападений кочевников. Она состояла из совокупности отдельных фортификационных сооружений - крепостей, фельдшанцев, редутов, соединенных между собой засеками, валом и рвом. Вся эта непрерывная система укреплений протянулась, примерно, на 240 км - от реки Самары (при впадении в нее Большого Кинеля), до р. Кичуй. Ее хорошо сохранившиеся земляные сооружения, можно увидеть на территории современных Кинельского, Красноярского, Сергиевского, Иса克林ского, Шенталинского районов Самарской области; Черемшанского и Альметьевского районов республики Татарстан.

Объяснить невнимание историков и краеведов к ее истории можно тем, что свое военно-стратегическое значение эта линия сохраняла крайне недолго. Уже в середине – второй половине 30-х гг. XVIII в. правительство приступило к осуществлению в Заволжье более грандиозного проекта, предложенного И.К. Кириловым, частью которого было строительство Самарской (Оренбургской) линии и Оренбурга, как главного форпоста продвижения России в Среднюю Азию и далее на Восток. Ранее возведенная оборонительная черта оказалась в тылу, ее крепости потеряли свое значение, гарнизоны были переведены на новую линию.

И все же, Новая Закамская линия представляет особый интерес для исследователей и всех любителей истории по целому ряду причин. Она строилась в первые годы после возведения на российский престол Анны Иоанновны, когда правительство после кризиса в верхах, определяло контуры новой государственной политики. В планировании и создании оборонительной черты отразились особенности тогдашней фортификационной науки, когда, механистическое восприятие теорий западных военных инженеров нередко не соответствовало действительным нуждам обороны южных и юго-восточных границ государства. Организация в Заволжье Закамской экспедиции (комиссии) во главе с тайным советником Федором Васильевичем Наумовым, ее деятельность по строительству линии, созданию местных территориальных войск - ландмилицких полков, взаимоотношения с губернской, провинциальной и уездной администрацией; сама жизнь во вновь осваиваемом пограничном крае – все это более, чем серьезный повод для изучения.

Отметим и то обстоятельство, что на территории Заволжья оборонительные сооружения Новой Закамской линии очень хорошо сохранились. Они представляют собой единственный, уникальный в своем роде, памятник фортификационного искусства первой половины XVIII столетия. Современного наблюдателя удивляют отчетливо

выделяющиеся на местности, будто проведенные по линейке вал и ров, земляные укрепления городков-крепостей у населенных пунктов Красный Яр, Сергиевск, Крепость Кондурча, Черемшан и т. д.

Сохранность и зрелищность оборонительных сооружений Новой Закамской линии нередко привлекали к себе внимание исследователей. Их осматривал в XVIII в. и о них писал начальник Оренбургской экспедиции Василий Никитич Татишев¹. Сотрудник этой же экспедиции и в будущем первый член-корреспондент Академии Наук Петр Иванович Рычков в своих знаменитых работах «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии» немало страниц уделил описанию Новой Закамской черты². Удивительно то, что руководители отрядов Академической экспедиции Петр Симон Паллас и Иван Иванович Лепехин, проехав вдоль среднего течения Сока, практически, не оставили сколько-нибудь значительного описания укрепленной черты. Лепехин вообще ухитрился ее не «заметить»³. Но сотрудник этой же экспедиции, сын П.И. Рычкова Николай Петрович, посчитал необходимым привести определенные сведения о сооружениях Новой Закамской линии⁴. В трудах этих людей можно обнаружить и важнейшие даты сооружения укрепленной оборонительной черты, и численность гарнизонов, и сведения об ее значении в истории освоения региона, но основной своей задачей они считали описание укреплений и населенных пунктов, устроенных по черте.

В 1851 г. вышло первое специальное исследование, посвященное старой и новой Закамским линиям. Его автор капитан Генерального штаба Михаил Игнатьевич Иванов (впоследствии видный военный историк, генерал-лейтенант), осмотревший в 40-х гг. XIX в. городки, валы, рвы и другие оборонительные сооружения. Кроме результатов визуального обследования, он использовал картографические материалы XVIII в. и архивные документы⁵. Иванов как бы завершил традицию, заложенную исследователями предшествующего периода, ставивших своей целью, главным образом, личный осмотр и описание укреплений черты.

С именем известного военного инженера и историка, генерал-лейтенанта Федора Федоровича Ласковского связано наиболее серьезное многотомное исследование по истории фортификации в России⁶. Для разработки этой темы автор использовал огромное количество опубликованных и, что самое важное, архивных источников. Историк выработал свою оригинальную концепцию развития русского фортификационного искусства в первой половине XVIII в. В третьей части своего труда, посвя-

¹ См., например: Татишев В.И. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татишев В.И. Избранные произведения. Л., 1979. С. 280.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 217-219; Его же. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896.

³ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 296; Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1.

⁴ Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770-1772.

⁵ Иванов М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2.

⁶ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858-1865. Ч. 1-3.

щенной периоду после смерти Петра I, Ласковский рассмотрел историю строительства и основные типы оборонительных сооружений Новой Закамской линии. Для их реконструкции были использованы планы и чертежи Канцелярии главной артиллерии и фортификации, другие уникальные документы. Результаты этого исследования, выводы историка стали определяющими для целых поколений военных исследователей⁷.

Впоследствии, о Новой Закамской линии писали как историки Москвы и Санкт-Петербурга, так и местные ученые и краеведы. Но, как правило, новых материалов в научный оборот они не вводили, а использовали уже известные данные. Для исследователей, лично наблюдавших оборонительные сооружения, вполне очевидной становилась их особая ценность как памятников истории и культуры. Так, например, М.Н. Тихомиров писал: «... по характеру постройки, Новая Закамская линия вполне подходит к укреплениям кон. XVII века и строилась гораздо основательнее чем, хотя бы, крепости Самарской линии, от которых в большинстве случаев не осталось никаких следов»⁸.

Виталий Иванович Лебедев (1932-1995)

Интерес к Новой Закамской линии вновь повысился в последние десятилетия XX в. В эти годы обследование всех укрепленных линий Среднего и Нижнего Поволжья, в том числе и Новой Закамской линии, проводит экспедиция под руководством преподавателя Пензенского педагогического института Виталия Ивановича Лебедева. Впоследствии, он в своих работах создал краткий очерк истории создания и современного состояния линии⁹. К сожалению, тщательные обмеры вала и рва, укрепленных пунктов, их описания, сделанные Лебедевым, практически неизвестны современному читателю.

В вышедшей в 1997 г. монографии башкирской исследовательницы Р.Г. Букановой, содержатся наиболее полные на настоящее время сведения об особенностях проектирования, строительстве, воинском контингенте и размерах финансирования оборонительной линии в период ее существования как реального оборони-

⁷ См., например: Военная энциклопедия. Под редакцией Генерального штаба полковника В.Ф. Новицкого. СПб., 1912. Т. 10. С. 432-433.

⁸ Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края // Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923 гг.). Самара, 1994. С. 86.

⁹ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986.

тельного объекта¹⁰. Необходимо также, отметить работу Ю.Н. Смирнова, посвященную деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии). Автор не однажды обращается к событиям, предшествовавшим теме его исследования, и нередко приводит интереснейшие данные о роли и значении Новой Закамской линии¹¹. Интерес к Новой Закамской линии проявляли археологи и почвоведы, которых, прежде всего, интересовала технология строительства укреплений, состав почв и т.п.¹²

И все же, несмотря на вышеперечисленные и ряд других работ, в которых затрагиваются отдельные аспекты истории Новой Закамской черты, необходимо отметить, что целостного всестороннего исследования этого оборонительного комплекса не было предпринято ни историками, ни специалистами в области архитектуры. Не получила должного освещения или даже краткой характеристики данная система укреплений и в обобщающих трудах по истории российской архитектуры. Например, в одном из томов фундаментального издания «Русское градостроительное искусство», предпринятом Российской Академией архитектуры и строительных наук, при описании оборонительных линий, построенных в XVIII в., и в частности, во второй его четверти, Новая Закамская черта лишь упоминается. Анализа ее укреплений, как это было сделано по отношению ко всем остальным линиям этого времени, нет¹³.

Данная работа предпринята для того, что бы хоть как-то снять эту историческую несправедливость. Задачи, стоящие перед настоящей книгой, сводятся к тому, чтобы рассмотреть предпосылки и причины строительства Новой Закамской черты; ситуацию, сложившуюся в Заволжье в первой трети XVIII в., накануне сооружения линии, особенности проектирования линии и механизм принятия решений. В исследовании рассматривается деятельность в Заволжье Закамской экспедиции, ход строительных работ, создание ландмилицких полков, значимость Новой Закамской черты как архитектурно-строительного комплекса.

Документальную основу книги составляют, прежде всего, архивные источники. Для воссоздания исторической действительности использовались материалы архивохранилищ Москвы (Российский государственный архив древних актов¹⁴, Российский государственный военно-исторический архив¹⁵) и Санкт-Петербурга (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи¹⁶). Изучены фонды, содержащие делопроизводство Закамской экспедиции, Кабинета министров, Сената, Военной коллегии, Канцелярии главной артиллерии и фортификации, админи-

¹⁰ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.

¹¹ Смирнов Ю.И. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

¹² Демкин В.А. Погрешенные почвы засечных черт Русского государства и вопросы древней и современной истории почвообразования // Почвоведение. 1999. № 10.

¹³ Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков. М., 1995. С. 275-301.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат), Ф. 1209 (Архив прежних вотчинных дел), Ф. 1354 (Планы дач Генерального и Специального межевания); др. фонды.

¹⁵ РГВИА. Ф. 349 (Главное инженерное отделение), Ф. ВУА (Военно-ученый архив), др. фонды.

¹⁶ А ВИМАИВиВС. Ф. 2 (Канцелярия главной артиллерии и фортификации.)

страции Казанской губернии и т.д. Все эти документы неплохо сохранились. Особо впечатляют планы и чертежи всей линии, ее отдельных участков и сооружений.

Существенно облегчили работу над темой опубликованные источники: материалы, связанные с деятельностью Кабинета министров, Сената, других учреждений; результаты обследования линии, описания людей, осматривавших укрепления и т.д., а также данные и выводы исследователей, занимавшихся историей создания Новой Закамской линии.

Осмотр и обмер оборонительных сооружений, их описание и съемка были произведены во время экспедиционных работ лета 2002 г. Экспедиция была организована Департаментом культуры Администрации Самарской области и в ней, кроме автора этой книги, деятельное участие приняли Виктор Цибин, Владислав Никифоров и Александр Крамарев.

Следует отметить, что книга вряд ли была бы написана и увидела свет, если бы не финансовая и организационная помощь Департамента культуры. Сотрудник этого учреждения Виктор Цибин являлся главным инициатором проекта, его духовным отцом, человеком, который поддерживал автора на всех этапах многотрудной деятельности. Поэтому, вне всякого сомнения, своих товарищей – Виктора Цибина и Александра Крамарева я считаю соавторами этой работы.

Автор признателен членам семьи Виталия Ивановича Лебедева - его жене Римме Петровне и дочери Ларисе Витальевне, представившим в наше распоряжение, документы семейного архива, содержащие планы, чертежи, путевые листы, результаты экспедиционных работ на оборонительных сооружениях линии.

Увидеть Новую Закамскую линию сверху, с высоты птичьего полета, сделать ее кино и фотосъемку помогли самарские парапланеристы Виктор Пылявский и его товарищи.

И, наконец, в Приложении ко второму изданию книги помещены результаты археологических работ, проведенных на линии в 2001 г. П.П. Барынкиным и наши комментарии к ним.

Как и в предшествующем издании мы повторяем, что данная работа не претендует на исчерпывающую историю Новой Закамской линии. Далеко не все архивные коллекции изучены, требует отдельной разработки финансовая сторона деятельности Закамской экспедиции, история местной ландмилиции, ряд других вопросов. Но и в таком виде, думается, эта книга нужна. Она позволяет по-новому взглянуть на слабо исследованный эпизод из российской истории.

У истоков нового проекта

Лесостепное Заволжье в начале XVIII в.

В конце XVII – первой трети XVIII вв. начался новый этап в освоении российским государством и обществом лесостепного Заволжья. Ранее границей расселения земледельческого и промыслового населения к югу от Камы была Закамская линия. Построенная при Алексее Михайловиче в середине XVII в., она представляла собой несколько укрепленных пунктов – острожков-пригородов - с военными гарнизонами – Белый Яр, Ерыклинск, Билярск, Заинск, Мензелинск и другие; соединенных в единую оборонительную систему валом со рвом и засеками. Начинаясь от Волги при впадении в нее Большого Черемшана, укрепленная линия некоторое время шла по правому берегу этой реки, затем от Ерыклинска постепенно отворачивала к северу и заканчивалась Мензелинской крепостью (пригородком), располагавшейся на р. Ик, неподалеку от ее впадения в Белую¹. Все остальное пространство, находившиеся к югу от оборонительной линии, являлось зоной пастбищ и охотничьих угодий башкир и калмыков. Оседлые жители края - русские, мордва, чуваша, татары появлялись здесь лишь эпизодически. Постоянных укрепленных пунктов, за исключением Самары, не говоря уж о сельских поселениях в этом районе до конца XVII в. не было.

Ситуация изменилась в конце XVII – начале XVIII вв. Старые, давно обжитые земледельческим населением районы лесостепного Поволжья, к этому времени уже не могли вместить всех желающих сюда переселиться. На правобережье Волги район оседлого расселения постепенно начал смещаться с широты Сызрани - Пензы вниз к Саратову и далее к югу. Освоенным оказалось все волго-донское междуречье вплоть до Царицына, где в 1718 – 1720 гг. для защиты новых поселений от нападений крымских татар и кубанских ногаев была возведена Царицынская линия. На левом берегу реки, в лесостепном Заволжье, более медленными темпами, но здесь также началась распашка, как писали в то время «порозжих», то есть пустынных, земель, появились первые села и деревни. Поток переселенцев перешагнул через Закамскую черту. К югу от ее укреплений возникли новые дворцовые, помещичьи и ясашные селения. Не меньшее значение имели миграции, протекавшие в широтном направлении, с запада, из-за Волги, на плодородные черноземы левобережья. Новые территории становились объектом промысловой и земледельческой деятельности, на них возникали как военизированные, так земледельческие и промысловые поселения.

---

¹ Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI – XVII вв. Уфа. 1993. С. 44-67; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 140-170.

Нас в этом процессе колонизации в большей степени интересуют земли, прилегающие к Волге, расположенные в нижнем и среднем течении таких ее притоков как Большой Черемшан (к югу от него), Сок с Кондурчей, Самара с Большим Кинелем. Весь этот район условно можно назвать *Самарским Заволжьем*. Это были пространства кочевий и охотничьих угодий калмыков и, прежде всего, башкир. Но, все же в значительной части они находились за пределами привычных, уже распределенных владений последних, вне территории их постоянного размещения. Их можно назвать дальними пограничными промысловыми угодьями. Характерно, что на «ландкартах» начала 1730-х гг. эти пространства обозначали по-разному. Междуречье Самары (от устья Б. Кинеля) и Сока (от пригорода Сергиевска) называли «пустые степи». Лесостепь севернее р. Сока (к востоку от Сергиевска) к Большому Черемшану и далее значилась как «башкирские вотчины»² или «степь пустая башкирские угодья»³.

Колонизация этого района развивалась сразу в нескольких направлениях и на каждом из них давала весьма ощутимые результаты. Рассмотрим эти направления.

Важнейшую роль в освоении лесостепного Заволжья сыграло государство, использовавшее для проведения своей политики в крае военные и административные ресурсы крупнейших городов края – Казани, Симбирска, Самары, Уфы и городков-крепостей Закамской линии.

В 1688 г. к Самаре приписали по государеву указу 120000 десятин земли на левом «степном» берегу Волги. К началу XVIII в. эти угодья наконец-то были размежеваны. Вокруг города, в междуречье рек Самары и Сока, начала складываться сельскохозяйственная округа, состоявшая из небольших участков пашни, «конских и скотских выпасов», лесных и промысловых угодий. Однако всерьез заниматься земледелием городское население не могло из-за опасности нападений кочевников. В 1697 г. в ответ на указ из Москву с требованием «испоместить» 72 служивших по Самаре «иноземцев», местный воевода И. Колюбакин писал «в Самарском де уезде на нагорной стороне порозжих земель для селидьбы иноземцов нет, вся в дачах. А на луговой стороне в степи за Самарою посадить их иноземцов от приходу воинских людей опасно»⁴. Для защиты подступов к этой округе с востока, со стороны заволжской степи была построена в 1706 г. крепость Алексеевск, ставшая впоследствии пригородом Самары. С северо-востока новый, возникший вдоль левого берега Волги район земледельческого расселения, защищала основанная в 1703 г. Сергиевская крепость. Для сооружения этой крепости у правительства была еще одна, более важная мотивация. Россия в начале XVIII в. вступила в тяжелую войну со Швецией. На первых порах не хватало оружия, металла, и, особенно, пороха. Для его изготовления необходима была сера, месторождения которой находились в среднем течении р. Сок. Кроме того, у р. Сок обнаружили залежи нефти и медной руды, о чем было помещено известие уже в первом номере первой печатной русской газеты «Ведомости», вы-

² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

⁴ РГАДА. Ф. 281. Д. 10845. Л. 1.

шедшем 2 января 1703 г.⁵ Общее руководство созданием крепости и 3-х серных заводов было поручено казанскому воеводе Н.А. Кудрявцеву.

Сооружение Сергиевска и заводов явилось весьма значительным событием для Самарского Заволжья. Для производства строительных работ было мобилизовано 4 тыс. крестьян из дворцовых селений Казанского уезда. Кроме гарнизона крепости, рядом с ней, для работы на заводах было поселено около 500 дворцовых крестьян⁶. Вокруг Сергиевска сложился комплекс промышленных и сельских поселений. Со всем этим комплексом военных, промышленных и земледельческих поселений, серных предприятий необходимо было поддерживать постоянную связь, снабжать необходимым оборудованием и материалами, вывозить произведенную серу, для чего потребовалось создать охраняемые транспортные пути. Они проходили рекой Соком к Волге и через степь – на Самару. Вскоре производство серы на Соку закрыли из-за невыгодности производства, а само предприятие перенесли на Самарскую Луку. Но для правительства и лично для Петра I местность в окрестностях Сергиевска представляла интерес еще в одном отношении. По указу Петра I от 1717 г. доктор медицины московский штатд-физик Готлиб Шобер посетил Сергиевск и его окрестности, где изучил лечебные свойства местных серных вод. Ученый сделал вывод об их несомненной полезности и рекомендовал открыть в районе Сергиевска больницу. Результаты этих исследований были изложены Шобером в специальном докладе⁷.

После перевода заводов на Самарскую Луку Сергиевск, будучи пригородом Казани, сохранил свое значение военного пункта и центра небольшой сельскохозяйственной округи. По данным первой ревизии в нем и в поселениях расположенных рядом числилось служилых людей – 681, хлебопашцев – 594 душ мужского пола⁸. Производство серы рядом с пригородом было остановлено. Однако, даже законсервированные, эти предприятия находились под неусыпным вниманием Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Для охраны заводов на них посылали «для присмотра и караулов из закамских солдат, которые городской службы снести не могут». Эти караулы были невелики по численности, например в 1730 г. «на Сергиевские и Самарские (т.е. на Самарской Луке – Э.Д.) заводы» по именному указу Анны Иоанновны было направлено всего 12 человек⁹.

Что же еще необходимо было защищать на Левобережье? Еще во второй половине – конце XVII в. крупнейшие монастыри страны, обосновавшиеся на правобере-

⁵ Красовский А.А. Первый листок русских «Ведомостей» 1703 года, издававшихся под собственным Императора Петра Великого наблюдением, перепечатанного с подлинного, хранящегося в Императорской Публичной Библиотеке экземпляра // ЖМНП. Январь. 1834.

⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX в. М., 2000. С. 124.

⁷ Описание серного ключа у пригорода Сергиевска при реке Сок сочиненное доктором Готлибом Шобером // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль, 1760 года. СПб., 1760.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103.

⁹ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Генерального Пovyтья. Д. 11. Л. 8, 13, 143, 267.

жье Волги, мужские - Савво-Сторожевский, Чудов, Новоспасский; женские - Вознесенский и Новодевичий получили обширные земельные и промысловые владения на левом берегу Волги. Здесь в начале XVIII в. в нижнем течении Сока и Черемшана, в относительно безопасных местах, возникают постоянные селения. Например, на плане земель Новопречистенской волости Новодевичьего монастыря, изготовленном в 1717 г., указаны монастырские селения – с. Егорьевское (Хрящевка), деревни чувашские Сускан и Бирля, мордовская – Табурная, Кондакова. Там же отмечены помещицья деревня Резанова и д. Золотаревка¹⁰. По данным 1728 г. в Хрящевке, Сускане и Табурной состояло 160 русских и чувашских дворов¹¹. В начале XVIII в. в устье р. Сок возникла русская деревня Царевщина (в 1710 г. она упоминалась уже как существующая), принадлежавшая «касимовскому царевичу» (татарскому князю на русской службе) Ивану Васильевичу. Позднее она была разорена в результате набегов кочевников и в документах, относящихся к 1732 г. ее называют «вновьпоселенной»¹². Но и более восточные территории Заволжья, располагавшиеся в междуречье Сока, Б. Черемшана и выше вплоть до старой Закамской черты, уже имели свое постоянное население. Полковник А. Змеёв¹³, рассматривавший весной 1737 г. возможности расселения калмыков, считал эти районы незаселенными: «... от оной крепости (*Красноярской – Э.Д.*) рекою Соком и по рекам Кондурче и Шешме до пригорода Нового Шешминска будет около двухсот верст, а в ширину от жилищ от реки Черемшану до линии (*имеется в виду Новая Закамская линия – Э.Д.*) по штидесят и по сту верст, где никакова поселения не имеетца, а места к пашне и поселению весьма годные и х калмыцкому кочевому пребыванию весьма пристойные и лесами и протчими угоды довольные»¹⁴. Однако, в действительности все оказалось иначе. Проверка руководителем Оренбургской экспедиции В.Н. Татищевым этих данных и последовавший в конце 1737 г. осмотр вышеуказанной территории полковником Сергиевского ландмилицкого полка Пальчиковым позволил подготовить «Опись деревням, которые поселены внутри закамской линии». Из 51 селений, указанных в «Описи», более половины – 27 возникло за 35-60 лет до проведения обследования, т. е. задолго до строительства Новой Закамской линии (табл. 1)¹⁵.

¹⁰ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11555. Л. 55-61об.

¹² Смирнов Ю.Н. Формирование ближней сельскохозяйственной округи заволжского города и ход ее функциональной трансформации на примере Самары XVIII-XIX веков // Самарский земский сборник. Самара, 1998. № 1(2). С. 30.

¹³ В некоторых исследованиях его называют Змеовым, что, на наш взгляд является ошибкой. См.: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40 гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 80-81.

¹⁴ Цит. по: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 83.

¹⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170об.-176. Документ любезно представлен нам Ю.Н. Смирновым.

Таблица 1. Сельские поселения, возникшие южнее Закамской линии до 1731 г.

№	Название селения	Кол-во дворов	Этнический состав	Время существования	Владелец или социальная принадлежность	Основание для возникновения
1	Естебенкина	6	Чуваши	46 лет	ясашные крестьяне	-
2	Седелкина	21	Чуваши	48 лет	ясашные крестьяне	-
	то же Седелкина	13	Мордва	48 лет	ясашные крестьяне	-
3	Челны	10	Чуваши	46 лет	ясашные крестьяне	-
4	Киклы	59	Татары	50 лет	ясашные крестьяне	-
5	Вишнева Полянка	82	Чуваши	46 лет	ясашные крестьяне	-
6	Тиханова Салтакаева тож	31	Чуваши	37 лет	ясашные крестьяне	-
7	Биляр-Озеро	13	Татары	37 лет	ясашные крестьяне	-
	то же Биляр Озеро	56	Чуваши	37 лет	ясашные крестьяне	-
8	Чалпан	20	Чуваши	37 лет	служилые чуваши	-
	то же Чалпан	5	Татары	37 лет	служилые татары	-
9	Максимкина	60	Чуваши	37 лет	ясашные крестьяне	-
10	Саваткина	15	Чуваши	35	ясашные крестьяне	-
11	Кармалы	44	мордва и чуваши	45 лет	ясашные крестьяне	-
	то же Кармалы	36	Мордва	45 лет	кн. Дарья Арчиловна	-
12	Салавань	37	Чуваши	45 лет	ясашные крестьяне	-
13	Тюанбуга	27	Татары	45 лет	ясашные крестьяне	-
14	Сентемир	58	Татары	45 лет	ясашные крестьяне	-
15	Бесовка	37	Мордва	45 лет	ясашные крестьяне	-
	то же Бесовка	54	Мордва	45 лет	кн. Дарья Арчиловна	-
16	Боровка	13	Мордва	45 лет	ясашные крестьяне	-
17	Малыкла	75	Мордва	50 лет	ясашные крестьяне	-
	то же Малыкла	26	Мордва	50 лет	кн. Дарья Арчиловна	-
18	Царевокурганская слобода	76	Русские	37 лет	дворцовые крестьяне	-
19	Хрящевка	119	Русские	37 лет	дворц. и монаст. крестьяне	-
20	Сускан	25	Чуваши	50 лет	дворцовые крестьяне	-
21	Архангельское Городищи тож	55	Русские	40 лет	дворцовые крестьяне	по указу
22	Бирля Рязаново тож	35	Русские	40 лет	секретарь А.И. Рязанов	-
	Бирля, Рязанова боярский двор	1	Русские	40 лет	секретарь А.И. Рязанов	-
23	Лебяжье Озеро	19	Чуваши	50 лет	ясашные крестьяне	по указу
24	Аврали	15	Чуваши	50 лет	ясашные крестьяне	по указу
25	Кслметева	20	Чуваши	60 лет	ясашные крестьяне	по указу
26	Якушкина, Ешметкина тож	56	Чуваши	50 лет	ясашные крестьяне	по указу
27	Абамза	20	Чуваши	50 лет	ясашные крестьяне	по указу

Кроме «Описи...» для локализации вышеуказанных населенных пунктов в том же 1737 г. была специально составлена ландкарта района, защищаемого Новой Закамской чертой¹⁶.

При сопоставлении данных «Описи деревням...» с другими документами этого времени возникают сомнения в полноте и достоверности приведенных в ней данных.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

Отметим, что Пальчиковым было указано еще 9 селений, которые к моменту описания – 1737 г. – запустили. Скорее всего, часть из них возникла до 1731 г. – начала строительства Новой Закамской линии. Некоторые поселки вообще не попали в «Опись», как, например, мордовская деревня Таборная, чувашская – Бирля. В начале XVIII в. несколько селений было основано рядом с Сергиевском в районе серных заводов. Какова их судьба, неизвестно? Отдельные сведения, полученные Пальчиковым от местных жителей, были неверны, или они указывали на время нового переселения и возрождение ранее запустевшего населенного пункта. Например, с. Кондаковка, жители которого заявили, что они пришли сюда «тому ныне второй год», указано как село в переписных книгах 1718 г.¹⁷, а на плане Новопречистенской волости 1717 г. это поселение показано как монастырская деревня¹⁸. Еще одна странность «Описи деревням...» состоит в следующем. В ней указаны либо селения, возникшие более 35 лет назад – 27, либо запустевшие – 9, либо основанные во время и после строительства Новой Закамской линии. Таким образом, между основанием первой, наиболее многочисленной группы селений, и последней, также датированной, был разрыв почти в 30 лет, в течение которых не возник ни один населенный пункт за исключением Алексеевской крепости? Даже если Пальчиков и составители карты пропустили несколько населенных пунктов, появившихся в эти годы, такое положение все равно совершенно непонятно. Объяснить его можно башкирским восстанием, вспыхнувшим в Заволжье и Южном Приуралье в начале XVIII в. (1704 – 1711 гг.). Выступлению способствовали злоупотребления правительственной администрации и начавшееся переселение на земли, которые башкиры считали своими. Нападения на появившиеся в башкирских землях поселения происходили не только на территории собственно Башкирии, но и в Заволжье. Необходимо отметить, что социальный конфликт на юго-востоке России разросся и вовлек в свою сферу татарское и русское население Казанского и Астраханского края, казачество Дона и Яика, другие народы региона. Ситуация на всем юго-востоке европейской части России вышла из-под контроля правительства и потребовала привлечения значительного количества регулярных войск и направления в Низовое Поволжье фельдмаршала Б.П. Шереметева. Сохранился ряд свидетельств о башкирских набегах на селения и крепости, основанных за Камой. В донесении администрации Казанского уезда от 1706 г. сообщалось: «...в тех числах здесь от башкирцов многое воровство за Камою рекою. Села и деревни вырубали и выжгли и в полон людей и стада поимали прибегаячи внезапно изгоном так же, как и в прошлых летех»¹⁹. Башкиры рассматривали находившиеся к юго-западу территории Заволжья как издавна принадлежавшие им места кочевий и охотничьих угодий. Они враждебно относились к фактам появления там постоянных поселений земледельческого, промыслового и служилого населения. Так, например, когда весной 1706 г. началось строительство Алексеевской крепости, башкирские отряды сразу же попытались уничтожить ее²⁰. Не раз производились нападения на Сергиевскую крепость и расположенные в этом районе селения. Так из доношения казанских ко-

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1159. Л. 14об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2.

¹⁹ Цит. по: Акманов И.К. Башкирские восстания XVII-начала XVIII вв. Уфа, 1993. С. 139.

²⁰ Акманов И.К. Башкирские восстания XVII-начала XVIII вв. Уфа, 1993. С. 139.

менданта Н.А. Кудрявцева и комиссара С. Вараксина князю А.Д. Меншикову в 1708 г. вырисовывается подлинная картина разгрома русских селений по р. Сок башкирами: «... А те воры башкирцы и в нынешнем июне месяце после того числа, в котором будто доби́ли челом и куран целовали; под Сергиевым городом, что на Соку, деревни разоряли, людей порубили и в полон побрали, и стада отогнали и не в одном месте»²¹. Дополняет эту картину еще одно свидетельство: «Июня 1-2 (1708 г. — Э.Д.) под Сергиевском на Соку по полям многих людей похватали и в полон побрали... под Самарою русское село Касимовского царевича воры башкирцы вырубил и в полон побрали»²². Создается впечатление, что в Заволжье к югу от старой Закамской черты башкиры попытались вообще вытеснить все оседлое население за Волгу, рассматривая все эти земли как свои родовые владения. Несмотря на то, что в 1710-1720-х гг. в регионе наступило затишье, страх перед новыми нападениями являлся, видимо, главным фактором, препятствовавшим появлению здесь новых поселений.

О том, что по рекам Соку, Кондурче, Липовке и ряду других находились селения, разоренные вследствие нападений башкир и затем так и не восстановившиеся, свидетельствуют материалы обследований этой территории в начале 1730-х гг. На многочисленных «ландкартах» этого времени, подготовленных сотрудниками инженерной команды во время проектирования и строительства Новой Закамской линии, указано несколько ранее существовавших там деревень. Например, по правому берегу р. Сок и по его притокам от устья р. Кондурчи до пригорода Сергиевска находились д. Кадомка (Раковка)²³, Ольшанка и Чекалина (Чекалиха), Нижняя Повка и Нижняя Малая Повка²⁴. В междуречье Сока и Черемшана, к северу от пригорода Сергиевска, по р. Липовке располагались д. Липовка и Нижняя Липовка, на р. Кондурче - д. Пензятка и Верхняя Пензятка. Все они также «запустили» от башкирских набегов. Только по правому берегу Большого Черемшана и выше к северу начинают встречаться сохранившиеся селения с постоянным населением — Убейкино, Иштебенкина, Челны, Узеево, Гремячий Ключ и другие²⁵.

Количество таких «ландкарт» весьма велико и иногда в них встречаются небольшие расхождения. В одних не указаны д. Верхняя Липовка; д. Кадомка нередко называется Раковкой; в другие появляются такие селения как Черкашиха или Мантуровка, расположенные в окрестностях Сергиевска. Но по составу и названиям большинства селений, существовавших в этом районе, у составителей карт и планов разногласий практически нет. Также едины они и в том, что все сельские поселения, возникшие к югу от р. Большой Черемшан были разорены башкирами и не смогли восстановиться²⁶.

Таким образом, максимально вынесенные на юго-восток, в лесостепь Заволжья город Самара, пригороды Алексеевск и Сергиевск не смогли защитить от нападений

²¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. С. 247.

²² Письма и бумаги Петра I. М.-Л., 1946. Т. 7. С. 624-626.

²³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

²⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2084, 2279.

²⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081, 2084, 2279, 2289.

²⁶ Исключение составили только села и деревни, расположенные между Соком и Большим Черемшаном подле Волги.

кочевников возникавшие здесь сельские поселения. Несомненно, что в первые десятилетия XVIII в. именно пригороды Закамской линии и устроенные по Большому Черемшану форпосты, оставались реально охраняемым рубежом российских владений²⁷. Этот укрепленный, насыщенными военными силами, район являлся как бы водоразделом между земледельческими, уже освоенными территориями Закамья и всем остальным кочевым Заволжьем.

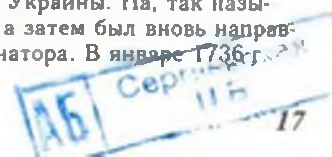
Но ситуация менялась. Постепенно складывающаяся за этим рубежом, сеть земледельческих и промышленных населенных требовала дополнительных мероприятий для обеспечения своей, хотя бы относительной, безопасности. Несомненно, что центральные и местные власти должны были принять меры для защиты всей совокупности новых поселений, возникавших к югу от Закамской линии. Необходимо было объединить все вооруженные силы, находившиеся в районе старой черты и к югу от нее, чтобы создать действительно надежную защиту лесостепного Заволжья. О том, что эта задача была вполне ясна и очевидна как для командования вооруженными силами, находящихся на юго-востоке Европейской России, так и для правительства свидетельствует следующий факт. После завершения строительства Царицынской линии генерал-майор Г.С. Кропотов, в распоряжении которого находились все вооруженные силы в междуречье Дона и Волги, и в Заволжье, подал в Военную коллегию и Сенат проект. Одной из его составляющих было предложение создать из распыленных, разбросанных по отдельным пунктам отрядов, крупную оперативную группировку русских войск в лесостепном Заволжье. Ее главной задачей являлось пресечение любых попыток кочевников напасть на уже освоенные земледельческие территории. Руководителем этой группы войск численностью более 2000 человек был назначен бригадир Шамордин. В нее должны были войти отряды графа Головкина, располагавшиеся на территории, защищенной Закамской чертой; части полковника С. Друманта, рассредоточенные по мелким форпостам вдоль реки Большого Черемшана, а также драгуны и сотни донских казаков. Эта раздел проекта Кропотова был полностью одобрен Сенатом в конце 1720 г. Для всех войск, находившихся в Закамье, было создано единое командование. В документах того времени для обозначения укреплений в этом районе и войск, расквартированных на них, утвердилось единое название - «черемшанские форпосты». Некоторые соединения и их командиры, о которых писал Кропотов, остались в Заволжье вплоть до строительства Новой Закамской линии²⁸.

В 1729 г. командовать войсками на «Черемшанских форпостах» был назначен генерал-лейтенант Владимир Петрович Шереметев, младший брат знаменитого фельдмаршала петровских времен Бориса Петровича Шереметева²⁹. На этой должно-

²⁷ Лавринова Т.И. План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 82.

²⁸ Лавринова Т.И. План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века. С. 81-86.

²⁹ Шереметев Владимир Петрович (1668-1737). В Закамье был переведен из Украины. На, так называемых, «Черемшанских форпостах» командовал войсками до осени 1731 г., а затем был вновь направлен на Украину, где до начала 1736 г. исполнял должность киевского губернатора. В январе 1736 г.

сти он сменил генерал-майора А.И. Шаховского. В помощники Шереметеву был назначен уже известный нам бригадир С. Друмант. Насколько был самостоятелен Шереметев и другие руководители этой группировки в своих решениях, сказать трудно. Разумеется, они, прежде всего, должны были подчиняться Военной коллегии. Но, командуя войсками, располагавшимися на территории Казанской губернии, они находились в ведении местного губернатора. По сравнению с временами Г.С. Кропотова численность войск в Закамье значительно выросла. В эту войсковую группу входили солдаты 5-ти драгунских полков: Невского, Луцкого, Вологодского, Нарвского и Казанского; солдаты семи пригородов Закамской линии под командованием подполковника Змеёва и яицкие казаки, присылавшиеся сюда погодно. Только в драгунских полках насчитывалось более 4 тысяч офицеров и солдат, в том числе: в Невском – 1091, Луцком – 249, Вологодском – 1250, Нарвском – 1247 и Казанском – немногим более 400³⁰. Вместе с «пригородошными солдатами» (их было 2431 человек³¹), из которых позднее, в начале 1730-х годов, были сформированы два конных ландмилицких полка. Общая численность всей этой группировки составляла не менее 6500 человек.

С наступлением весны главные силы этого корпуса выдвигались с зимних квартир к югу. В 1731 г. «главная квартира» В.Б. Шереметева размещалась в пригороде Ерыклинске на правом берегу Большого Черемшана. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют представить детальную картину размещения войск в Заволжье. Но, видимо, каждый из пяти полков имел свой участок обороны и распределялся по всей глубине защитных порядков. Вот как сказано о таком порядке у И.К. Кирилова: «Между Тиинска, и Ерыклинска, и Сергиевска, и Алексеевска стоит на пастах драгунский гарнизонный казанской Друмантов (под командованием С. Друманта – Э.Д.) полк для охранения от набегов каракалпакских»³². Очевидно, что система защиты от нападений кочевников была глубоко эшелонированной и представляла собой несколько оборонительных порядков (рис. 2)³³. Первый и второй из них смыкались в нижнем течении р. Большой Черемшан у Белого Яра и Ерыклинска, где правый берег реки защищали совместно драгунские полки и солдаты, поселенные в этих «пригородках». По пригородам Закамской линии от Ерыклинска к Новошешминску и до Мензелинска службу несли «пригородочные солдаты», которые также должны были охранять «пасты» между ними. Южнее, от Ерыклинска по Большому Черемшану и размещались небольшие воинские команды, как, например, в урочище «Тридцати дубов». Эта вторая линия была достаточно эффективной, так как под ее защитой в относительной безопасности находились многочисленные сельские поселения. И, наконец, наиболее удаленной и опасной являлась линия редутов. Они располагались по правому берегу Сока: начинаясь несколько ниже устья Кондурчи - редуты у Каменного

получил звание генерал-аншефа и уволен со службы «за слабым здоровьем». Умер в 1737 г. См.: Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев 1668-1737. М., 1913. Т. 1. С. I-XXXV

³⁰ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668-1737. М., 1913. Т. 1. С. XXXII – XXXIII; М., 1914. Т. 2. С. 448-449. Приложения. С. 26.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 88-89, 104-105.

³² Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 217.

³³ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668-1737. Т. 2. Приложения. №11. С. 31, 33, 34; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 88-90.

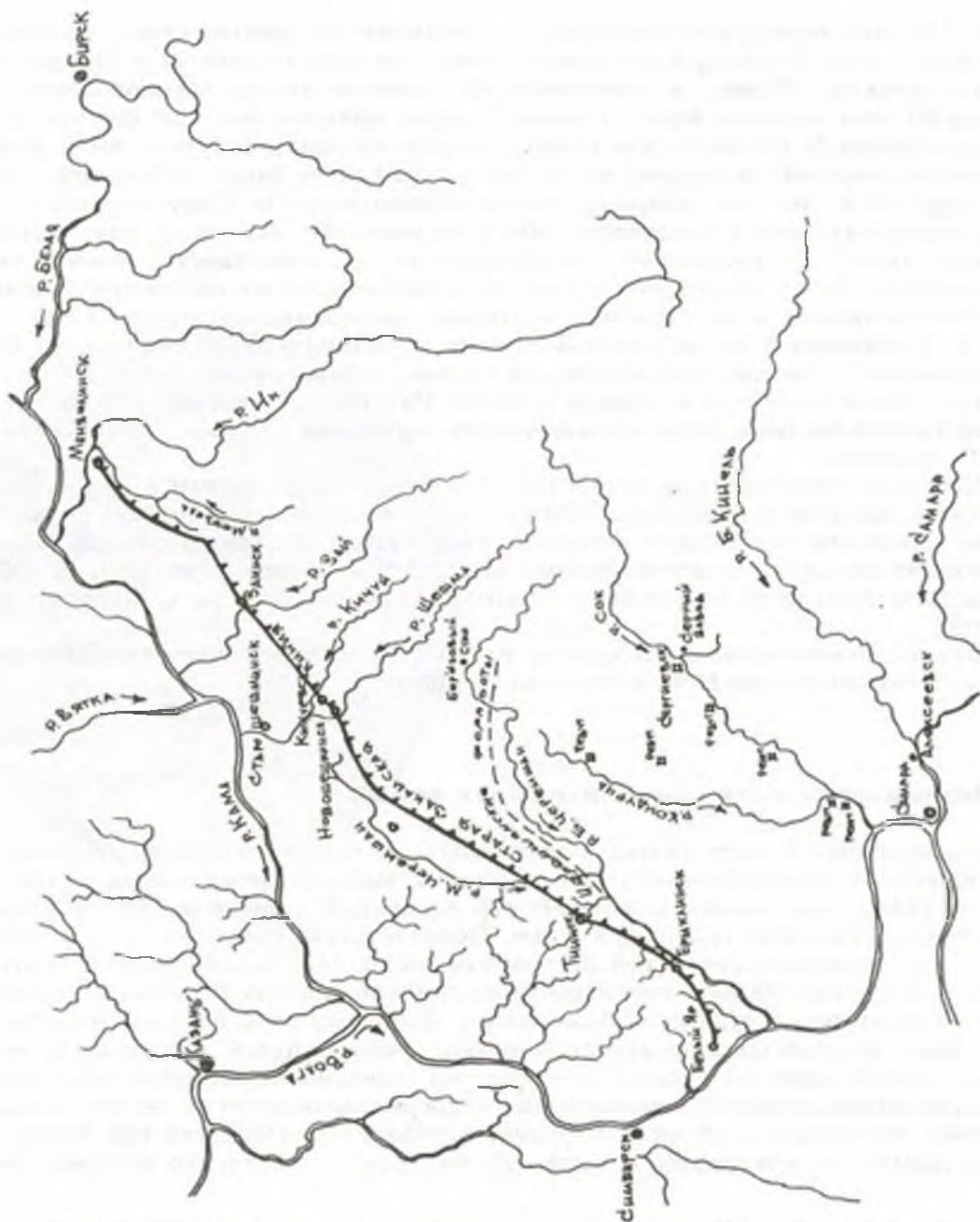

Рис. 2. Оборонительные сооружения лесостепного Заволжья накануне строительства Новой Закамской линии.

броду и Нижний Кондурчинский; в среднем течении по правому берегу притока Сока р. Раковки - редут Раковский, на левом берегу еще одного притока р. Ольшанки - редут Ольшанский. Далее, у пригорода Сергиевска на противоположном берегу р. Тепловки был устроен маяк. Таким образом, практически все течение Сока от устья до пригорода Сергиевска и серного завода по правому берегу было защищено редутами, возведенными задолго до строительства Новой Закамской линии. Создание здесь передовой системы обороны вполне объяснимо. По Соку проходил водный путь к серным заводам и Сергиевску. Эта река являлась первым крупным водным рубежом на пути к Б. Черемшану. Характерно, что на «ландкартах» именно по Соку были показаны места «перелаза» башкир и разоренные от их нападений селения. Редуты были устроены и в глубине территории, защищенной течением Сока – на р. Липовке, у впадения в нее р. Елховки и выше по течению Кондурчи – редут Верхний Кондурчинский³⁴. На, так называемые, «Сокские редуты» посылались небольшие сторожевые отряды из драгун и яицких казаков. Разумеется, особую роль во всей этой оборонительной системе должны были играть гарнизоны Самары, Алексеевска и особенно Сергиевска.

Правительство пыталось защитить и более дальние подступы к уже осваиваемому региону. Во второй половине 1720-х гг. на р. Сакмаре был устроен укрепленный городок, основным населением которого стали яицкие казаки, перешедшие на государственную службу. Существовавшая еще в XVII веке дорога из Самары в Яицкий городок была защищена 11 заставами: Осиновой, Дубовой (ныне с. Дубовый Умет) и другими³⁵.

Таковой представляется ситуация, сложившаяся в регионе накануне принятия решения о строительстве Новой Закамской линии.

Возрождение идеи оборонительных линий

В современной литературе, посвященной истории развития русского градостроительного и фортификационного искусства высказывается мысль о том, что в 1730-е – 1740-е годы произошел пересмотр концепции возведения крупных оборонительных сооружений на границах России. Правительство посчитало необходимым отказаться от единичных крепостей петровской эпохи. Оно возобновило строительство протяженных линий на юге и юго-востоке, там, где слабозаселенные лесостепные и степные территории государства были плохо защищены от внезапных набегов кочевников. Было решено обезопасить пограничные районы путем заселения и освоения степных окраин, заменой отдельных крепостей сплошными линиями, состоящими из ряда укрепленных пунктов, соединенных непрерывными рвом и валом. Обычно это изменение связывают с двумя факторами: передачей руководства над всеми фортификационными сооружениями Российской империи и, несколько позднее, Военной

³⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др.

³⁵ Там же. С. 83; РГИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

коллегией Х.А. Миниху (рис. 3), а также с изменениями, во внутриведомственной линии правительства, обусловленными восшествием на престол Анны Иоанновны³⁶ (рис. 4). Этот вывод в значительной степени соответствует действительности, хотя и нуждается в определенной коррекции. Действительно, Миних, став в 1727 г. обер-директором над фортификациями, в 1729 г. генерал-фельдцейхмейстером и обер-директором Канцелярии главной артиллерии и фортификации Военной коллегии, в 1732 г. президентом Военной коллегии, оказал значительное влияние на обустройство южных и юго-восточных границ России³⁷. Но в большей степени, новые подходы к защите собственных окраинных территорий были обусловлены переориентацией всей внешней и внутренней политики страны.

Рис. 3. Генерал-фельдмаршал граф Б.Х. Миних. Литография 1840 г.

Добившись в первые десятилетия XVIII в. впечатляющих успехов на западных границах, выхода к Балтике, Россия традиционно обращает взор на юг и юго-восток. Идея необходимости эффективной защиты пограничных со степью территорий возникла еще в период царствования Петра Великого. С середины 1710-х гг., наряду с планами среднеазиатской экспансии³⁸, правительство поставило перед собой задачу оградить от нападений кочевников юго-восточный регион Европейской части России, создать новые районы для земледельческого расселения. Подобная задача являлась не чем иным, как продолжением длившейся более полутора веков, уже ставшей традиционной, политики страны в лесостепном и степном пограничье, *фронтире*, как обычно называют это пространство в западной науке. Уже в 1718-1720 гг. между Доном и Волгой была построена укрепленная линия, при сооружении которой использовались как традиции русского оборонительного

искусства XVII в., так и европейский опыт военной инженерии³⁹.

³⁶ Петербург и другие российские города XVIII-первой половины XIX веков. М., 1995. С. 276.

³⁷ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 667, 670; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 603.

³⁸ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. М., 1986. С. 5-9.

³⁹ Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Петр I в Царицыне и на среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 104-108; Лавринова Т.В. Царицынская линия: история строительства 1718-1720 гг. и первые годы существования. Автореф. дис...канд. ист. наук. Воронеж, 1990.

Рис. 4. Императрица Анна Иоанновна.

Новая тенденция окончательно сформировалась к концу 1720-х гг. и начала претворяться в жизнь в первые годы правления Анны Иоанновны. Историки предполагают, что идея об укреплении южных границ России непрерывной линией была выдвинута генералом Вейсбахом, занимавшим одну из ключевых должностей на Украине⁴⁰. В 1730 г. правительство уже имело план строительства Украинской линии⁴¹. Летом этого же года комиссия фон Любарса⁴² обследовала Царицынскую линию. Выводы комиссии были неутешительными. По мнению ее руководства оборонительная система не способна отразить нападения кочевников, поэтому следует полностью перестроить укрепления, увеличить количество крепостей и даже изменить направление линии⁴³. В 1730 г. казанский губернатор А.П. Волюнский представил в Москву «записку о башкирском вопросе в Российской империи», в которой предлагал перейти к более активным действиям в Заволжье⁴⁴. Инициатива Волюнского была вызвана

непрекращающимися нападениями кочевников. Об этом свидетельствует заявление одного из активных участников Оренбургской экспедиции А.И. Тевкелева. Последний по прошествии многих лет так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в регионе в начале 1730-х гг.: «Хотя тогда армейских не менее четыре полка на форпостах («Черемшанских» - Э.Д.) содержалось, ежегодно Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более Российских подданных в плен бралось...»⁴⁵.

В конце 1730 года Сенат принял решение об одновременном строительстве трех укрепленных линий – Украинской, «Новой Закамской»⁴⁶ и Царицынской⁴⁷. Правительство Анны Иоанновны утвердило решение Сената относительно сооружения двух

⁴⁰ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 68; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. СПб., 2001. С. 128.

⁴¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 129; РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13-13об.

⁴² Нередко встречается также как Любарс или Люберас.

⁴³ Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Петр I в Царицыне и на среднем Дону. С. 110.

⁴⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. I. № 134

⁴⁵ Цит. по: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 24.

⁴⁶ Ныне широко используемое название «Новая Закамская линия» появилось значительно позднее, во второй половине XIX в.

⁴⁷ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 128; РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13-13 об.

тельство Анны Иоанновны утвердило решение Сената относительно сооружения двух первых линий. В отношении же Царицынской оно не согласилось с заключением комиссии фон Любарса и выделило средства только для ее срочного ремонта.

О том, что российское правительство в 1730 г. пришло к убеждению о необходимости проведения комплекса дорогостоящих мероприятий для защиты всего юга и юго-востока европейской части России и строительства для этого цели протяженных оборонительных линий (или реконструкции, как в отношении Царицынской линии) свидетельствует не сохранившийся в подлиннике текст именного указа от 18 декабря 1730 г. По этому указу для осмотра поселений украинских полков от Днепра до Дона были посланы генерал-майор А. Тараканов и инженер генерал-майор Дебриньи (de Brigny). Генерал-майор Бриль (де Брильи, Brilly)⁴⁸ получил задание осмотреть Царицынскую линию и места предполагаемых поселений «за Волгой, по реке Оке (видимо, ошибка, правильно – Соку – Э.Д.) до реки Белой»⁴⁹. Вполне очевидно, что в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. правительство попыталось выработать комплексный план организации защиты трех наиболее опасных направлений на юге и юго-востоке европейской части России от нападений кочевников и создания там новых районов оседлого земледельческого расселения. Этот проект в определенной степени повторял известную попытку, предпринятую столетием раньше при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче в 1630-е – 1650-е гг. создать единую систему укрепленных пограничных линий от границ с Речью Посполитой до р. Камы.

Главная проблема заключалась в том, чтобы определить концепцию и принципы строительства новых укрепленных линий. Сама идея соединения в единое целое оборонительных валов, рвов, крепостей, передовых застав и т. д. была разработана и воплощена в российской практике еще в XVI - XVII вв. Теперь же требовалось совместить ее с европейскими фортификационными приемами, которые начали широко использоваться в петровской России. Для засечных черт, пожалуй, впервые такое совмещение на практике осуществилось в конце 1710-х гг. при сооружении Царицынской линии⁵⁰. Дальнейшее развитие этих идей стало одним из важнейших направлений в деятельности вновь созданной Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Специалисты, работавшие в этой учреждении, разработали целый ряд образцовых проектов. «Проекты больших, средних и малых крепостей рассматривались как схемы, допускающие изменения при осуществлении строительства в конкретных условиях. Более мелкие оборонительные единицы – редуты, реданы, форпосты, маяки и т. д. – как чисто стратегические сооружения строились по всей стране по единым образцовым проектам. Составленные в 1730-1740-е годы инженерами военного ведомства проекты крепостей предусматривали не только правильные геометрические очер-

⁴⁸ Эти два генерала были личностями весьма известными. Француз и итальянец, они поступили на русскую службу в начале Северной войны. Проявив себе в качестве талантливых инженеров, Дебриньи и де Брильи дослужились впоследствии до весьма высокого чина генерал-лейтенанта. См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 5. С. 74-76; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 536.

⁴⁹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. 2. 1725-1740. С. 237. № 3926.

⁵⁰ Лавринова Т.В. Царицынская линия: история строительства 1718-1720 гг. и первые годы существования.

тания укреплений, но и регулярное расположение находившихся внутри казенных, административных, хозяйственных и жилых зданий»⁵¹. В соответствии с этими веяниями в 1731 – 1742 гг. была возведена Украинская линия из 16 крепостей и значительного числа редутов. Ее вал протяженностью 268 верст тянулся от Днепра до Северского Донца. Таким же образом строилась и Новая Закамская линия в 1731-1736 гг.

Следует отметить, что на первых порах, по крайней мере, до середины 1730-х гг., идеи западных фортификаторов (Вобана и других) были восприняты в России слишком буквально, без учета особенностей границ страны, традиционного противника на юге и юго-востоке и т.д. Военная инженерия в России находилась в стадии становления. В Инженерной школе и Инженерном корпусе на руководящих должностях преобладали иностранцы. Руководитель военного ведомства Миних обладал глубокими познаниями в европейской фортификации, но долгое время не мог совместить их с российской действительностью. Можно согласиться с мнением известного военного историка Д.Ф. Масловского, писавшего о действиях Миниха: «...была решена постройка непрерывной украинской линии, которая носила на себе тип господствовавшей в то время в Западной Европе системы непрерывных укреплений, оказавшаяся в царствование Елизаветы неудобною, крайне тяжелою для населения и не приносящей пользы, хотя стоящей громадных затрат»⁵². Еще более резкое суждение по этому вопросу можно найти у такого крупного специалиста по истории фортификации как Ф.Ф. Ласковский⁵³.

Только со второй половины 30-х гг. XVIII в., когда приступили к строительству Оренбургской линии и оборонительных систем в Сибири, началось исправление этих ошибок.

Решение о строительстве укрепленных линий на юге и юго-востоке европейской России было принято Сенатом в конце 1730 г. Следовательно, идея, а возможно и предварительные наброски проекта подобного сооружения в Закамье, его привязки к конкретной местности, должны были появиться еще раньше. Вряд ли правы историки, считающие, что инициатива создания новой линии исходила от ее будущего строителя тайного советника Федора Васильевича Наумова⁵⁴. Наумов только осенью 1728 г. вернулся в столицу из Лубовержной Украины, где сыграл ключевую роль в избрании нового гетмана⁵⁵. В Москве он принял активное участие в событиях спутствовавших восхождению на престол Анны Иоанновны. Наумов входил в группу М.А. Матюшкина, разработавшую свой проект ограничения самодержавия. Создатели этого проекта были люди «родословные», близкие по взглядам к позиции Верховного Тайного совета⁵⁶. Несомненно, что не только члены Верховного Тайного Совета, затеявшие «кондиции», но и участники всех остальных группировок, предложивших

⁵¹ Петербург и другие российские города XVIII-первой половины XIX веков. С. 276.

⁵² Масловский Д. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 92.

⁵³ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 64-65, 281.

⁵⁴ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 21.

⁵⁵ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 138.

⁵⁶ Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 166, 230-231, 234.

свои проекты переустройства самодержавия, оказались в сильнейшем подозрении у новой императрицы⁵⁷. Укрепившись на троне, Анна Иоанновна под благовидным предлогом начала высылать участников дворянского движения из столицы⁵⁸. В начале 1731 г. тридцативосьмилетнего Федора Наумова неожиданно отправили в далекое Заволжье, что фактически явилось ссылкой. Вряд ли он имел какое-либо отношение к созданию проектов строительства оборонительной линии на южных и юго-восточных рубежах России, которые разрабатывались в Военной коллегии. Наумов в это время (1730 – начало 1731 гг.) был занят совершенно иным делом, с осени 1730 г. он работал в комиссии, составлявшей новое Уложение⁵⁹. Тайный советник не только не выступил с инициативой новых мероприятий по укреплению юго-восточных рубежей европейской России, но и не был первым, кому поручили практическое исполнение этого проекта. Первым был генерал-майор де Брильи, вряд ли что успевший сделать на этом поприще и пробывший в новой должности всего два месяца. Вместо него и был назначен Федор Наумов.

Создание Закамской экспедиции и начало ее работы

Правительство Анны Иоанновны зимой – летом 1731 г. весьма интенсивно занималось вопросами укрепления безопасности на всем пространстве фронта с кочевыми народами от Дона до Камы и Яика. Первоначально, в течение 1731 – начала 1732 гг. сооружение Новой Закамской, как впрочем и Украинской линии находилось под непосредственным постоянным контролем Кабинета министров и Сената, высших после императрицы учреждений Российской империи. Совокупность основных указов, распоряжений и инструкций императрицы, Кабинета министров и Сената, Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации о конкретных действиях по устройству нового укрепленного района, финансированию строительства, обеспечению его военными силами и рабочей силой, охране была принята в феврале – июле 1731 г.

Первым, по-видимому, был сенатский указ от 14 февраля 1731 г., в котором тайному советнику Наумову поручалось весной этого года начать крупномасштабные работы по строительству укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Икь»⁶⁰. Непосредственно с этим указом был связан еще один от 19 февраля 1731 г. В нем предписывалось сформировать в Казанской губернии Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Их следовало создать из жителей пригородов старой Закамской линии; а также пахотных солдат, однодворцев, других категорий бывших служилых людей Среднего Поволжья, переве-

⁵⁷ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. Кн. X. С. 215.

⁵⁸ Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 300.

⁵⁹ Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 223.

⁶⁰ Иванов М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. С. 63.

денных при Петре I в категорию государственных крестьян⁶¹. Отметим, что ранее, указом от 15 января 1731 г., было принято решение о формировании новых ландмилицких полков и строительстве оборонительной линии на Украине⁶². Очевидно, что руководство государством и в том и в другом случаях действовало по одному плану.

Возникает вопрос, что же такое ландмилиция и какую роль она играла в составе российской армии первой половины XVIII в. Под ландмилицией понимается род поселенных войск, предназначенных для охраны границ Российского государства. Учрежденные Петром I в 1713 г., эти полки в правление Анны Иоанновны резко выросли численно и были реорганизованы⁶³. По мнению историков, 1710 – 1740-е годы были временем расцвета ландмилиции не только в России, но и, в Европе. «Европа покрылась милициями», так писал один из современников этого процесса⁶⁴. Важнейшим мотивом создания этого рода войск являлось стремление уменьшить рекрутские наборы и их дешевизна. Регулярный конный ландмилицкий полк обходился государству в 3,5 раза дешевле драгунского регулярного полка и в 1,7 раза - драгунского гарнизонного⁶⁵. Ландмилиция, в значительной степени, обеспечивалась земельным жалованием, что одновременно способствовало хозяйственному освоению окраинных пограничных территорий. Кроме того, эти полки снабжались всем необходимым, за счет сословия однодворцев, из которого они формировались. Для этого использовался подушный семигривенный налог с однодворцев⁶⁶, а также специальный 4-гривенный сбор, который собирался с однодворцев и государственных крестьян⁶⁷.

Ландмилицкие полки считались регулярными (в 1731 г. этот принцип стал обязательным), но по характеру службы они значительно отличались от армейских. Действительно регулярными в них были только офицеры. Зимой ландмилиционеры могли находиться дома, летом собирались на лагерные сборы и использовались, когда это было необходимо. Комплектовались они только из однодворцев, подлежащих поголовной воинской повинности. Существуют различные мнения о боеспособности этого рода войск. Выше уже приводилось мнение В.П. Шереметева, весьма скептически относившегося к их боеспособности. Но вот, например, Х.Г. Манштейн писал, что «это превосходнейшее войско в России»⁶⁸.

В указах о создании ландмилицких полков повторяется положение о том, что они должны стоять «на Черемшане» или на «Черемшанских форпостах». Создается

⁶¹ Сборник РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 25, 34.

⁶² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 128.

⁶³ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. К - М. С. 277.

⁶⁴ Цит. по: Петрухинцев Н.П. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 124.

⁶⁵ Петрухинцев Н.П. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 121.

⁶⁶ Петрухинцев Н.П. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 125.

⁶⁷ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л., 1982. С. 178; Петрухинцев Н.П. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 107.

⁶⁸ Манштейн Х.Г. Записки Майнштейна о России. 1727-1744. СПб., 1875. С. 67.

впечатление, что на первых порах составители указов не совсем четко представляли себе, где должна строиться Новая Закамская линия. На самом деле, эти четыре полка должны были охранять строительство именно новых укреплений и стать костяком ее гарнизонов. В том же феврале 1731 г. из столицы к астраханскому губернатору И. Измайлову было послано извещение о том, что вместо генерал-майора де Брильи для осмотра новых мест к размещения укреплений и военных сил в Поволжье послан тайный советник Наумов, а с ним отставной полковник Иван Оболдуев⁶⁹ и артиллерийский полковник Гарбер⁷⁰. Район, где должна была действовать новая экспедиция, охватывал огромную территорию юго-востока европейской части России и практически совпадал с тем, который ранее указывалось обследовать де Брильи. Наумов, фактически, становился наместником всего фронта, пограничной полосы с кочевниками, протянувшейся от Дона до Камы. Суть предстоящего поручения была изложена в особой «Инструкции», врученной начальнику экспедиции 21 февраля 1731 г. Перед тайным советником были поставлены две главные задачи:

– набрать из государственных крестьян Казанской губернии, тех, кто до 1724 г. были в службе в закамских и симбирских городках, и также казанских пригородов 2 полка ландмилиции,

– произвести осмотр территории Заволжья – ниже «Черемшанских форпостов» по р. Соку до р. Ик, Самаре, Иргизу, другим левобережным притокам Волги, и Предволжья – по Царицынской линии и по притокам Дона – Иловле, Медведице и другим – с тем, чтобы в «опасных местах» поставить городки и поселить в них вновь созданные полки.

В «Инструкции», состоящей из 18 пунктов, более детально были изложены дела, порученные Наумову, и определены средства для их исполнения. В распоряжении руководителя экспедиции должен был находиться следующий штат сотрудников. Кроме И. Оболдуева и военного инженера в него должны были войти сотрудники канцелярии (1 секретарь, 2 канцеляриста, 6 копиистов) и 4 геодезиста из Казанской губернии. В случае если сотрудников не будет хватать, Наумов мог их добрать из городов Симбирской провинции. Для набора солдат в ландмилицкие полки в каждый полк посылались по одному штаб-офицеру, по два обер и унтер-офицера, по несколько человек рядовых. Жалованье всем этим людям предполагалось платить из так называемого 4-х гривенного сбора. Новые полки обеспечивались деньгами, довольствием и обмундированием из этого же сбора. Солдаты должны были носить такую же форму, как и в украинских полках ландмилиции. Служба предполагалась сезонной. Солдат собирали в теплое время года, а на зиму отпускали по домам.

Термин «Закамская экспедиция» или «комиссия» крайне редко можно найти в документах 1730-х гг., освещающих строительство новой линии в Заволжье. Но, в данной работе он используется как наиболее удобный и лучше других отражающих суть данного государственного предприятия.

Сроки для разработки проекта предлагались самые сжатые. Весной – в начале лета сотрудники экспедиции должны были осмотреть всю местность, составить планы

⁶⁹ В некоторых документах он упоминается как подполковник. См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 121.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 1.

и представить свои предложения по обустройству линии⁷¹. В начале марта 1731 г. в распоряжение Наумова было указано передать казанский гарнизонный драгунский полк, стоявший на «черемшанских форпостах» и служилых казаков из местных пригородов⁷².

Так началась командировка тайного советника в Заволжье, где он и подчиненные ему офицеры приступили к подготовке и реализации нового проекта. Уже после завершения строительства и отставки Федора Наумова, когда речь шла о выдаче ему жалованья за строительство линии, началом службы этого человека на новом месте считали именно февраль 1731 г.

Совершенно очевидно, что данный проект в его первоначальном виде был совершенно нереален. Для обеспечения безопасности огромного региона от Дона до Камы необходимы были другие средства и другие полномочия. Фактически, Наумов должен был стать наместником огромного края, а в его распоряжение следовало передать все воинские силы и местную администрацию. Для опытного администратора такое несоответствие стало очевидным уже при первом ознакомлении с порученным ему предприятием. Текст его донесения в Сенат, датированный началом марта 1731 г., весьма интересен и состоит как бы из нескольких уровней. Наумов и не отказывается от всего объема порученного ему дела, но пишет, что оно чрезвычайно сложное и справиться с ним имеющимися в его распоряжении силами к указанному сроку совершенно невозможно. Прежде всего, руководителя будущих работ беспокоит размер территории, на которой их предстоит производить. Для того, чтобы ее всю охватить, необходимы три группы проектировщиков во главе с «инженерными обер-офицерами», каждая из которых должна обследовать свой участок:

- по Дону, Иловле и другим рекам,
- от Волги по р. Соку,
- от р. Ик к Соку.

Об обследовании других левобережных притоков Волги – рек Самары, Большого Иргиза и других Наумов просто умалчивает. Но лучше всего, по его мнению, не увеличивать число инженерных партий, а сократить район для обследования местностью между р. Волгой и Иком. Это положение и составляло суть донесения Ф.В. Наумова. Все остальные его предложения носили частный характер. Они сводились к просьбам: увеличить количество офицеров для набора ландмилицких полков, точнее определить источники жалованья служилым людям, поручить яицким казакам предупредить руководство экспедиции о набегах кочевников⁷³. В решении Сената от 11 марта практически все предложения тайного советника, и, самое главное из них, о сужении района работ до междуречья Волги и Ика, были удовлетворены⁷⁴. Тем самым был, фактически, задан район предстоящих работ и ориентировочное направление будущей линии.

Основной состав Закамской экспедиции сформировался к началу лета 1731 г. Тогда же в мае – начале июня ее участники приступили к работе. Обязанности сре-

⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 2-8.

⁷² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 29.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 39-40.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 41-41об.

ди руководящего состава распределялись следующим образом. Под началом Наумова находились два его заместителя: по организационным вопросам и военной части - полковник И. Оболдуев и по инженерной - капитан-поручик И.А. Бибииков. Летом 1731 г. к ним прибавился гвардейский подпоручик князь И. Давыдов, выполнявший надзорную функцию и занимавшийся координацией отношений с местными властями.

До осени 1731 г. первое место среди них занимал полковник Иван Оболдуев. К новой экспедиции он был причислен уже весьма пожилым человеком 58-ми лет. Ранее, до сентября 1730 г., полковник служил в Низовом корпусе в Дербенте и был отпущен из Закавказья по состоянию здоровья⁷⁵. В случае отсутствия тайного советника именно Оболдуев исполнял его обязанности.

Все геодезические и инженерные работы находились в ведении инженера капитан-лейтенанта (иногда его в документах называют капитан-поручик, что было связано с изменениями, происходившими в то время в Табели о рангах) Ильи Александровича Бибиикова, командированного из «Конторы главной артиллерии и фортификации». Это был сравнительно молодой человек - 33-х лет от роду, служивший в Инженерном корпусе и имевший определенный опыт картографических и фортификационных работ. Решение об его посылке в экспедицию Наумова «для описи и меры» было принято Минихом 1 марта 1731 г.⁷⁶ Ранее упоминавшийся инженер Гарбер какого либо реального участия в производстве работ не принимал и, видимо, был отставлен сразу же после назначения. Под руководством Бибиикова в экспедиции сложилась группа инженеров. Вместе с капитан-лейтенантом был послан кондуктор Гавриила Окулов (в документах встречается также как Акулов). Еще одного кондуктора предписывалось взять из Казани⁷⁷. Несколько позднее из Санкт-Петербурга были направлены прапорщик М. Вельяминов-Зернов, кондуктор В. Верховской, да из Москвы кондуктор М. Чириков⁷⁸. Таков был первоначальный состав «инженерной команды», сыгравшей столь значительную роль в строительстве укреплений. Многочисленные карты Закамской линии составлялись и подписывались именно этими людьми. Под их началом производились все фортификационные инженерные работы. Кроме того, к Бибиикову были прикомандированы геодезисты из местных гарнизонов, но они занимались в большей степени размежеванием земель⁷⁹. Весьма любопытен список материалов, выделенных по просьбе Бибиикова, для выполнения всех поставленных перед ним задач. В своем донесении к Миниху 5 марта 1731 г. он «требовал для снятия сочиняющейся крепости и линии на дистанции от реки Соку и до реки Хопра и протчому планов и сочинению чертежей о даче инструменту и выдаче припасов, а имянно александриской стопу, пищи две стопы (*бумаги - Э.Д.*), кормину пять золотников, карандашу двенатцать дюжин, кистей разных рук две дюжины, яри веницехской двенатцать золотников, для запечатывания чертежей и рапортов сургучу полфунт». Все запрошенные материалы были выданы в экспедицию⁸⁰.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 32, 35.

⁷⁶ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 55об.-56.

⁷⁷ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 55об.-56.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 53-53об.; А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 151об.-152.

⁷⁹ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 62-63.

⁸⁰ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 64.

Рис. 5. Генерал-прокурор П.И. Ягужинский.

педиции. Но там состав руководства по чинам и положению в тогдашней служебной иерархии был гораздо представительней.

Отметим, что в 1731 и первой половине 1732 гг. деятельность Закамской экспедиции находилась под контролем Кабинета министров и Сената. Ее руководитель Федор Наумов отчитывался, прежде всего, перед этими высшими учреждениями Российской империи. Свои первые донесения в Сенат Наумов адресует П.И. Ягужинскому (рис. 5). Последний после восшествия Анны Иоанновны на престол приобрел на короткое время почти неограниченное влияние в Сенате и других центральных учреждениях⁸². Характерно, что именно Ягужинский объявил сенаторам в начале 1731 г. указ императрицы об учреждении Закамской экспедиции во главе с Ф.В. Наумовым. О том, что между этими двумя людьми существовали какие-то особые доверительные отношения, свидетельствует несколько отличное от официального обращение тайного советника к генерал-прокурору в донесениях в Сенат: «Сиятельный граф, Милостивый государь мой Павел Иванович!»⁸³. Возможно, Ягужинскому принадлежала особая роль в создании новой экспедиции.

Несколько позднее, уже в июле, для координации работ, согласования возникших проблем между руководством экспедиции и местными губернскими властями (прежде всего с В.П. Шереметевым), в Заволжье был послан подпоручик гвардейского Преображенского полка Иван Давыдов. Он был обязан состоять при Наумове «и смотреть, чтоб то дело линии и крепостей, тако ж выбор и поселение полков могло следовать во всем с добрым порядком и поспешением»⁸¹.

Таким образом, Наумов, Оболдуев, Давыдов и Бибилов представляли в 1731 г. весь постоянный командный состав экспедиции и, как это явствует из документов, принимали активное участие в производстве работ. О каких-либо конфликтах, возникавших между ними, сведений не имеется.

Любопытно, что аналогичный по составу и распределению функций командный набор сложился и в Украинской экс-

⁸¹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 91-95, 104-105.

⁸² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 55; Звягин А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994. С. 31.

⁸³ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. № 1,3, 6. С. 20, 22-23, 25-26..

Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют, что Миних, с 1730 г. являвшийся вице-президентом Военной коллегии и фактически руководивший ее деятельностью, первое время имел самое общее представление о задачах, стоящих перед экспедицией и территории, на которой она должна была действовать. Бибиков, по распоряжению Миниха приписанный к Закамской экспедиции «для усмотрения, в которых местах способных от неприятельских набегов по реке Соку и до Хопра линии и крепости построить», по крайней мере, на первых порах, ему подчинялся лишь опосредованно. Напутствуя капитан-лейтенанта перед отъездом в Заволжье, Миних ограничился самыми общими указаниями. Он просил Бибикова ознакомиться с самой территорией: «...те места границе вашей, в которых либо какое сумнение или спор от тех стран соседех имеется и иногда какой притчины ради с нашей стороны уступлено или на их сторону перейдено и при сочинении границ без окончания оставлено находитца будет, то все надлежит вносить в ...карту»⁸⁴. Изучение делопроизводства Штаба генерал-фельдцейхмestера дает основания предположить, что идея создания укрепленной линии в Заволжье возникла, скорее всего, не у Миниха и его окружения, а на первых этапах ее воплощением в действительность руководили другие люди. Реальные очертания она приобрела только после тщательной проработки на местности весной – летом 1731 г. экспедицией под руководством Ф.В. Наумова.

Но окончательные выводы по всем этим вопросам можно сделать только после ознакомления со всей совокупностью документальных материалов, относящихся к деятельности российского руководства в эти годы.

* * *

Деятельность вновь организованной Закамской экспедиции в лесостепном Заволжье сопровождалась многими трудностями. Для того, чтобы преодолеть их, нужна была помощь, как со стороны высших правительственных учреждений, так и местного руководства края. На первых порах Наумов, несомненно, получил поддержку и покровительство князя Михаила Владимировича Долгорукова, назначенного казанским генерал-губернатором в ноябре 1730 и исполнявшего эту должность до конца 1731 г. Этим людей соединяло многое - родственные связи и, видимо, близость взглядов на происходившие при императорском дворе события. И тот и другой пострадали за участие в деле «верховников»⁸⁵. Но Долгорукий уже не имел такого влияния как ранее, в правление Петра II. Вторым лицом в Казанском крае являлся генерал-лейтенант Владимир Петрович Шереметев, командовавший войсками на «Черемшанских форпостах», то есть в непосредственной близости от района экспедиционных работ. Обязанный во всем помогать Ф.В. Наумову, он, напротив показал себя как наиболее настойчивый и упорный противник строительства новой линии. Трудно объяснить, чем было вызвано его противодействие. Возможно, Шереметев почувствовал себя ущемленным и обойденным, не хотел делиться своей властью в крае. Тем более, что из под его ведения выводились крупные военные соединения – Казанский драгунский полк, «пригородочные солдаты», да и фактически, сам генерал-

⁸⁴ А ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 65.

⁸⁵ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. Д. К. М., 1996. С. 61; Соловьев С.М. Сочинения в 18 тт. Кн. X. М., 1993. С. 252.

лейтенант со всеми своими полками должен был выступить для охраны района производства строительных работ. Возможно, между этими примерно равными по чинам в «Табели о рангах» людьми противоречия возникли еще раньше, когда оба служили на Украине. Но, скорее всего, дело объясняется тем, что генерал-лейтенант был противником крупного дорогостоящего строительства и нарушения того спокойствия в крае, которое удалось наладить между русскими и башкирами.

Споры и противодействие работе экспедиции начались сразу же после появления ее сотрудников в Заволжье. Между тем, от позиции Шереметева зависело очень многое. Именно он должен был предоставить войска для охраны района рекогносцировочных работ и обеспечивать безопасность во время производства строительных работ. В предписаниях из центра, Наумов обязали согласовывать все свои действия именно с Шереметевым⁸⁶.

Для вновь созданной экспедиции (в документах того времени ее иногда называли комиссией⁸⁷) были определены чрезвычайно сжатые сроки проектных работ. К июню 1731 г. необходимо было провести обследования всей территории Заволжья от г. Самары до устья р. Ик, определить трассу прохождения будущей линии, выбрать места для сооружения укреплений, составить планы и смету. Следовательно, летом должны были уже начаться строительные работы⁸⁸. А между тем вследствие распутицы, разлива рек к рекогносцировке местности можно было приступить не ранее первых чисел мая.

Вряд ли можно упрекнуть руководство экспедиции в промедлении и нежелании как можно быстрее приступить к составлению проекта. Уже в конце апреля Федор Наумов и его сотрудники прибыли в Казань (рис. 6). 3 мая они были в Симбирске. Однако, сразу же начались непредвиденные трудности. Для комплектования новых ландмилицких полков в Казанской губернской и Симбирской провинциальной канцеляриях необходимо было получить именные списки всех служивых людей, положенных в податной оклад и окладные ведомости. Кроме того, для охраны экспедиции Шереметев должен был выделить в полное распоряжение тайного советника из подведомственных ему военных соединений Казанский драгунский гарнизонный полк. Ни того, ни другого предоставлено не было. Завязалась переписка. Наумов и Оболдуев жаловались в Сенат на действия казанских властей и, прежде всего, Шереметева. Последний оправдывался тем, что не получил из Военной коллегии указ, а из Казанской губернской канцелярии «промеморию», а кроме того, писал, что отдав полк, он значительно ослабит силы, защищающие уже заселенные территории Закамья⁸⁹. Только 12 мая тайный советник получил от Шереметева сообщение, что указ к тому пришел и драгунский полк отправлен. Однако численность солдат и офицеров в этом соединении — всего около 400 человек — была в несколько раз меньше полного комплекта.

⁸⁶ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. М., 1914. Приложения. №10. С. 30; А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 271об.-272, 274об.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 88-88об.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 51

⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 51.

Рис. 6. Панорама Казани. Гравюра 1767 г.

В очередном «доношении» в Сенат от 16 мая руководители экспедиции изложили свои действия и дальнейшие намерения. Командиру Казанского полка подполковнику Есипову, «оставя полковые тягости», предписано было явиться «с людьми в Сергиевской на реке Соку», а две роты командировать в Самару. Туда же, после прибытия воинских соединений, должны были переехать из Симбирска сотрудники экспедиции. Из Самары предполагалось начать «осмотр и опись местам» по рекам Самаре и Соку в направлении к Сергиевску. Однако, началу работ мешало еще одно обстоятельство. Для съемки и описания местности и составления проекта в экспедиции явно не хватало инженеров. В том же донесении Наумова содержится просьба прислать еще одного (помимо Бибикова) обер-офицера с дополнительными кондукторами и геодезистами⁹⁰. В Санкт-Петербурге вполне осознавали законность этой просьбы. Еще 3 мая Миних рапортовал в Военную коллегию о том, что послал в Заволжье прапорщика Т. Вельяминова-Зернова и кондукторов В. Верховского и М. Чирикова. Однако с их прибытием в экспедицию случилась задержка. 2 июня генерал-фельдцейхмейстеру пришлось оправдываться за опоздание этих инженеров⁹¹.

Шереметев, лучше других знавший ситуацию во вверенном ему регионе, был человеком порядочным. Перед тем, как обратиться в вышестоящие инстанции, он решил открыто высказать Наумову свое неприятие самой идеи строительства линии в Заволжье и предостеречь его от поспешных и необдуманных действий. Впоследствии, генерал-лейтенант четко и пространно сформулировал свою позицию и предложил альтернативный план укрепления этого района. А пока он, исходя из самых общих соображений, предупреждал, что от Сергиевска до Мезелинска, «через степи», провести линию, не затронув владения башкир, невозможно. Башкиры, по мнению генерал-лейтенанта, должны болезненно воспринять не только строительство укреплений, но даже осмотр и описание территорий, которыми они владеют. Стабильность же в крае, вверенном Шереметеву, зависела именно от спокойствия башкир⁹².

⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 83, 307-308.

⁹¹ А ВИМАИВВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 151об.-152, 187-188.

⁹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 65.

К сожалению, диалог между этими двумя руководителями так и не налачился. Хотя, судя по всем последующим действиям, Наумов в значительной степени учел предостережения своего оппонента.

В связи с описываемыми обстоятельствами в нарушение всех предшествующих планов, работы по изучению местности для будущего строительства Наумов начал только в июне. 12 июня его сотрудники переехали из Симбирска в Самару. 28 июня они прибыли в Сергиевск. Маршрут экспедиции пролегал от г. Самары по реке Самаре, «которая река вместо линии» к пригороду Алексеевскому. Далее от устья Большого Кинеля обследовалась «степь» к р. Соку при впадении в него р. Кондурчи, затем местность по правому берегу Сока по дороге между выстроенными там ранее редутами к Сергиевску. На составляемую в ходе экспедиционных работ карту, наносились места строительства будущих крепостей и возможные варианты прохождения линии. Инженеры должны были сделать описание местности, почв, определить близость и доступность источников для снабжения водой, подыскать места для расселения ландмилиции. При осмотре правого берега р. Сок, казалось бы, наиболее удобного для создания укрепленных пунктов, Наумов сделал замечание, которое затем сказало на местоположении этого участка линии: «только те места низки, ибо та река болотистая». До 30 июня, когда в Москву в отделение Сената был отправлен с курьерским «доношением» и «ланткартой» вахмистр Литвинов, Закамская экспедиция обследовала всю местность от г. Самары до Сергиевска и дошла до Липовского редута, расположенного к северо-западу от Сергиевска на р. Липовке. Весь этот участок от г. Самары до Сергиевска и был нанесен на «ланткарту».

Работать приходилось на открытых местах, и во время обследования всей этой территории членам экспедиции постоянно приходилось опасаться нападений степняков. Сообщения, полученные Наумовым от представителей местной администрации и посылаемые от него в Москву, буквально насыщены фиксацией таких случаев. Внезапные набеги совершали, как правило, мелкие группы калмыков, каракалпаков и т. д., просачивавшиеся через «перелазы» на реках Самаре, Большом Кинеле, Соке. Численность их составляла от десятка до ста – ста пятидесяти человек. Так, например, во время обследования местности вокруг Сергиевска, около 150 кочевников разгромили русский отряд у Верхнего Кондурчинского редута (верховья р. Кондурчи). Незадолго до этого калмыки или каракалпаки (сообщавший об этом подполковник Змеёв не смог определить национальную принадлежность кочевников) численностью около 60 человек отогнали у местных жителей табун. Бывали и более мелкие происшествия, не приводившие к трагическим случаям. Например, у одного из сергиевских солдат, застигшие его врасплох калмыки, сняли рубаху, отстегали его плетью и отпустили. Таковых «куръезов» за лето насчитывалось множество. Нападения совершали калмыки, каракалпаки и башкиры, причем у местного населения сложился весьма оригинальный способ различать кочевников: «А по станом оных воров признают тамошныя обыватели башкирцов, потому что калмыки кроме грабежа убивства не чинят и писем не берут, а каракалпаки обыкновенно людей берут в полон а не убивают же»⁹³.

⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 134.

Вполне очевидно, что работа экспедиции была направлена, в первую очередь, на защиту местного населения от нападений кочевников, создание условий для появления новых постоянных поселений. С калмыками и каракалпаками все было ясно: их просто нельзя было пропускать в районы оседлого расселения. С башкирами же возникали сложности другого порядка. Они практически являлись местным, коренным населением. Их жилища находились в местах прохождения предполагаемого маршрута оборонительной линии, они владели там пастбищами и промысловыми угодьями. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались башкирские селения, а по Соку, Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичую их охотничьи угодья. В периоды затишья отношения русских, чуваш и других оседлых жителей с башкирами нередко складывались мирно. Сергиевские жители сообщали, что когда они сами охотятся и даже съезжаются с башкирами, то не «скандалят», а если «уловят зверя вместе», то делят пополам⁹⁴. Однако такие «мирные отношения» были весьма своеобразны. Практически, все русские и чувашские деревни по Соку, Кондурче, Липовке и другим рекам были выжжены и жители перебиты именно башкирами.

Поэтому, при обследовании территории от Сергиевска к р. Ику, взаимоотношения с башкирами становятся одной из главных проблем для руководства экспедиции. Если на пространстве между реками Соком и Кичуем угодья этого народа встречались лишь изредка и их можно было обойти, то далее к Ику миновать владений башкир практически было невозможно. Первое серьезное предупреждение о том, что на пути от Сергиевска к р. Ик экспедиция не сможет пройти через «пустые места степи», не «захватя» башкирские земли и что не только строить новые укрепления, но и проехать и осмотреть эти места чрезвычайно опасно, Наумов уже получил от В.П. Шереметева⁹⁵. В этих условиях руководство экспедиции предприняло максимум усилий для того, чтобы выяснить расположение башкирских владений. Опрошенные жители Сергиевска, который в 1731 г. фактически стал центром экспедиционных работ, знали ситуацию только в окрестностях своего пригорода. По их рассказам башкиры осенью и по первому снегу приезжали для охоты на зверя к притоку Сока р. Раковке, расположенной 50 верстами ниже Сергиевска (по другим данным там находились бортные ухажи мордвы из селений Самарской Луки) и выше на 30 верст по течению Сока к р. Сурож. Но особых споров по поводу этих угодий между башкирами и местными жителями не возникало⁹⁶.

Информация, полученная Наумовым в лагере на р. Черемшане, куда он прибыл 3 июля, была куда более тревожная. По сообщениям местного населения, собранным подполковником Змеёвым, обширный Тарханский лес, который находился на пути будущей линии, лежал в зоне башкирских угодий, а в междуречье Сока и Шешмы имелось несколько мест для «прохода» кочевников⁹⁷. О территориях, находящихся к северу от Тарханского леса, практически, ничего не было известно. В этих условиях Наумов вынужден был суммировать свидетельства сергиевских жителей, офицеров своей экспедиции, Казанского полка и местных гарнизонов и все их отправить в Се-

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 123об.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 132.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 123-123об., 134об.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 125-126, 135.

нат. Полковник Оболдуев и прочие офицеры (среди них подполковники Змеёв, Есипов, Мышецкий, капитан-лейтенант Бибииков и другие) предложили строить линию от Сергиевска к уже существовавшему Липовскому редуту. От этого укрепления она должна была пройти чуть выше Верхнего Кондурчинского редута к р. Кондурче. Далее, по их мнению, следовало вести оборонительный рубеж к урочищу «30 дубов» и, оставив Тарханский лес справа, обустроить линию, форсировав р. Шешму, до пригорода Заинска. Далее, продвигаться «в степь» было опасно⁹⁸.

Все собранные предложения и «ланткарта», как уже говорилось выше, были посланы 30 июня в Москву, в Сенат. Но это было только начало, первый этап проектных работ. В этот период деятельность экспедиции продолжалась все лето, захватив и осенние месяцы. Только за первые два месяца, в течение которых в основном была осмотрена вся местность от Самары до Ика, составлены ее описания и планы, по признанию Наумова он со своей командой «перешел» около тысячи верст⁹⁹.

Отметим одно любопытное обстоятельство. Территория, по которой пролегал маршрут экспедиции и выбор, пока еще ориентировочного направления прохождения Новой Закамской линии, фактически совпадали с выделяемым в современной географической науке «ландшафтным переходом от типичных лесостепей Низкого Заволжья к более залесенным и влажным лесостепям Высокого Заволжья»¹⁰⁰. Вполне очевидна связь таких природных зон с границами расселения различных племен и народов в эпохи древности и средневековья.

Начальный проект

Проектирование новой укрепленной линии в Заволжье заняло несколько лет. Реализация идеи укрепления безопасности края прошла ряд этапов, прежде чем воплотиться в законченный проект. Но на самом деле «законченным» этот проект не был никогда, так как вплоть до окончания строительства линии в 1736 г. северо-восточная ее оконечность, должна проходить по «башкирским вотчинам», так и не получила своей инженерно-геодезической проработки.

Летом - осенью 1731 г. в результате полевых изыскательских работ Закамской экспедиции появился только самый предварительный, многовариантный проект Новой Закамской линии. В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранилось несколько ланткарт и приложений к ним, отражающих результаты обследования местности от Самары до Ика и складывания у руководства экспедиции концепции нового оборонительного рубежа. К сожалению, очень трудно выяснить эволюцию этой концепции, этапы ее разработки в течение первого сезона деятельности экспедиции.

По донесениям Наумова изучение района будущего строительства длилось не менее двух с половиной месяцев, то есть в основном завершилось к сентябрю. Одна-

⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 134-134 об.

⁹⁹ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №19. С. 43.

¹⁰⁰ Салимов И.Х. Среднее Поволжье. М., 1994. С. 48.

ко уже к концу июня 1731 г. в московское отделение Сената были представлены из Закамской экспедиции описания местности и чертежи. Вся эта совокупность документов позволила сенаторам 26-27 июля принять решение о направлении будущей линии и начале ее строительства. Лишь на одном из чертежей имеется точная дата его изготовления - июнь 1731 г. Несомненно, что именно он был представлен на заседании Сената 26 июля, принявшем первый план строительства линии. Все остальные карты, относящиеся к 1731 г. таких точных датировок не имеют. Можно лишь предположить, что они были подготовлены в течение июня - сентября 1731 г. Условно мы их относим ко второму - июльско-сентябрьскому - этапу обследования территории региона.

Перед тем как подготовить общую «Ланткарту...» проектировщики сделали чертежи ее отдельных участков. Один из первых вариантов «ланткарты» - от «г. Самары до Сергиевска по реке Самаре и Соку 1731 г. в июне месяце» был послан в Москву 30 июня 1731 г. и сохранился в архиве в виде копии, вычерченной кондуктором С. Резановым¹⁰¹. На этом чертеже пригород Алексеевский и проектируемая Красноярская крепость уже соединены линией вала и рва. Пространство между этими укрепленными пунктами предполагалось закрыть редутом «для прикрытия караула во время разъезда по линии». На правом берегу Сока и за Соком к р. Кондурче показаны редуты, существовавшие там ранее. Очевидно, что создатели проекта не смогли принять окончательного решения о месте строительства Красноярской крепости, на левом берегу - на «полевой» стороне у «Красного Яра» или на правобережье - при впадении р. Кондурчи в Сок. Сама же линия, ее оборонительные сооружения на участке от устья Кондурчи к Сергиевску, согласно чертежу должны были располагаться на правобережье реки, под защитой ее акватории (рис. 7). Создатели «ландкарты» дополнили ее специальным приложением с описанием особенностей местности в районе будущего строительства. Проектировщики так и не смогли определить, на чьих же землях предстоит строить линию по Соку - «в башкирском и российском народов владенье, о том заподлинно известия не имеется». Они прекрасно понимали сложность предстоящих работ, все неудобства местности и четко изложили все эти обстоятельства в своем докладе в Военную коллегию. Например, крутости вала, редутов и крепости в соответствии с нормами фортификационной науки того времени надлежало укреплять дерном или деревом. Но, судя по описанию, ни того, ни другого в районе будущего строительства в достаточном количестве не имелось. Наиболее удобным для предполагаемых строительных работ по почвенным условиям был участок от пригорода Алексеевска до р. Сок, а также местности для сооружения редута у р. Падовки и крепости у Красного Яра. Еще одна крепость на правом берегу Сока, чуть выше устья р. Кондурчи должна была строиться в не слишком благоприятном районе - «земля не весьма хороша», но лучшего места для ее сооружения поблизости не имелось. У Раковского редута имелась «земля удобная», но проектировщики все же высказывали опасение, что поблизости находились озера и болота «без течения» и от этого мог быть «тяжелый воздух». Строительству крепости у, запустевшей от

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080.

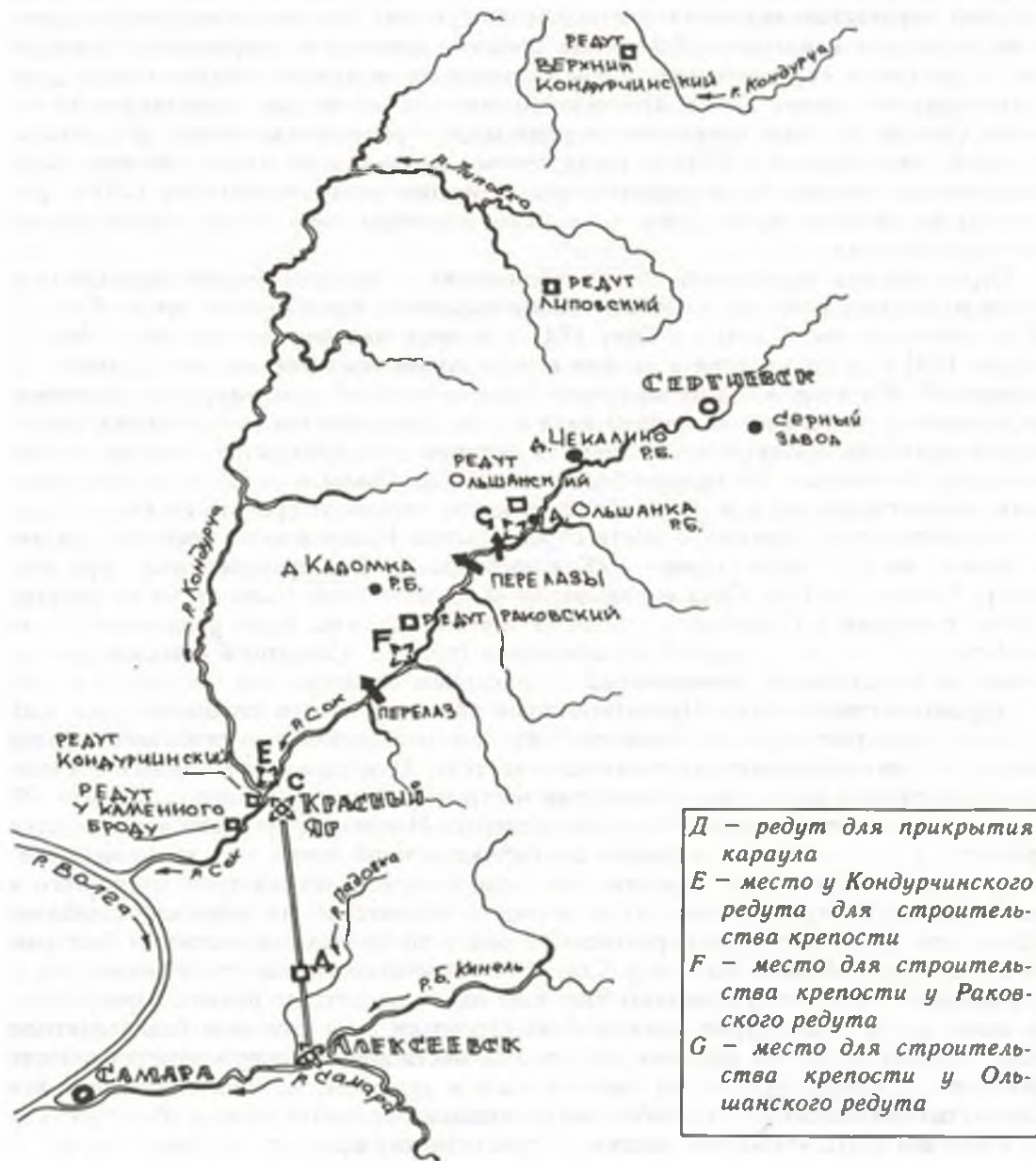

Рис. 7. План участка линии между г. Самарой и Сергиевском. Июнь 1731 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080.

башкирского нападения, д. Елшанки мешало то, что все вокруг заливалось водой в половодье. Об этом сотрудникам экспедиции сообщили жители Сергиевска.

Несомненно, что кроме этой «ландкарты» для обсуждения в центре были посланы и другие, изображавшие северо-восточный (от Сергиевска) участок линии, а то и весь предполагаемый маршрут от Самары до Ика. При составлении проекта инженерами использовались не только собственные съемки местности и наблюдения, но и показания местного населения пригородов Сергиевска и Алексеевки, сельских жителей¹⁰². Уже говорилось о том, что Наумов, не зная как обойти башкирские владения на участке от пригорода Сергиевска к р. Ик, приложил к своему донесению и «ланткарте» предложения И. Оболдуева и других офицеров.

26 июля в Сенате слушалось «доношение» Ф.В. Наумова «...о местах к строению линии и крепостей и смотря тем местам чертежи...». На следующий день сенаторы приняли указ «О построении крепостей по Закамской линии и о средствах к приведению сих работ в окончание». В соответствии с ним руководству экспедиции велено было осмотреть и описать те места, которые были показаны в чертежах и «во мнении обретающихся с ними штаб и обер-офицеров написано и в чертеже показано, не захватывая башкирские владения, следуя данной инструкции и посланных указов». Наумову предписали: «Строение крепостей и линий начать, не упуская нынешнего летнего времени, Закамских пригородков служилыми людьми по назначенным местам в присланном плане, и где еще осмотрено будет в самых нужных местах...». Следовательно, штаб экспедиции получил возможность действовать достаточно самостоятельно и вносить серьезные коррективы в предшествующий план. В указе особо оговаривалась специфика строительства черты от Заинска до Мензелинска: «От пригородка Заинска вверх по реке Зай имеются жилые места, а башкирские ль или казанские, о том в ландкарте, имеющейся в Сенате, не объявлено, и буде казанские, то осмотреть особливо, мочно ль привести линию к верховью реки Зай и оттуда на вершины реки Мензелы, чтоб жилые места, остались в закрытии линией и крепостями, и тот осмотр и опись и чертежи прислать и что впредь к лучшему в том деле усмотрят, о том о всем писать им в Сенат с представлением мнения». Несмотря на то, что работы по сооружению Закамской линии, по мнению Военной коллегии и Сената, должны были начаться в конце лета - начале осени 1731 г., окончательный вариант строительства так и не был утвержден. Судя по содержанию указа, основная опасность защищаемому линией району грозила от «подбегов калмыцких и каракалпакских и киргизских». Для обеспечения строительных работ рабочей силой казанскому губернатору М.В. Долгорукову было указано мобилизовать «Казанского уезда закамских уездных жителей, по близости к той работе, три тысячи человек». Для пропитания каждому работнику выделялось по 20 алтын (60 копеек) в месяц. Обеспечение инструментом и пропитанием было также возложено на администрацию Казанской губернии. Защищать место строительства должны были драгунские полки с «Черемшанских форпостов», которым указывалось «обступить те места, где работа будет»¹⁰³. Кроме того, еще до сенатского рассмотрения, 24 июля Долгорукову было

¹⁰² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 478. Л. 123-126.

¹⁰³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. (Далее ПСЗ-1). Т. 8. № 5808; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 141-141 об.

предписано провести переговоры с башкирскими старшинами и попытаться убедить их, что строительство Закамской линии ни в коей степени не ущемит их интересов¹⁰⁴.

Таким образом, первоначальный, схематичный проект оборонительной линии, хотя и с разночтениями, в конце июля 1731 г. был принят и утвержден. И в центре, и в Заволжье все хорошо понимали, что этот вариант предварительный, его необходимо дорабатывать, дополнять и уточнять.

Рассмотрение в Сенате и, видимо, определенные замечания, высказанные в адрес генерал-фельдцейхмейстера Миниха, заставили его более серьезно заняться делами Закамской экспедиции. Начиная с 26 июля по 2 сентября, он трижды требует от Наумова и Бибикова рапортов о ходе дел в Заволжье¹⁰⁵.

Экспедиционные и рекогносцировочные работы продолжались и позднее в июле – октябре 1731 г. В течение этого времени в центр посылались «доношения», «эскизы», карты и другие документы, содержащие информацию о ходе работ¹⁰⁶. В них, прежде всего, сообщались результаты обследования участка от Сергиевска к р. Ик¹⁰⁷. Недостаток времени, полевые условия, в которых изготавливались планы и описания сказывались на качестве чертежных работ. Например, 12 августа в послании к П.И. Ягужинскому Наумов писал из Билярска, что работы по осмотру и описанию местности в основном завершены, новая карта составлена, но за недостатком времени «инженерный офицер» не смог должным образом «исправить» планы крепостям¹⁰⁸.

В свою очередь, Сенат и другие учреждения рекомендовали руководству экспедиции не прекращать изыскательских работ. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что в центральных учреждениях и у руководства экспедиции возникли существенные разногласия по вопросу о маршруте прохождения линии и обустройстве ее отдельных частей. Речь, прежде всего, шла об участках по реке Сока от Красного Яра до Сергиевска и далее от Сергиевска к р. Ик, но они то и составляли большую часть протяженности будущей оборонительной черты. На первом из них Наумов и его сотрудники предлагали ограничиться строительством единичных укрепленных пунктов по правому берегу Сока, то есть использовать акваторию реки как естественный оборонительный рубеж. В Военной коллегии и Сенате выдвинули другой вариант, а именно, отодвинуть линию (отметим, что речь шла о непрерывной системе укреплений) от Сока к «горам». Кроме того, в присланном из Сената от 2 октября 1731 г. указе предлагалось вести черту «прямо» от Сергиевска к р. Ик, не затрагивая Тарханский лес. С этой целью было велено вновь осмотреть местность от Сергиевска до р. Ик и скорректировать маршрут линии. В пакет документов, сопровождавших указ, входила и изготовленная в центре ландкарта с указанием направления движения разведочного отряда¹⁰⁹.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 172.

¹⁰⁵ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 277, 284, 316об.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 238-239.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 478. Л. 202.

¹⁰⁸ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №19. С. 42.

¹⁰⁹ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №10. С. 50-51.

Все эти рекомендации вызвали справедливые возражения у руководства экспедиции. Наумов и Оболдуев вынуждены были защищать перед Сенатом свою позицию. В донесении от 22 октября они доказывали, что строить непрерывную систему укреплений за Соком к «горам» занятие чрезвычайно трудоемкое и к тому же совершенно лишнее. Инженеры во главе с Бибиковым уже осмотрели земли по правому берегу реки, определили места для строительства крепостей и поселения гарнизонов, отмежевали к ним угодья и т.д. Проект этой части линии, практически, был готов и нуждался лишь в незначительной доработке. По поводу второго участка аргументация тайного советника и полковника также выглядела вполне убедительно. Сообщалось, что всю местность от Сергиевска до р. Зая и далее, они осмотрели лично. Для проезда же через исконно башкирские владения были посланы подполковник Змеёв с «инженер-офицером», которые обследовали эти территории, прибегнув к небольшой хитрости. Чтобы не потревожить башкирское население, они выдали себя за скупщиков лошадей. Все эти рекогносцировочные работы, как писалось в донесении, подтверждают правильность направления, выбранного инженерами экспедиции. По их мнению, линия лишь краем затронет угодья башкир, ее строительство весьма экономично, так как значительную часть маршрута можно пройти по лесам с помощью засек, устройство которых обходится значительно дешевле, чем линейная работа. Район, где она будет строиться, более безопасен и удобен для размещения военных поселений. Следует отметить, что все эти аргументы выглядят достаточно весомо и еще раз доказывают правоту руководства экспедиции¹¹⁰.

Таким образом, можно говорить о двух разных подходах к созданию новой оборонительной системы, сложившихся в центре и на месте – в Заволжье.

Итогом экспедиционных работ на местности стала еще одна «сочиненная ландкарта от города Самары до пригорода Мензелинска и до реки Ику 1731 году», подписанная руководителем всех инженерных работ Бибиковым. Она сохранилась в архивной коллекции Российского государственного военно-исторического архива в 3-х вариантах. Два из них практически идентичны. Только первый, который, возможно чертил сам Бибиков, является основным (рис. 8)¹¹¹, а второй копией с него, изготовленной кондуктором Ф. Молчановым¹¹². Видимо, этот вариант делали в Военной коллегии, так как кондуктора с такой фамилией в экспедиции не числилось. Третий, составленный геодезистом И. Бровцыным и заверенный И. Бибиковым, был приложен к донесению в Сенат от 26 января 1732 г. Он имеет некоторые отличия, хотя по всем важнейшим пунктам совпадает с первыми двумя. В нем составители, кроме всего прочего, указали места, где следовало устраивать поселения, под литерами *C, E, F, G, L, O, K, P, R*¹¹³.

На всех 3 картах повторен участок прохождения линии от Самары до Сергиевска. В этом они весьма близки к «ланткарте», посланной в Москву в конце июня 1731 г. Главным во всех вариантах «ланткарты» являлось то, что они предлагали аргументированные обоснования продолжения линии от Сергиевска через «башкирские

¹¹⁰ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №10. С. 51-52.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2083.

¹¹² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

¹¹³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

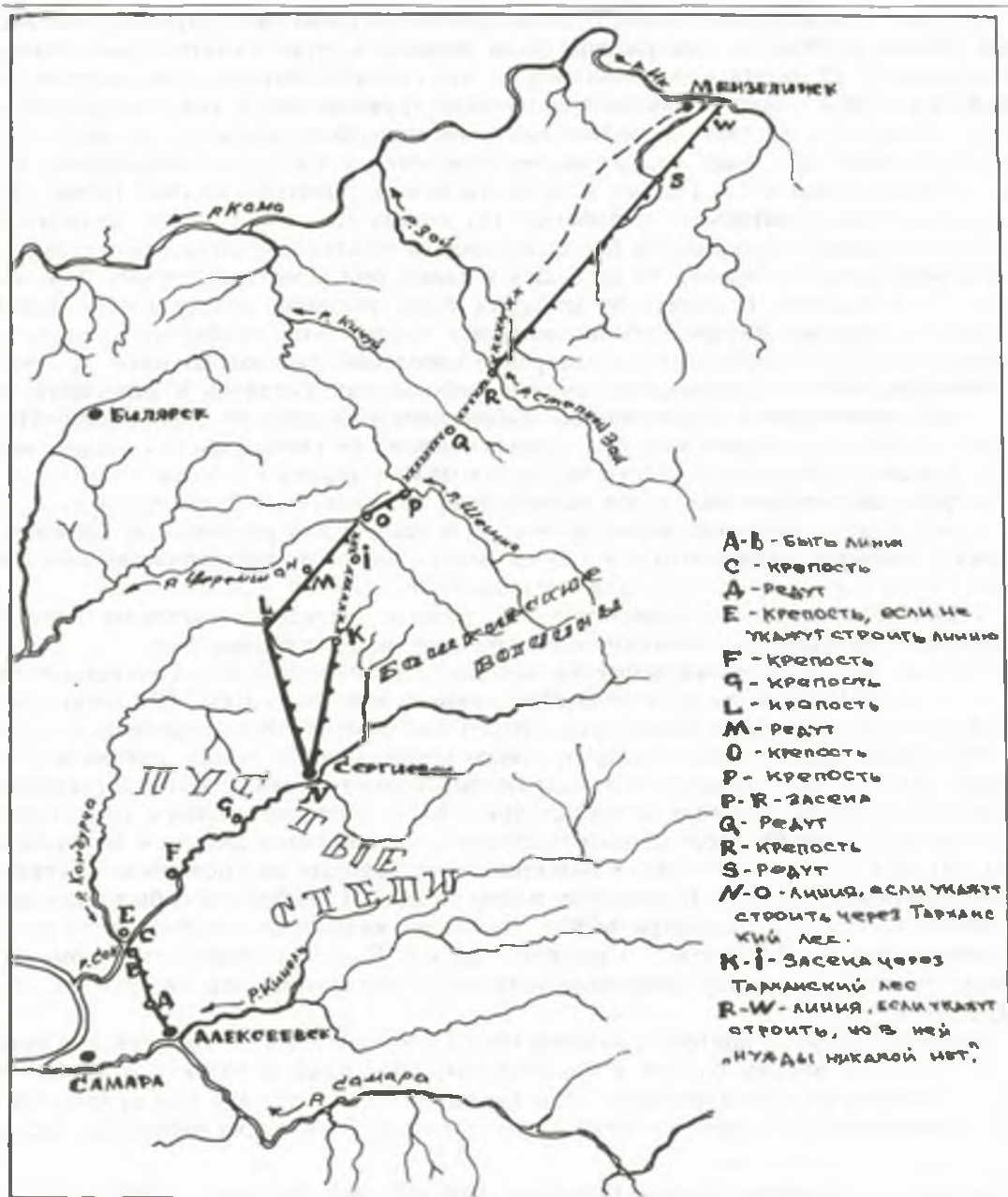

Рис. 8. Ландкарта Новой Закамской линии от г. Самары до р. Ик. 1731 г. Проект И. Бибикова. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2083.

владения». Новая черта должна была защитить на участке от Алексеевска до рек Кичуя – Зая сравнительно слабозаселенную; но все же уже освоенную территорию, а от Шешмы до Ика – густонаселенные башкирами районы. В отличие от предшествующего плана, на этой карте были вычерчены профили основных элементов оборонительных сооружений для будущего строительства:

- «профиль вала как надлежит вновь строить линию»,
- «профиль старого вала, где имеется от реки Заю до реки Ику»,
- «профиль старого вала меж рек Черемшану и Шешмы»,
- «проект профиля как надлежит вновь строить линию».

Отметим еще одну характерную черту ландкарты. На ней нанесены альтернативные элементы проекта и те, которые предлагались как единственно возможные. К альтернативным участкам относятся: «место у Кондурчинского редута для строения крепости, ежели не повелено будет строить линию», а также варианты устройства засеки или замены ее рвом и валом. Эти участки выделялись другим цветом. В районах, где проходила старая Закамская черта, составители проекта оставили на усмотрение вышестоящих учреждений вопрос об использовании ее, уже порядком одряхлевших, укреплений или о строительстве новых. Но все же, места устройства большинства оборонительных пунктов: крепостей, редутов и т.д. были предложены как безальтернативные. В районе башкирских поселений (примерно, от р. Шешмы до Ика) проектировщики разработали хотя и довольно разряженную, но четко обозначенную систему строительства новых крепостей и редутов. И, наконец, если между Алексеевским и Сергиевском были обозначены только крепости и редуты, то от пригорода Сергиевска до Мензелинска на ландкарте разноцветными линиями указали различные варианты прохождения оборонительной черты.

Таким образом, и этот проект строительства новой укрепленной линии был достаточно приблизительным. Руководители работ, следуя духу и основным положениям полученных из столицы документов, могли на месте вносить весьма значительные поправки в первоначальный план, который к тому же должен был корректироваться в соответствии с присылаемыми из Заволжья новыми данными, описаниями и т.д.

Кроме подготовки ландкарт всей линии и ее отдельных участков, Илье Бибикову и его сотрудникам вменялось в обязанность снять и вычертить планы всех пригородов, лежащих в зоне работ экспедиции. В перечень этих пунктов была включена и Самара. Так в 1731 г. появился первый профессиональный план укреплений этого поволжского города¹¹⁴. В Канцелярию главной артиллерии и фортификации были посланы чертежи пригородов Алексеевского, Сергиевского, Мензелинского, Заинского, Новошешминского, Старошешминского, Билярского, Тиннского и города Самары. Также инженеры экспедиции сделали планы мест, где следовало быть новым шести поселениям: при устье р. Кондурчи, у Раковского редута, у разоренной башкирами д. Ольшанки на Соку; при реках Черемшане, Шешме и Зае (у д. Акташ)¹¹⁵.

Создается впечатление, что разработчики идеи создания новой линии смогли неплохо ее продумать. Здравой, следует назвать мысль о том, что при создании ли-

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 15. Д. 3954.

¹¹⁵ А ВИМАИВБС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 197об.-198.

нии необходимо опираться на уже существующие базовые пункты, пригороды — Алексеевск, Сергиевск, Мензелинск. Это существенно облегчало проведение строительных работ, повышало их безопасность. Наумов, Бибииков и их товарищи считали, что следует совместить отдельно располагавшиеся оборонительных комплексы с постоянными разъездами дозорных отрядов между ними (так называемая «живая линия»), с протяженными участками непрерывных укреплений в виде вала, рва и засек. Их сочетание и расположение должно было определяться, прежде всего, двумя факторами: особенностями местности и наличием реальной угрозы нападений кочевников.

И все же ряд положений проекта нам кажется весьма странными. По идее, Новая Закамская линия должна была защитить территорию, расположенную между Волгой и р. Иком, и, начинаясь от Волги у устья Самары, идти на соединение со старой Закамской чертой. Неясно, почему достаточно протяженный участок от г. Самары до пригорода Алексеевского во всех проектах считается лежащим вне укрепленной линии. Объяснить это довольно трудно, тем более, что в строившуюся позднее Самарскую (Оренбургскую) линию самарско - алексеевский участок вошел. Скорее всего, несколько десятков километров между городом Самарой и Алексеевским были настолько хорошо защищены правым возвышенным берегом р. Самары, постоянными караулами и заставами, что строить там какие-либо дополнительные укрепления не имело смысла. Новая оборонительная система планировалась же именно, как линия с непрерывной системой укреплений. Весьма приблизительным выглядит также участок между реками Кичуем и Иком. Здесь проектировщики так и не смогли решить окончательно, вести ли им новую черту используя реставрированные укрепления старой или продолжать строительство несколько южнее и только у Мензелинска соединиться со старой Закамской линией. Таким образом, и юго-западный и северо-восточный фланги новой линии выглядят не совсем проработанными.

В прилагаемом к этим вариантам «описании», которое также готовила команда Бибиикова, содержались важные дополнительные сведения о качестве земли, условиях строительства укрепленных пунктов; была приведена характеристика отдельных участков проектируемой линии от пригорода Сергиевска до р. Ик. На участке между Сергиевском и Кондурчей, по мнению, проектировщиков почва имела разный «квалитет» (качество) и до 1/3 линии намечалось вести по «не весьма способной» земле. Следующий участок от р. Кондурчи до Березового Стана был равнинным и удобным для прохождения линии. При Кондурче, где планировалось строить крепость, высокое место для устройства укреплений и близость Тарханского леса с его «лесными припасами» весьма благоприятствовали возведению укреплений, хотя сами почвы были не слишком хороши. Редут при р. Тарханке на этом участке также был выгоден «за высотой места». Особые сомнения вызывал участок Тарханского леса. Засака через него позволяла сэкономить время, средства и рабочую силу, но обойти этот лесной массив с помощью вала и рва было безопаснее. Но и в этом случае нельзя было обойтись без рубки деревьев к крепостям из этого леса, что опять же могло вызвать недовольство башкир. От крепости у Березового Стана, где место было «способное» и, несмотря на то, что «квалитет земли глина и дресва», на «плакверк»

(укрепление крутостей вала и рва) землю можно было найти без труда, линия должна была идти до р. Шешмы, где «кавалитет земли равномерный». Весьма удобным для строительства крепости признавалось место у р. Шешмы, которым фактически и заканчивалась непрерывная линия. Пространство от Сергиевска до р. Шешмы, по мнению проектировщиков, необходимо было прикрыть линией незамедлительно, т.к. именно здесь имелись «свободные проходы» для кочевников. По поводу лежащего далее к р. Ик участка у сотрудников возникли сомнения. В данном месте неприятель не мог беспрепятственно проникнуть вглубь обжитой территории из-за лесов. Кроме того, там сохранился значительный участок старой Закамской линии, которую можно было реставрировать. К старой линии уже привыкли башкиры и строительство новой могло возбудить их недовольство. Поэтому, предлагалось построить редут на р. Кичуе и крепость при д. Акташ на р. Зай, в лесах между этими укреплениями сделать засеку, а меж лесами валы «починивать». Далее между реками Зай и Ик «в линии никакой нужды не имеется», здесь нужно только построить два редута (форпоста¹¹⁶), один у д. Сармаш, другой при д. Елтемир¹¹⁷.

Сохранилась еще одна карта Закамской линии. Она датируется 1738 г., но по совершенно справедливому замечанию Р.Г. Букановой¹¹⁸, является не чем иным как копией проекта строительства новой линии, определившегося к концу 1731 – началу 1732 гг. В отличие от предшествующих карт, она была изготовлена в подведомственной Миниху Канцелярии главной артиллерии и фортификации. На «ланткарте» отражена точка зрения, сложившаяся в центре о том, как должна проходить линия. «Закамскую линию вести по силе ея императорского указу государственной Военной коллегии» - так начинается текст описания к чертежу. Показано несколько вариантов размещения оборонительных сооружений¹¹⁹. План содержит много неопределенности, многовариантности, но на нем уже выражено мнение, что от р. Кичуя далее к Ику линию строить пока не нужно. В тоже время пока не намечена очередность строительства других участков, несмотря на то, что в указах об этом уже говорилось

Составитель карты не указан. Автор, по всей видимости, был плохо знаком с реальной местностью, о чем свидетельствуют неточности в тексте примечаний. Возможные варианты строительства линии нанесены линиями разного цвета. Наиболее предпочтительным являлось направление выделенное желтым цветом. Возможный, но не единственный альтернативный вариант прохождения линии был обозначен красным: «где, например, можно вести линию, ...ежели за неизменением вод и за протечью неудобную ситуацию линию по желтой черте прямо вести невозможно будет». Текст примечаний к карте означал не что иное, как краткие сведения о первоначальном плане сооружения Закамской линии. Она должна была состоять из 5 – 6 участков:

1. от Алексеевской крепости до р. Падовки. На этом участке возможен был вариант прохождения линии до верховий р. Падовки, а оттуда к Соку на устье Кондурчи;

2. от р. Падовки до Красного Яра;

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 229.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 202-203об.

¹¹⁸ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997. С. 90.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2289.

3. от Красного Яра по р. Сок («на которой стороне положение места выше и впротчем способнее будет») до Сергиевска. На карте место крепости при устье Кондурчи однозначно показано на левой возвышенной стороне Сока, как и дальнейшее прохождение линии к Сергиевску также по той же «степной стороне»;

4. от Сергиевска через Тарханский лес до Березового Стана. Линия должна была прямо, не отклоняясь к Липовскому реду, пройти к реке Кондурче и **прорезать** засекой Тарханский лес;

5. в этот участок должна была войти часть старой Закамской линии («не можно ль часть старой линии починить приведчи по новой профили до № 5, потом от № 5 до № 6 по реке Кичукей, а ежели по старой линии ситуация весьма неспособна, то вести линию от № 4 даже до № 6 попрямея...»). Следовательно, расположение последнего участка линии зависело от ряда факторов («состояния вод, земли, дерну и поселения») и исполнителями работ могло варьироваться.

6. между реками Кичуй и Ик до Мензелинска было предложено три варианта строительства линии. Но этот участок «...по указу Военной же коллегии делать до указу не велено», хотя при этом специально оговаривалось, что местность здесь необходимо «...с прилежностью обыскать и осмотреть, которым де местом наилутче линею вести». За все время строительства Новой Закамской линии такого указа так и не появилось, местность не была всерьез обследована. Поэтому, мы не будем специально останавливаться на этой части проекта (рис. 9.).

Примечания к карте содержали также указания на возможность внесения изменений в первоначальный проект и о необходимости проведения дополнительных геодезических работ на местности. Например, «крепости по приложенном при сей карте чертежу в главных местах построить, где б солдатам и лошадям довольная выгода могла быть, а в протчих местах построить же шанцы со умалением, чтоб оных полигон был от 60 до 70 сажен. Которая земля ото рвов будет оставатса, ту землю употребить разшерение рампов и банкетов»¹²⁰.

Ознакомившись со всеми этими вариантами, можно сделать вывод о том, что к концу 1731 г. схематичный проект новой линии был в самых общих положениях подготовлен, рассмотрен в Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии, представлен в Сенат и Кабинет министров и утвержден ими. По отношению к участку между г. Самарой и устьем Большого Кинеля в центре согласились с предложением руководства экспедиции и решили обойтись только разъездами. На участке между устьем Кондурчи и пригородом Сергиевским Военная коллегия отказалась от своего (или сенатского) первоначального плана устройства непрерывной системы укреплений по правому берегу Сока к «горам» и от более дешевого экспедиционного варианта создания единичных оборонительных пунктов также на правой стороне под защитой речной акватории, а предложила свой, весьма неудачный. В качестве рубежа был избран высокий степной берег реки, где необходимо было возводить непрерывную систему валов, рвов и других оборонительных сооружений. Зато, на участке от Сергиевска через Тарханский лес были приняты аргументы Наумова и его сотрудников.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 349. Он. 45. Д. 2289. Следует отметить, что Р.Г. Буканова, приводя в своей книге цитаты из примечаний к чертежу, допустила ряд неточностей. См.: Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 90-91

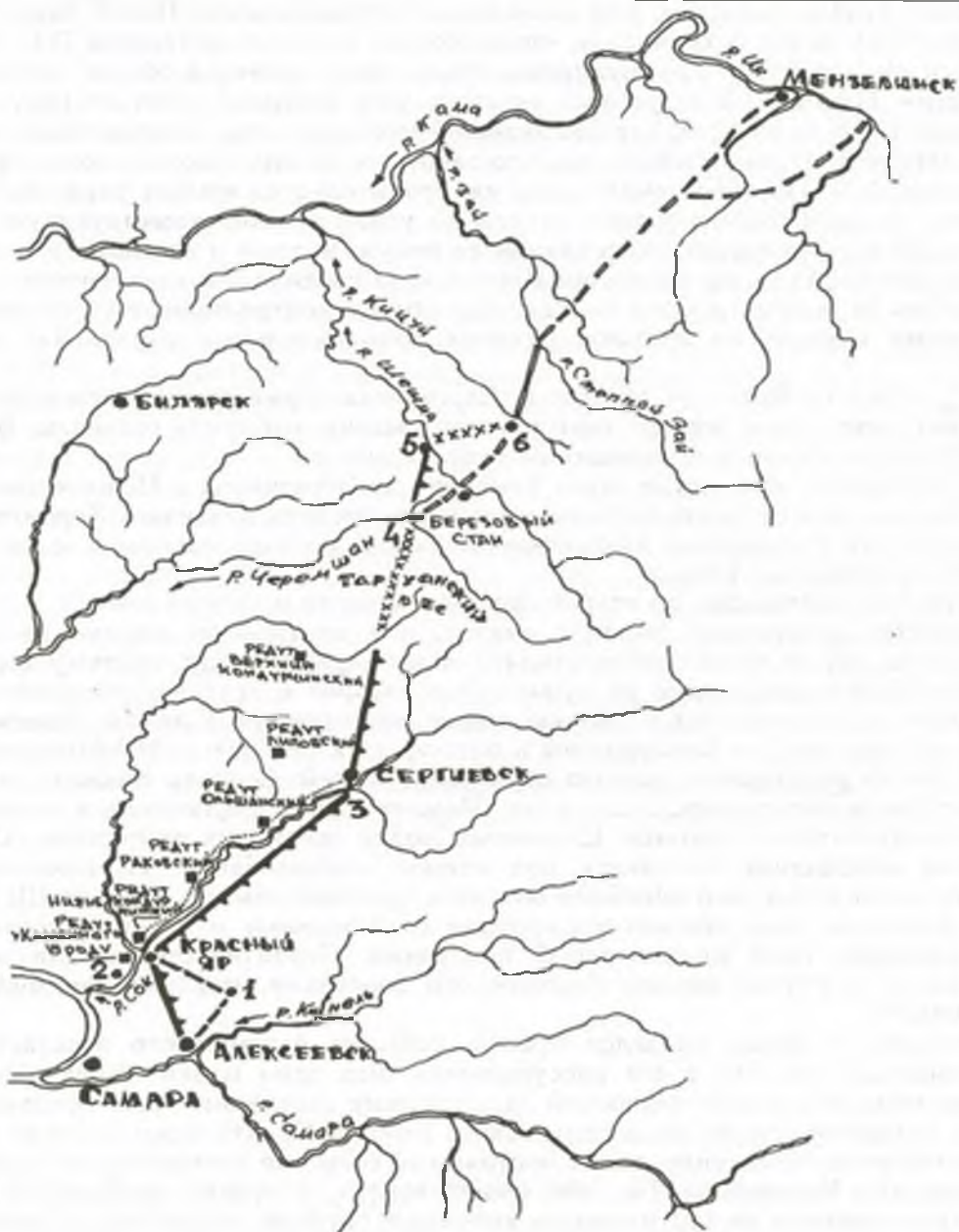

Рис. 9. Проект Новой Закамской линии, предложенный центром. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2289. Ландкарта Закамской линии 1738 г.

К осени 1731 г. появился еще один проект строительства Новой Закамской линии. В сенатских делах сохранилась «промемория» генерал-лейтенанта В.П. Шереметева, где он окончательно сформулировал свою точку зрения в общих чертах высказанную ранее Наумову. Умудренный опытом, уже пожилой человек (ему к этому времени уже было за 60 лет), хорошо знавший местность, где должна была строиться линия, вполне убедительно доказывал, что защитить Закамье можно более простым и дешевым способом. По его мнению, если уж правительство желает укрепить границы в Заволжье, то необходимо только несколько усилить уже существующую систему оборонительных сооружений, не соединяя ее рвами, валами и засеками в единую непрерывную линию. Суть предложений Шереметева сводилась к следующему:

- участок от Волги до Сока может эффективно контролироваться самарскими и алексеевскими служилыми людьми, никаких дополнительных укреплений здесь не нужно,

- по р. Соку от Волги до пригорода Сергиевска к уже имеющимся редутам следует добавить ряд новых, между ними устроить маяки и пустить разъезды. Броды через Сок прикрыть «поеными окованными рогатками»,

- от Сергиевска на участке через Кондурчу до Черемшана и Новшешминска построить редуты, между ними поставить маяки и пустить разъезды. Территорию эту должны охранять регулярные драгунские полки, в помощь которым летом следует направлять пригородных солдат,

- сохранить пригородки по старой Закамской черте и укрепить их.

Шереметев совершенно резонно считал, что местный противник не способен взять крепость, он не может осуществлять планомерную осаду, поэтому дорогостоящее строительство совершенно не нужно. Оно разорит и крестьян, направленных на строительство и переводимых на новую линию пригородочных людей. Ландмилицкие полки, по его мнению, не боеспособны и башкиры их не боятся. Необходимо создать особые полки из регулярных, хорошо обученных частей. Солдаты должны зимовать в крайних от степи поселениях, т.е. в зоне «Черемшанских форпостов» и только в летнее время выдвигаться к границе. Служилых людей закамских пригородов, Самары и Алексеевска необходимо поставить под единое командование. И, наконец, самое главное состояло в том, что наиболее опасным противником, по мнению Шереметева являлись башкиры. Они обычно враждовали с калмыками и каракалпаками и, тем самым, защищали край от нападений последних. Строительство линии могло их обеспокоить, а в случае начала башкирского восстания, никакая ландмилиция не могла помочь¹²¹.

Шереметев в целом оказался прав и события башкирского восстания 1735-1736 гг. доказали это. Но в его рассуждениях был один изъян: генерал-лейтенант предложил план, не способствовавший дальнейшему заселению края, продвижению в лесостепь, созданию нового земледельческого района. Практически, должно было сохраниться прежнее положение, когда постоянные сельские поселения не выдвигались южнее Большого Черемшана. Но, собственно говоря, и проект экспедиции Наумова при его осуществлении не мог изменить коренным образом обстановку в Заволжье.

---

¹²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 234-236об.

Осенью 1731 г. предложения Шереметева рассматривались в Сенате¹²², но так и не были приняты.

Споры о необходимости строительства непрерывной линии, видимо, угасли к концу 1731 г. В Санкт-Петербурге и Москве, вероятно, осознали ситуацию, которая сложилась в Заволжье, ознакомились с описаниями, чертежами и всеми проектами и пришли к определенному «усредненному» мнению. В начале декабря 1731 г. по указанию сенаторов, обер-секретарь Сената Иван Кирилов, тот самый, который позднее выступил с проектом строительства Оренбурга, показал Миниху «ланткарту» и ознакомил его с мнением Наумова. Генерал-фельдцейхмейстер, главный авторитет в области фортификации, вынес вполне благоприятное решение в отношении новой черты: «...ту линию и крепости для показанных во мнении Наумова резонов лутче строить в тех местах как зачата по прежнему плану токмо б сообщить к нему генералу фелдцейхмейстеру план и профиль крепостей и линии для усмотрения по надлежащему ль оная сочинен»¹²³. Какой проект одобрил Миних, неясно. Но, по всей видимости, именно он вычерчен на «ланткарте» 1738 г., как итог компромисса между центром и экспедицией. Однако дело о маршруте новой линии было далеко не завершено и зимой 1732 г., во время приезда Федора Наумова и Давыдова с отчетами и картами в Москву и Санкт-Петербург должно было последовать продолжение старого спора.

Характерно, что во всех документах касающихся создания новой линии обычно употреблялось название «Закамская». Чтобы не путать ее со старой «Закамской чертой» в текстах иногда называли ее «новой», но только в противопоставление «старой». Ни в период проектирования и строительства черты, ни при ее описаниях в более поздние годы, такое название как «Новая Закамская черта» никогда не использовалось. Крепости на старой черте просто называли «Закамскими пригородами»¹²⁴. Первым словосочетание «Новая Закамская линия» начал применять в середине XIX в. М.И. Иванин¹²⁵. Но в широкий научный обиход его ввел известный историк Г.И. Перетяткович в своей работе о колонизации Среднего Поволжья¹²⁶. После выхода в 1882 г. его книги это название утвердилось в исторической литературе.

¹²² Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №21. Л. 47.

¹²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 267.

¹²⁴ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 89.

¹²⁵ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 57-58.

¹²⁶ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

Закамская экспедиция и начало строительства линии

Осень 1731 г. Проба сил

Обследование территории Заволжья, выбор мест для строительства фортификационных сооружений и разработка проекта новой линии являлись важнейшими, но далеко не единственными задачами, поставленными перед Наумовым и его сотрудниками.

Больших трудов стоила координация действий экспедиции с центральными учреждениями и местной администрацией во главе с губернатором Долгоруковым и руководителем военных сил в Закамье Шереметевым. Необходимо было одновременно заниматься набором солдат в ландмилицию и рабочей силы для строительства линии, руководить производством земляных, лесозаготовительных и прочих работ; обеспечивать их всем необходимым – провиантом, инструментами, жалованьем; охранять район строительства и т.д. Все это требовало крайнего напряжения всех сил.

У руководителей экспедиции явно не хватало ни времени, ни квалифицированных сотрудников, что бы успешно продвигаться по всем направлениям. Поэтому, весьма кстати к концу лета в Закамье прибыл лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик князь И. Давыдов, посланный для контроля за строительством и координации усилий различных сторон, участвующих в реализации проекта.

Важнейшим для руководства экспедиции являлся вопрос о наборе в ландмилицкие полки. Недаром, первым, чем занялся на новом месте Давыдов, был набор в ландмилицию из населения Симбирской провинции. В первом рапорте в Москву, отправленном 9 сентября 1731 г., он отчитывался именно об этом направлении своей деятельности¹. Но, видимо, и в этом деле решающим было непосредственное вмешательство самого Наумова. Тот же Давыдов 1 октября сообщал в Сенат, что в наборе полков возникла остановка из-за того, что тайный советник вынужден был уехать из Симбирской провинции в Сергиевск².

Напомним, что источником для формирования 4-х полков закамской ландмилиции должны были стать две группы населения Казанской губернии. Первая из них – неположенные в подушный оклад служилые люди закамских пригородов, так называемые «пригородочные солдаты», из которых предполагалось создать два конных полка – Билярский и Шешминский. Из этой группы набирали всех годных к ландмилицкой службе. Пригороды (в документах того времени их, как правило, называли «пригородки») располагались по старой Закамской черте и в ее окрестностях. Но из

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 309.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 309об.

набора в ландмилицию были исключены жители нескольких пригородов – Ерыклинска, Бирска и других.

В казамских городках из 4356 человек мужского населения, "кои в подушный оклад не положены, Федор Наумов и его сотрудники довольно быстро разобрали и назначили в службу" в Билярский и Шешминский полки - конных 1409 человек, пеших – 1049, а всего - 2458. Кроме того, офицеры экспедиции насчитали в пригородах еще 2098 человек. Из них 764 могли служить в "городе", были отставлены из-за болезней и старости 258 и к категории малолетних были отнесены 876. Таким образом, данные, приводившиеся ранее Шереметевым о численности «пригородочных солдат», были в значительной степени уточнены. Последний весьма болезненно воспринял передачу этих людей в полное распоряжение Наумова.

Положенные в подушный оклад «прежних служб служилые люди», в городах, пригородах и селениях Казанской губернии должны были укомплектовать Сергиевский конный и Алексеевский пеший полки. Численность этой группы населения, по присланным к Наумову из Казанской губернии и Симбирской провинции ведомостям, составляла около 29 тысяч душ м.п. и из них производился выборочный набор с 13 душ один человек³. В вознаграждение за службу, солдат обещали более не именовать государственными крестьянами. Набор по этой категории "из служилых людей, положенных в подушный оклад», производился не столь успешно. Трудность состояла в том, что они были расселены по огромной территории: у Соли Камской, на Вятке, в Кунгуре, Пензе, Саратове, Петровске и т.д. Но главной причиной задержки была нерасторопность местной администрации. По словам Наумова, именные списки этой группы населения он смог собрать только к 1 августа⁴. Посланные в места их проживания офицеры, должны были набирать с 13 душ мужского пола одного человека. Однако ощутимых результатов в этом деле, видимо, добиться не удалось, по крайней мере, в подготовленном в экспедиции "экстракте" они не прозвучали.

Руководство экспедиции явно предпочитало набрать конные полки, а не пешие. Набранных солдат, по мнению Наумова, необходимо было свести в одно место – в Симбирск, где срочно учить их военному делу⁵.

Долгое время существовала неразбериха в обеспечении жалованьем и всем необходимым для работы непосредственных сотрудников экспедиции. В императорском указе в Камер-коллегию от 17 марта 1731 г. говорилось о том, что на мелочные расходы (бумагу, свечи, дачу прогонов) Наумову должны были выдать на первый случай 1000 рублей из сборных 4-х гривенных денег. Из этого же сбора предполагалось платить отставным и канцелярским служащим, геодезистам. Штаб, обер и унтер-офицеры, бывшие при Наумове и Оболдуеве "от полков", получали жалованье "из своих мест". Однако, на первых порах эта система давала сбой. Летом-осенью 1731 г. Наумов взял 500 руб. у воеводы Мензелинска майора Мещеринова, да еще 1500 руб.

³ Дэн В.Э. Население России по 5 ревизии. М., 1902. Т. 2. С. 41, 181; Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. М., 1914. Т. 2. Приложения. №25. С. 52-53.

⁴ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №19. С.43.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 238.

на жалованье отставным офицерам, канцелярским служащим и геодезистам, забрал из Симбирской канцелярии, "а ис какой суммы неизвестно"⁶.

В многочисленных указах и распоряжениях из центра Наумова и Оболдуева обязали совместить завершение проектных работ и начало строительных работ — осенью 1731 года. Руководство экспедиции, внешне соглашаясь с указаниями сверху, все же осторожно пыталось доказать, что развернуть полномасштабное строительство в этом году, по вполне объективным обстоятельствам не удастся. Илья Бибииков, например, писал, что если приступить к строительству в конце лета — начале осени, то земля не успеет "отлежаться", замерзнет и ее размочит весенней водой⁷. О состоянии дел к осени 1731 г. свидетельствует "эстракт" из доношений в Сенат Наумова и Оболдуева, датированный 12 августа. Этот документ интересен тем, что показывает настроение руководителей экспедиции. Эти люди как будто бы и готовы к полномасштабным строительным работам и вместе с тем, выражают сомнение в возможности их начать этой осенью. Они рапортовали, что многое уже сделано и подготовка к строительным работам идет полным ходом. К позитивным результатам относили то, что вся территория была осмотрена, составлены ландкарты и описания. К строительным работам уже были готовы "пригородочные" солдаты. Несмотря на протесты Шереметева, их выдвинули в район будущего строительства и хотели использовать в качестве рабочей силы для рубки и вывоза к будущим крепостям бревен. Из реальных действий, по сообщению Наумова, уже началась заготовка леса, который предполагалось зимой вывезти к местам строительства. Вполне понятно, что тайному советнику необходимо было представить, прежде всего, положительные результаты деятельности своей команды. Но в тоже время в донесениях ясно читается мысль о том, что лучше всего земляные работы начинать в следующем году. Главное препятствие состояло в отсутствие основной рабочей силы — мобилизованных к строительству крестьян Казанской губернии. Руководители экспедиции постоянно обращались к казанской администрации, жаловались в центр. Несмотря на все просьбы и указы из столицы, власти губернии так и не смогли в указанные сроки прислать к строительству 3000 крестьян и изготовить для них инструмент. Жесткую позицию продолжал занимать Шереметев. Он предупреждал, что если до 10 сентября работные люди и провиант не придут к месту, то и к работам приступать не стоит, т.к. он отзовет из района строительства драгунские полки не позднее 1-10 октября⁸.

По мнению Наумова, строительство линии можно было начать и без драгунских полков Шереметева. Если башкиры не будут бунтовать, то для обеспечения безопасности района работ хватило бы одного казанского драгунского полка и «пригородочных солдат». Он считал, что после присылки из Казани рабочих людей и провианта, следовало развернуть линейные работы на самых опасных участках линии "проходах от Сергиевска к Кондурче", а также строить крепость на Кондурче⁹. Таким образом, даже среди руководства экспедиции, были колебания в целесообразности начала крупномасштабного строительства в 1731 г.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 1-1об., 3-3об.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 229об.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 240.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 239-240об.

Однако, все эти объяснения в центре не принимались во внимание. Тем более, что из Украины, где также приступили к созданию новой оборонительной линии, шли бодрые рапорты. Руководство Закамской экспедиции буквально принуждали приступить к линейным работам незамедлительно. Например, в указе от 26 июля 1731 г. содержалось указание срочно, «не упуская лета», начать строительство линии¹⁰.

Неустанная деятельность руководства экспедиции и постоянное подталкивание из центра дали себя знать. Хотя и с опозданием, но подготовительные работы к главному делу – строительству линии, постепенно завершались. 3 сентября казанский губернатор сообщил в Москву, что инструмент для экспедиции делается по реестру. Реестр, подготовленный командой Бибикова, был не так уж и мал. Уже на первый год требовалось более 5000 лопат, почти столько же кирок, более 2000 мотыг, 3000 топоров, 2000 тележек для вывозки земли, 2000 носилок, 70 буравов и т.д.¹¹ 8 сентября из Уфимской провинции были направлены в Москву два донесения о призыве в Уфу башкирских старейшин и объявлении им указа о строительстве новой линии и крепостей¹².

Летом – осенью 1731 г. «столицей» Закамской экспедиции стал пригород Сергиевск. Сок в то время был вполне судоходной рекой, поэтому инструменты и прочее оборудование из Симбирска и Казани отправлялось к Сергиевску как водным путем по Волге и далее по Соку, так и сухопутным¹³. В пригороде располагался штаб и основные службы, создавались склады для оборудования и провианта. В его окрестностях, в удобных местах, при редутах обустранивались воинские подразделения и рабочая сила. 17 сентября подполковник Змеёв и офицеры привели к Сергиевску солдат из закамских пригородов. 19 сентября туда же прибыли из войсковой группы, подчиненной Шереметеву два полка во главе с бригадиром Друмантом. В этот же день из Казанской губернии явилось 2651 человек, мобилизованных крестьян к «линейной работе».

К 20 сентября все было готово и, как сообщал Наумов, именно в этот день началось сооружение новой линии. Участки для начала работ руководство экспедиции выбрало, практически, без согласования с центром. Было решено одновременно строить в 3-х местах, на участках, как бы разбросанных по большой дуге: у впадения в Сок Кондурчи, при, так называемом, Красном Яру, и от Сергиевска к Тарханскому лесу. Этот выбор хорошо согласовывался с вариантом проекта, разработанным инженерами экспедиции. 23 сентября на устье Кондурчи для рубки леса, строительства крепости и палисадника был послан подполковник Змеёв с 1000 «пригородочных солдат». Еще 600 солдат из закамских городков во главе с подполковником Есиповым отправили на такие же работы вверх по р. Кондурче под Тарханский лес, где предполагалось построить еще одну крепость¹⁴. Основные же силы, практически все мобилизованные крестьяне, были поставлены на рытье рва и насыпку вала от пригорода Сергиевска в направлении «Каменного»(?) редута к реке Кондурче. Полки Друманта

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 141.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 216, 240об.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 310.

¹³ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. № 26. Л. 54.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 328.

были распределены на разъезды и караулы для прикрытия всех работающих от нападения кочевников, но основной их лагерь находился неподалеку от Сергиевска рядом с Липовским редутом¹⁵.

Строительство линии шло несколько медленнее, чем предполагалось, из-за того, что "земля zelo крепка, камениста и гниловата"¹⁶. Но в донесениях Наумова, Оболюева и Давыдова, отправленных из Сергиевска 12 октября, сообщалось, что работы проводились быстро и споро; выстроено 8 км линии, на устье р. Кондурчи заложена крепость и поставлен палисад (отметим, что первоначально крепость там строилась на правом низменном берегу Сока при впадении в него Кондурчи). Вторую же крепость на р. Кондурче под Тарханским лесом так и не начали, смогли только заготовить лес. В документе значилось: "за нынешним осенним неспособным временем и за снегом... (крепости – Э.Д.) не заложено". 9 октября Шереметев указал своим полкам "за снегом и за неимением кормов" оставить район строительства и вернуться на зимние квартиры в «черемшанские лагера».

Действительно, осенние холода, дожди и даже снег начались в этом году раньше, чем обычно. О неблагоприятных природных условиях первой декады октября имеется несколько свидетельств непосредственных участников экспедиционных работ. После ухода регулярных войск работы у Сергиевска продолжались еще два дня – до 11 октября, а затем всех рабочих распустили по домам¹⁷. Всего же количество рабочих дней без выходных составило 19 – с 20 сентября по 10 октября, включительно, то есть ровно три недели.

О том, насколько оперативно и четко был организован подготовительный цикл и само строительство, свидетельствуют данные о темпах мобилизации крестьян и ежедневные ведомости о количестве людей выходящих на земляные работы. Судя по ведомости, основное количество крестьян – 2653 человек – прибыло к Сергиевску 19 сентября. В последующие числа сентября и даже октября крестьяне приходили незначительными группами:

- 24 сентября – 8 человек,
- 26 сентября – 161 человек,
- 3 октября – 85 человек,
- 6 октября – последние 9 человек.

Всего же с 19 сентября по 6 октября удалось собрать 2916 человек, чуть меньше чем было первоначально запланировано. Присланные крестьяне были заняты на линейной работе, т.е. копали ров и насыпали вал. Для их «понуждения», чтобы работали «не леностно», к каждому десятку работных людей был приставлен драгун, а то и унтер или обер-офицер¹⁸ (рис. 10). Вместе с крестьянами на строительстве линии были заняты и "пригородочные солдаты", та их часть, которая осталась от отправленных "на устье Кондурчинское в прибавок к мензелинским". Работы продолжались с 20 сентября по 10 октября. Вполне можно представить количество занятых людей на линии, систему выходных и рабочих дней по небольшой таблице (табл. 2).

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 309, 312, 313-313об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 328об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 319-319об.

¹⁸ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №23,24. С. 48-49.

Рис. 10. Драгуны.

Распределение рабочей силы, вся инженерная часть, наблюдение за использованием правильной технологии строительства были возложены на команду Бибикова. После завершения работ Бибиков в своем отчете писал, что ров был сделан:

- шириной у поверхности – 2 сажени 1 аршин 10 вершков (5,42 м),
- глубиной – 1 сажень (2,13 м),
- шириной в нижней части по дну – 1 сажень (2,13 м).

За время линейной работы из рва было “вынето земли и употреблена на вал кубических 7518 сажен”¹⁹. По тогдашним фортификационным правилам существовали особые пропорции между отдельными элементами системы вала и рва, которые необходимо было соблюдать. Для постоянного надзора за этими параметрами со стороны инженеров во время полевых работ требовалось иметь в экспедиции специальные шаблоны. Но, по всей видимости, осенью 1731 г. это требование не соблюдалось. Со-

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 417 – 418об.

ответственно, и в размерах и в соотношении отдельных частей укреплений были допущены ошибки.

Таблица 2. Сроки прихода и количество рабочей силы на строительстве линии осенью 1731 г.

Месяцы и дни	Кол-во рабочих
Сентябрь, 20	3663
21	3663
22	3663
23	3155
24	3162
25	3162
26	воскресенье, работ не было
27	3353
28	3356
29	3355
30	3343
Октябрь, 1	3342
2	3342
3	воскресенье, работ не было
4	3342
5	3342
6	3342
7	3342
8	3342
9	3342
10	3342

На первых порах Бибииков сетовал в основном, на качество инструмента, изготовленного в Казани. За 3 недели работ только лопат было "переломано" 1343²⁰.

Все сделанное из линейных работ осенью 1731 г. было отражено на специальном плане. На чертеже, отправленном в столицу в конце 1731 г. показана "линия вновь делать зачата", протяженностью от Сергиевска около 8 верст²¹. Вал немногим переходил Казанскую дорогу и завершался у "Казанского оврага"²² (рис. 11).

Если для Кондурчинской крепости рядом с Тарханским лесом строительные работы ограничились лишь заготовкой леса²³, то на Соку при устье Кондурчи солдаты не только смогли заготовить бревна и вывести их на строительную площадку, но и приступили к устройству палисада. В общей сложности палисад был поставлен на 3-х полигонах протяженностью 314 сажень 2 аршина (более 670 м). Кроме того, внутри будущей крепости построили 2 избы и кузницу. И, наконец, в Сергиевске 52

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 418об.

²¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 4189. См. также: Д. 3954.

²² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 419об.

солдата построили “деловой двор” с “покрытыми сараями” для хранения материалов из дерева. На этом дворе были устроены 2 избы и кузница.

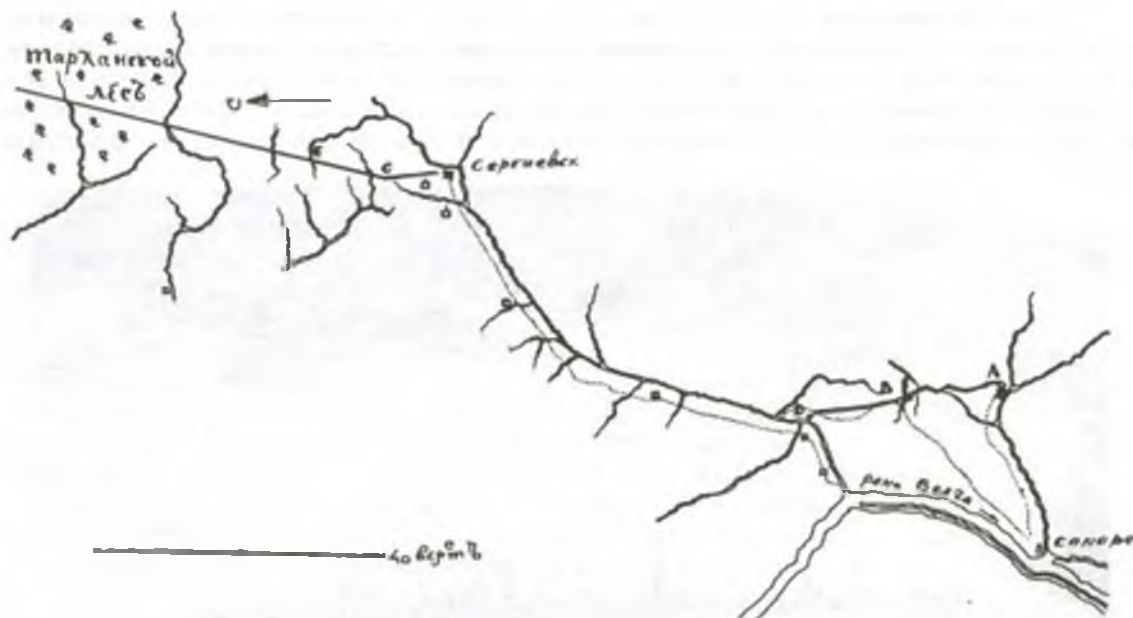

Рис. 11. Ландкарта Новой Закамской линии. Строительные работы 1732 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

Текст к плану: А – редут у устья р. Кинель, от которого начинается линия
 В – редут Красный
 Д – «на оном месте имеет быть состроена крепость»
 С – Казанский овраг, до которого в прошлом 1731 г. была построена от пригорода Сергиевска линия
 СЕ – линия и засека, построенные в 1732 г.

Еще полсотни солдат было занято у “зженья угля и у воски лесу”²⁴. Эти работы могли проводиться гораздо быстрее, если бы для возки леса использовались лошади драгунских полков из команды Шереметева. Однако генерал-лейтенант отказал Наумову в этой просьбе. Пришлось использовать солдатских лошадей.

Таким образом, осенью 1731 г. при возведении крепости у Красного Яра на Соку совершенно отчетливо проявился первоначальный замысел Наумова и Бибикова: по Соку от устья Кондурчи до Сергиевска ограничиться созданием на правом берегу “на перелазах” системы локальных укреплений – крепостей, фельдшанцев, редутов. Непрерывную линию здесь устраивать не предполагалось. Но, в столице были совершенно иные взгляды на то, откуда начинать строительство. В указе, датированном 2 октября, но присланном в Заволжье только 15 октября, предписывалось вести строи-

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 419-419об.

тельство от пригорода Алексеевска «по реке Кондурче» и далее по Соку к Сергиевску по правому берегу «подле самых тех гор»²⁵.

После завершения строительных работ, Наумов и Оболдуев были вынуждены отправиться в Симбирск для выяснения ситуации с набором ландмилицких полков, т.к. от посланных для этого офицеров никаких известий не поступало. Активная деятельность руководства экспедиции продолжалась до конца 1731 г. Приходилось вновь и вновь заниматься набором ландмилиции, искать деньги для жалования работным людям.

Рис. 12. Симбирск в 1760-е гг. Гравюра П.А. Артемьева.

На конец осени пришлось перемены в губернском руководстве. В Казани сменили губернатора, а непримиримый противник деятельности Закамской экспедиции Шереметев был отправлен на Украину, губернаторствовать в Киеве. Там, по иронии судьбы, ему вновь пришлось столкнуться с деятельностью еще одной подобной экспедиции, но уже по строительству Украинской линии. На этот раз какого-либо заметного противодействия этому проекту генерал-лейтенант не показал²⁶.

С наступлением зимы в районе работ наступило затишье. Часть персонала экспедиции разместилась, по всей видимости, в Сергиевске. Руководство отправили в

²⁵ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №25. С. 50-51; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 322.

²⁶ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 1. С. XXXV; Т. 2. М., 1914. С. 460 и др.

более комфортные условия в провинциальный центр Симбирск (рис. 12). Отсюда зимой Наумов и Давыдов должны были отправиться с отчетом в Москву и Санкт-Петербург.

По запросу из центра, уже после завершения работ осенью 1731 г., тайный советник отправил донесение с просьбой подготовить к новому сезону инструменты и материалы на 10000 работников. Наученный горьким опытом, руководитель экспедиции предлагал также за дополнительную оплату для перевозок грузов использовать лошадей пригородочных солдат. Военная коллегия и Сенат согласились с этими предложениями и в январе 1732 г. появился сенатский указ²⁷.

18 декабря из Сената к Наумову был отправлен еще один, по всей видимости, последний в этом году указ. В основном он касался мобилизации населения Казанской губернии к строительным работам следующего 1732 г. Тайный советник должен был срочно подготовить и прислать сенаторам ведомости о сроках строительства линии и численности необходимой рабочей силы на новый сезон. Ранее, казанскому губернатору указывалось составить росписи на 5 и 10 тысяч душ, в зависимости от того, сколько рабочей силы затребует руководство экспедиции. Отдельно в указе затрагивалась тема сбора в одно место набранных в ландмилицию людей «из прежних служб» и их обучения. В осуществлении этой идеи Наумову отказали²⁸.

Тайный советник и его помощники хорошо изучили район строительства, неоднократно проезжали по будущему маршруту линии. Для Федора Наумова, начатое под его руководством предприятие и местность, где производились работы, стали родными и близкими настолько, что он решил завести в Заволжье имение. 22 декабря 1731 г. он купил у наследников симбирского помещика В.П. Дмитриева крупный участок земли на луговой стороне Волги, неподалеку от современного Тольятти. Вскоре здесь появилось сельцо, названное по имени своего владельца Федоровкой (Федоровским)²⁹.

Окончательное утверждение проекта

К началу второй декады октября 1731 г. местность, где совсем недавно на строительстве крепостей, вала и рва трудились тысячи людей, запустела. Мобилизованные крестьяне были распущены по домам; солдаты из драгунских полков размещены за Черемшаном и Камой на зимних квартирах, а пригородочные - вернулись на прежние места жительства. В это же время происходят серьезные изменения в составе руководства экспедиции. В конце осени был отставлен от дел и направлен для следствия полковник Оболюев. В декабре 1731 г. гвардеец Давыдов посчитал, что возложенное на него поручение выполнено полностью и просил отправить его от Закамской линии в столицу. Он писал: «...ныне я нижайший в Синбирску обращаюсь

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 2.

²⁸ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. №30. С. 57.

²⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 21.

празден и дел никаких по данной мне инструкции не имеетца». Кроме того, свою просьбу князь обосновывал тем, что посланные одновременно с ним на Украинскую линию к Тараканову гвардейские офицеры, уже вернулись назад в свои части³⁰.

Но, перед Наумовым, Бибиковым и уже, «сидевшим на чемоданах» Давыдовым, стояла весьма сложная задача. Они должны были отчитаться за результаты деятельности экспедиции в Заволжье весной – осенью 1731 г. и представить свои предложения к следующему сезону. В то же время ни в коем случае нельзя было задерживать подготовку к очередному сезону строительных работ. Новый, 1732 г. обещал быть гораздо более напряженным, чем предшествующий, т.к. в течение его предполагалось возвести ряд важнейших оборонительных сооружений Новой Закамской линии, приступить к расселению в них гарнизонов. К тому же Наумов лишился в Заволжье влиятельного союзника. Князь Долгоруков был смещен в декабре 1731 г. с должности казанского губернатора и сослан в Нарву³¹. Пришлось заново налаживать отношения с новым руководством Казанской губернии во главе с П.И. Мусиным-Пушкиным.

Несомненно, что в начале зимы в Симбирске Наумов и Бибиков неоднократно обсуждали практические потребности экспедиции в новом строительном сезоне. Создается впечатление, что эти два человека, имевшие небольшую разницу в возрасте и, по всей видимости, схожие вкусы, смогли сблизиться друг с другом. По крайней мере, в документах нет ни одного свидетельства об их размолвках за все 5 лет совместной работы в Заволжье. Тайному советнику и капитан - поручику удалось выработать ряд требований и предложений к центральным и губернским властям, определить для себя наилучший маршрут новой линии.

Всю зиму 1732 г. в Кабинете министров, Сенате, Военной коллегии и других центральных учреждениях обсуждался вопрос о мероприятиях по созданию новой линии. Итоги этой напряженной работы отражены в целом ряде именных указов, распоряжениях коллегии и канцелярий. В январе 1732 г. Анне Иоанновне было представлено “всеподданейшее доношение” из Сената: “...По указам Вашего Императорского Величества отправлены для строения закамской линии и крепостей и набора из прежних служилых людей полков тайный советник Наумов и к нему послан лейб-гвардии Преображенскаго полку подпоручик князь Давыдов, а за нынешним зимним временем то строение оставлено и работные люди отпущены в дома. Ныне они, тайный советник Наумов и князь Давыдов, в Сенат доносят: по данной инструкции надлежит им о том строении донести аккуратно, того б ради ... повелено было быть им на время в Москву, или где... быть соизволите, а за отлучкою де в наборе полков и в прочих делах никакого умедления и остановки не будет”. В резолюции императрицы от 31 января содержалось требование: “Велеть им быть на почте сюда в Санкт-Петербург с потребным ведомостями немедленно, чтоб еще нынешним зимним путем к делу, на них положенному, назад возвратиться могли”³². Совершенно идентичное

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 9-10.

³¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 61.

³² Сборник РИО. Т. 104. С. 151; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 6.

предписание в тот же день получили руководители строительства и Украинской линии генерал-майоры Тараканов и Дебринь³³.

15 февраля в Симбирске Наумов вручили это распоряжение, а уже 24 февраля он был в Москве. Там его застал новый указ, обязавший самому остаться в Москве, а все ведомости отправить с Давыдовым в Санкт-Петербург³⁴. По всей видимости, в работе ведомств в Москве произошла обычная для тех времен накладка, так как появился еще один указ, на этот раз от 4 марта. В нем высказывалось требование, чтобы прибывшие в Москву Тараканов и Наумов срочно выехали в Санкт-Петербург "самим для обстоятельного о делах своих доношения"³⁵.

Отчеты об итогах деятельности экспедиции и планы производства работ на следующий год с поправками Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации Сенат слушал уже 25 февраля 1732 г. Кроме того, Наумов и Бибииков в марте и апреле посылали в центр новые донесения со своими предложениями. Например, Бибииков 5 февраля в донесении в Канцелярию главной артиллерии и фортификации просил прислать в экспедицию новых инженеров. Он считал, что силами находившихся в инженерной команде 4-х «инженерных служителей» и 4-х геодезистов, справиться со всем объемом работ, при условии мобилизации к строительству 10000 человек, было совершенно невозможно. В 1731 г. геодезисты работали вместе с инженерами. В новом сезоне, если начнется расселение ландмилиции, им пришлось бы заняться своим основным делом - описанием и размежеванием «пустых» земель³⁶. О том, что размежевания земли для гарнизонов крепостей должно было начаться осенью 1732 г., мнение руководства экспедиции было единым. Будучи в Москве, в марте, Наумов просил заменить своего секретаря В. Друковцева, занимавшегося межвыми делами. Друковцев, «будучи больным», не мог выполнить это ответственное дело. По мнению Наумова, лучше других на эту должность подходил симбирский канцелярист Афанасий Киндяков. Однако, в Сенате до осени 1732 г. так и не смогли решить этот вопрос³⁷.

В центр отправлялись и другие предложения. Например, 29 февраля капитан-поручик в посланном Миниху рапорте высказал свое мнение о строительстве на линии новых хорошо укрепленных пунктов. Если укреплений ландмилицких поселений будет недостаточно, то их жителям можно отсидеться в фельдшанцах. Они необходимы были потому, что у неприятеля имелось не только ручное огнестрельное оружие, но и пушки. В тоже время строить фельдшанцы в наступающем 1732 г. особой нужды нет, так как уже имеются пограничные городки, которые на первом этапе строительства линии смогут защитить рабочих людей и солдат. В рапорте содержится весьма любопытная характеристика укреплений этих городков. Они, по словам Бибиикова, огорожены деревянным тыном и забором без «всякого дефензиву»³⁸ и от

³³ Сборник РИО. Т. 104. С. 151.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 6, 38-39.

³⁵ Сборник РИО. Т. 104. С. 188-189.

³⁶ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 108. Л. 6.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 129, 136.

³⁸ Дефензива (фр. defensive) — оборона, оборонительная тактика в войне

неприятеля повреждения не имели. Башкиры не однажды подступали к ним, но городки смогли выдержать эти нападения³⁹.

Таковых посланий из Симбирска зимой-весной 1732 г. поступавших, в основном от Бибикова, было немало.

В совокупности предложения руководства экспедиции о производстве работ в новом сезоне 1732 г. сводились к следующему. Во-первых, в пакет документов была включена карта, приложенная к «доношению» в Сенат от 26 января 1732 г. Ее составил экспедиционный геодезист И. Бровцын и подписал И. Бибиков⁴⁰. О содержании этой карты, отражавшем уточненную схему прохождения линии и варианты расположения на ней важнейших оборонительных пунктов, уже говорилось в предшествующем разделе. Многие положения доклада, состоявшего из 16 пунктов⁴¹, и, сделанных в разное время дополнений к нему, также вряд ли стоит повторять, т.к. они фактически расшифровывали карту. Но на некоторых следует остановиться. В дополнение к карте Наумов представил список предполагаемых укрепленных пунктов на Закамской линии, вариант их размещения и свои предложения по численности в них гарнизонов (табл. 3)⁴².

Таблица 3. Список крепостей и численность гарнизонов в них (по «доношению» в Сенат от 26 января 1732 г.)

№		Численность гарнизона
«Звание мест, где назначено быть вновь крепостям»		
1	на Кондурче при впадении в Сок	500
2	на Раковском редуте	300
3	на Елшанском редуте	300
4	на Кондурчинском редуте	500
5	на р. Черемшане	400
6	на р. Шешме	400
7	на р. Зае	400
«Да в старые пригородки людей прибавить»		
1	в Сергиевск	300
2	в Алексеевск	300
3	в Самару	100
	Всего	3600

В общий подсчет вкралась ошибка, вся численность поселенцев должна была составить 3500 чел. В той же ведомости к докладу, поданному в Сенат, были приведены сведения о количестве людей в старых закамских пригородах, явившихся «по разбору» и годных к службе. По всей видимости, эти сведения собирало руководство экспедиции во второй половине 1731 – начале 1732 гг. (табл. 4)

³⁹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 197-197об.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 39-53.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 54.

Таблица 4. Численность служивых людей в «закамских пригородах», явившихся «по разбору»

Пригороды	Обер-офицеры	унтер-офицеры	капралы и рядовые	барабанщики	плотники	Итого
Сергиевск	1	7	327	8	4	347
Заинск	2	9	301	8	5	325
Мензелинск	2	14	410	8	1	335
Старошешминск	1	11	424	12	5	453
Новошешминск	2	14	379	8	5	408
Биллярск	2	8	250	2	5	267
Тинск	2	7	115	2	4	190
Итого	12	70	2266	48	29	2425

При этих городках числились также полковник и майор, бывший «в отлучении».

Кроме того, Наумов представил сведения о количестве набранных в этот период людей в ландмилицию из провинций Казанской губернии (табл. 5).

Таблица 5. Количество однодворцев, набранных в ландмилицию из провинций Казанской губернии

Провинции, города, уезды	Число людей	В том числе	
		от семейств	одинокие
Казанской провинции:			
Казанского уезда с пригородов	124	57	67
Свияжской провинции	41	27	14
Вятской провинции	113	сведений нет	сведений нет
Пензенской провинции:			
г. Саранска	193	123	70
г. Пензы	358	219	139
Симбирской провинции:			
г. Симбирск с уездом	1237	947	290
г. Петровск	128	69	59
г. Саратов	128	69	59
Итого:	2208		

Сверх этого явилось еще 110 неположенных в подушный оклад и годных к службе. Таким образом, общее количество набранных в ландмилицию от этой категории населения составило 2318 человек⁴³.

Таковыми людскими ресурсами обладала экспедиция Наумова к началу нового 1732 г. Характерно, что среди вышеперечисленных городов и пригородов не упоминаются ни Самара, ни Алексеевск.

Офицерский состав, состоявший в пригородах при солдатах и присланный дополнительно из Военной коллегии для «смотрения» ландмилиции «при линейной работе», судя по ведомости в 1732 г., насчитывал 58 человек, в том числе:

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 54об.-55об.

- 4 майора,
- 8 капитанов,
- 12 поручиков,
- 33 прапорщика,
- 1 адъютанта⁴⁴.

Руководство экспедиции предложило для рассмотрения в правительстве свои сроки строительства линии. По мнению Наумова, если делать Закамскую линию «как ныне начата и палисаднику не ставить», то есть не укреплять вал палисадом, то при соблюдении всех его предложений можно выполнить все работы в два года. Но для этого необходимо было очень напряженно поработать зимой-весной 1732 г. Успешное выполнение подготовительного цикла зависело не столько от руководства экспедиции, сколько от позиции и действий центральных учреждений и местных губернских и провинциальных властей. Речь шла как о стратегических вопросах расположения линии, этапах ее строительства, инженерных решениях, так и о снятии межведомственных проблем между чиновниками различных ведомств, местными властями и руководством экспедиции; о длительной организационной работе, проводившейся на уровне властей Казанской и близлежащих губерний по обеспечению инструментами, материалами, продовольствием, деньгами, рабочей силой, предоставлении лошадей для перевозки леса, наконец, охране района строительства и т.д. Все это необходимо было совершить в кратчайшие сроки, ко времени, когда установится теплая погода. Заготовку инструмента сбор материалов и продовольствия следовало произвести до середины мая, для того чтобы уже с 15 числа начать строительные работы. На сооружении линии, по предложению Наумова, необходимо задействовать в каждую смену не менее 10000 человек. Средства для оплаты их труда должны быть собраны заблаговременно из четырехгривенного сбора⁴⁵.

Также, по мнению тайного советника, следовало укрепить руководящий состав экспедиции. Если к отъезду И. Давыдова Наумов отнесся, по всей видимости, довольно спокойно, то отсутствие И. Оболдуева, осуществлявшего военное руководство, необходимо было восполнить столь же опытным офицером. Последовала просьба перевести на место полковника бригадира С. Друманта⁴⁶. После отъезда Шереметева Друмант остался фактическим руководителем основной группировки вооруженных сил Казанской губернии, размещенных в Закамье и включение его в состав руководства экспедиции, существенно усилило бы позиции Наумова в крае.

Зимой – весной 1732 г. появился ряд важнейших именных указов, решений Кабинета министров и Сената по поводу строительства оборонительной линии в Закамье. Рассмотрев все предложения Наумова, Сенат на своем заседании 25 февраля 1732 г., а возможно и в последующие дни, окончательно утвердил основное направление прохождения линии от пригорода Алексеевска до Тарханского леса. При этом сенаторы исходили, прежде всего, из двух основополагающих посылок: отсутствию в этом районе башкирских владений и наличии путей нападений кочевников. Согласованием отдельных участков должна была заниматься Военная коллегия. Например,

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 198.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 38-53, 82-85.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 85.

она была вправе рассмотреть вопрос о прохождении линии «по реке Самаре между Алексеевским и городом Самарою». Также в Военной коллегии должен был решаться вопрос о строительных работах в районе Тарханского леса и далее до р. Ика, причем особо отмечалось мнение Наумова и Бибикова о том, что вести линию засеками через Тарханский лес удобнее и дешевле и можно найти такой маршрут, который не затронет башкирских владений. Сенат вновь подтвердил свои прежние решения о «нарядах» для будущих работ, о прикрытии линии драгунскими полками, об использовании лошадей пригородочных солдат и т.д.

Рассматривая конкретные вопросы, связанные со строительством линии, Сенат вместе с тем поручил руководству экспедиции еще одну задачу, явно выходящую за пределы его компетенции. Наумов весной 1732 г. должен был послать инженеров для обследования рек волжско-яицкого междуречья, в том числе р. Самары и ниже лежащих, как со стороны Волги, так и Яика с целью обследования их вершин и возможностей переволок. Особо указывалась необходимость поиска более удобного пути к Яицкому городку⁴⁷. Отметим, что все решения Сената, в том числе и указ от 3 марта, подписывались обер-секретарем И.К. Кириловым. Возможно, изучение волжско-уральского междуречья специалистами Закамской экспедиции понадобилось ему для создания «Атласа Всероссийского» и «Генеральной карты России», а может быть и для составления проекта будущей Оренбургской экспедиции. Итогом этого сенатского рассмотрения явился императорский указ от 3 марта 1732 г.⁴⁸

О том, что проблема создания укрепленных линий являлась одной из важнейших в работе центральных учреждений, свидетельствует то, что только в марте 1732 г. Сенат на своих заседаниях четырежды (8, 14, 21 и 27) рассматривал вопросы, связанные со строительством Новой Закамской черты⁴⁹.

Этапным для судьбы линии стал именной указ Анны Иоанновны от 18 марта о строительстве «линии и засеки от Алексеевского и в других местах, и о переводе старых пригородков и о прочем»⁵⁰. Этот указ подвел итоги почти годового цикла проектных работ и уже начавшегося строительства. В нем перед создателями черты были четко сформулированы их непосредственные задачи. В отличие от начальных вариантов проекта всю Новую Закамскую линию разделили на 4 участка и установили очередность их сооружения:

1. Линии быть от Алексеевского до Красного Яра;
2. от Красного Яра до Сергиевского по реке Сок;
3. от Сергиевского вести тое линию прямо через Тарханский лес до реки Кичуй, усматривая, чтоб места для поселения были довольные, а башкирцов в свой бортные ухажья пропускать при крепостях;
4. а делать сперва линию от Алексеевского до Красного Яра, а потом от Сергиевского до Тарханского леса, а чрез Тарханский лес засеку, а от Тарханского леса до

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 25-27об.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 30

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 89; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997. С. 91.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 89-90об.; Сборник РИО. Т. 104. С. 202-204.

реки Кичуи линией, и по окончании всей той работы делать линию по Соку, а от Кичуи реки до реки Ику линию до времени не делать..."⁵¹.

При этом один из участков, последний от реки Кичуя до Ика, решили пока не делать. Любопытно, что если по поводу первого, третьего и четвертого участков в центре фактически согласились с предложениями руководства экспедиции, то поводу второго — как вести линию от Красного Яра до Сергиевска по правому или левому берегу реки и нужна ли вообще там непрерывная линия, решение было отложено до лучших времен. В указе имелось еще одно важное новшество. Отныне все вопросы, связанные с сооружением линии, Наумову предписали решать в Военной коллегии. Это означало, что важнейшие, принципиальные вопросы, касающиеся сооружения линии, перешли теперь в практическое русло. Ими и должны были заниматься Военная коллегия, Канцелярия главной артиллерии и фортификации и их подразделения. В указе решался также вопрос о заселении линии. При этом значительно уточнили решения предшествующего года.

Предложения Наумова о количестве жителей новых поселений посчитали слишком скромными. Было указано "пригородкам" старой Закамской линии (кроме Мензелинска), население которых не состояло в подушном окладе быть переведенными к новой линии и "поселить в пристойных местах пригородками, и чтоб во всяком пригородке было по 500 душ" (Наумов в своем проекте предлагал меньшую численность). Кроме того, к ним прибавлялись жители пригородка Ерыклинска, которых было решено вывести из подушного оклада. Видимо, этого количества людей для гарнизонов новой линии было явно недостаточно. Поэтому к ним причислили два полка "из старых служб", которые первоначально хотели перевести к Царицынской линии.

Итоги напряженной работы Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации были подведены в совокупности документов, представленных в Сенат в конце апреля. Фактически, это был четко сформулированный план всей деятельности Закамской экспедиции на 1732 год. В них отразились важнейшие рекомендации Военной коллегии, которая в соответствии с указом от 18 марта должна была "определение учинить" "каким образом линию и крепости и засеку делать"⁵². Речь, прежде всего, шла об инженерном обеспечении проекта, которое должна была произвести Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Последней предписывалось незамедлительно принять решение о планах и профилях оборонительных сооружений. Инженеры коллегии рекомендовали: "Вести оную линию по искусству инженерному как возможно прямее...чтоб линия была короче и по ней крепостей меньше, ибо на великой дистанции построя многия крепости и линии, надлежит впредь починивать". Количество крепостей на линии должно было соответствовать следующему принципу, принятому в российском инженерно-оборонительном искусстве: "а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться".

⁵¹ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5993. С. 659.

⁵² ПСЗ-1. Т. VIII. № 5993. С. 659.

Дополнительно к крепостям предлагалось на опасных местах построить редуты или фельдшанцы. Через лесные массивы, где кочевники могли просочиться незаметно, должны были идти засеки; в труднопроходимых заболоченных и залесенных местах укрепления можно было не строить. Ров предписывалось копать глубиною не менее 7 футов, а шириною 15 футов. Гласис поднять выше «горизонта» на 2 фута. Наружные крутости линии необходимо было усилить дерном или плакверком. Для удешевления строительства предлагалось следующее новшество «по всей оной линии и по всем редутам и редантам...вместо палисаду насадить часто терну, клену, липы и вязу и прочаго к тому делу пособного лесу, чтобы из оная учинить плетень». Таким образом, в документе были заложены основные принципы сооружения линии.

Военная коллегия посчитала, что запрос Наумова на использование в строительстве линии по 10000 крестьян в каждую из двух смен является завышенным. Работы предполагалось проводить в 2 смены: в первую – 5000 человек, во вторую – 10000. Одновременно с крестьянами рекомендовалось использовать на строительстве не менее половины из наличного состава пригородочных солдат. К началу работ в Казани местные власти должны были приготовить необходимое количество носилок и тележек. Вozить лес для строительства предлагалось на лошадях драгун и только в том случае, если их не хватит, на «обывательских». Для защиты рабочих в середине мая с зимних квартир из-за Камы в район строительства должны были выдвинуться 3 драгунских полка. Кроме того, здесь должен был встать Казанский гарнизонный драгунский полк (рис. 13). Из набранных вновь «прежних служб» двух ландмилицких полков, руководству экспедиции предполагалось «учредить один полк пехотный, другой – конный, чтобы при оной линии всего было три полка конных, а четвертый – для содержания крепостей – пехотный».

Рис. 13. Рядовой гарнизонного полка.

Планировалось, что уже в 1732 г. на линии будет построен ряд долговременных оборонительных пунктов, куда можно было бы определить людей для поселения. И еще одну проблему попытались учесть в документе – мирные и дружественные отношения с башкирами, промысловые угодья которых оказались внутри строящейся линии. Предлагалось, чтобы не беспокоить башкирское население, свободно пропускать его через черту для хозяйственных работ. И, наконец, вместо И. Оболдуева в помощь Наумову определялся бригадир Друмант, который после заселения линии должен был стать руководителем всех вооруженных сил, размещенные по черте. Все эти материалы 25-26 апреля были представлены в Сенат для вынесения окончательного решения⁵³.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 89-90об.; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 1—2об.; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 92.

Напомним, что Наумов предполагал, при условии удовлетворения его просьбы о количестве и времени использовании рабочей силы на строительстве, завершить его в течение 2-х лет — до конца 1733 года. Решение Военной коллегии, да и обычные по тем временам неурядицы с началом работ, темпами мобилизации крестьян должны были отодвинуть этот срок на один — два сезона, что, собственно говоря, и произошло.

Таким образом, к концу апреля все важнейшие вопросы в Кабинете министров, Сенате, Военной коллегии и ее канцеляриях были отрегулированы. 30 апреля руководство Казанской губернии получило указ Анны Иоанновны о содействии работе экспедиции и реализации всех указанных ранее решений⁵⁴. Позднее, 19 мая казанскому губернатору Мусину-Пушкину был направлен еще один указ из Сената⁵⁵. Новый строительный сезон должен был показать, насколько эффективными оказались предварительные мероприятия. Но, вполне очевидно, что подготовиться к началу линейных работ, которые намечались уже на 16 мая, губернское начальство не успевало.

В междуречье Самары и Сока. Отработка строительных технологий

Осенью 1731 г. только начали сооружение укреплений новой линии. Строительные работы длились всего три недели. К новому сезону, казалось бы, готовились куда серьезнее. Однако воплощение всего, что было запланировано, натолкнулось на серьезные трудности. К весне 1732 г. руководство экспедиции оказалось фактически обезглавленным. Наумов до конца апреля задержался в Москве. Давыдов так и не возвратился из Санкт-Петербурга. Оболдуев был отставлен от всех дел и находился под следствием. В Заволжье из командного состава оставался один Бибииков, да назначенный вместо Оболдуева, но, неизвестно, знавший ли об этом, Друмандт. В Заволжье не оказалось человека, который должен был постоянно «подталкивать» казанскую и симбирскую администрацию к активным действиям по мобилизации рабочей силы, подготовке инструмента, сбору продовольствия, денежных средств и т.д.

Если замена Оболдуева была очевидна и понятна и, видимо, принесла пользу последующей деятельности экспедиции, то с отставкой Давыдова все было сложнее. Его официально отстранили и возвратили в свой полк только 12 июля 1732 г. Таким образом, от Наумова был окончательно убран человек, осуществлявший кабинетский и сенатский контроль за строительством линии⁵⁶. Собственно говоря, в течение всего 1732 г. такого надзора и не было, т.к. Давыдов так и не появлялся в Заволжье после зимней поездки в Санкт-Петербург⁵⁷. Важно отметить, что присутствие князя в регионе существенно помогало в налаживании отношений с местной администрацией.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 162.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 118.

⁵⁶ Сборник РИО. Т. 104. С. 302–304.

⁵⁷ Сборник РИО. Т. 104. С. 303.

Для Наумова все просчеты, допущенные в подготовительный период 1732 г., стали очевидны, как только он появился в Казани, а затем 1 мая приехал в Симбирск. Выяснилось, что в губернской канцелярии еще не получили указ о наборе работников и «деланки» инструментов (он пришел в Казань лишь 30 апреля, когда тайный советник уже уехал в Симбирск). Такого указ не было на руках и у самого Наумова. К тому же он не смог получить от Миниха утвержденные планы новой линии. К началу строительного сезона руководство экспедиции, практически, оказалось без основных нормативных документов⁵⁸.

И все же с наступлением лета 1732 г. интенсивность переписки между центром и штабом экспедиции резко снизилась. Наумов и его сотрудники были заняты организационными и строительными заботами. Но по отдельным вопросам возникала необходимость согласовывать их решение с центром.

Все вышеуказанные причины приводили к значительной задержке начала линейных работ. Только к 16 июня, месяцем позднее задуманного, на линейную работу явились 1007 пригородочных солдат, а с 24 июня начали приходить присланные из Казанской губернии партии крестьян. Окончательно их удалось собрать только к 7 августа (табл. 6).

Таблица 6. Сроки прихода и количество рабочих людей на строительстве линии в июне – августе 1732 г.

№	Даты прихода	Количество людей
Июнь		
1	24	176
2	26	541
Июль		
3	4	593
5	8	1969
6	14	1306
7	18	132
8	22	145
9	25	212
Август		
10	5	40
11	7	15
Итого		5129
ВСЕГО: вместе с пригородочными солдатами		6136

К этому количеству рабочей силы следует прибавить 105 ерыклинских солдат, присланных для рубки леса 8 июля.

Таким образом, основная масса рабочих, исключая пригородочных солдат, явилась в конце июня – первой половине июля (с 26 июня по 14 июля включительно).

⁵⁸ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 352-352об.

Из 5109 человек в эти дни прибыло 4409 или 86% всех мобилизованных на работы крестьян⁵⁹. В своем донесении в Сенат Наумов жаловался, что, несмотря на все «промемории», посылаемые в Казанскую губернию, количество присылаемых оттуда работных людей, совершенно недостаточно⁶⁰.

Потому-то, сроки «линейных работ» значительно сдвинулись. Вместо 16 мая они начались только 17 июня. Соответственно, первая смена, отработав положенные 3 месяца, завершилась лишь 19 августа. О первых днях строительства сохранилось красноречивое свидетельство Бибикова, приведенное им в рапорте к Миниху от 20 июня. Капитан-поручик писал, что после прихода к Алексеевску первой партии «пригородных» солдат, Наумов приказал ему «...линейную работу показать, дабы пришедшие работники праздны не были. И по силе оного ордера принужден в оную линейную работу показать по усмотрению сетуации выше пригородка Алексеевска от устья реки Кинели. И сего июня 17 дня оная линейная работа зачята и того дни работы более не продолжалось одного часа и дан для зачатия шебаш...А в зачатии линии зделан будет редут. А ныне обращаетца в работе земляной 900 человек и при них у надзираения обер афицеров 2, ундер афицеров 20 человек; в лесу у плотничей работы рядовых 150, кузнецов у починки инструментов и у протчего 11 человек, а губернские работники еще не прибыли...»⁶¹.

Характерно, что более месяца инженерам пришлось работать без основополагающих документов о строительстве линии, вала и рва. Тот же Бибиков сообщал в Канцелярию, что: «...в отделку делаетца заложения бруствера с высотой с крутостью внутреннею и банкет по присланной профили из Главной канцелярии артиллерии и фортификации, а наружная крутость бруствера от ложеа одним футом, понеже квалитет земли так допускает делать и делаетца плака верк, а дерну не имеетца ибо план и ланткарт о строении крепостей тако ж профиль о строении линии с промемории получал при ордере...Наумова июля 24, копан был ров точию шириною в 7 фут (немногим более 2 м — Э.Д.), глубиною в 7 фут, а в отделку делать зачели с получения вышепомянутого плана и профилии, а препорции редантов ничего в присланной промемории...не сказано»⁶².

Несомненно, что для оторванных от своего хозяйства людей, работа на линии была тяжелейшей повинностью, губительно сказывавшейся на их имущественном состоянии и здоровье. Сухие статистические данные о количестве людей, занятых ежедневно на работах, болевших, умиравших и бежавших дают вполне очевидное представление об этом (табл. 7)⁶³.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216-216об.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253.

⁶¹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467.

⁶² А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523.

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216об.-217.

Таблица 7. Рабочая сила на строительстве укреплений в июне – июле 1732 г.

Месяцы, дни	Количество работавших	Количество больных	Оставленные при лагере, у табунов, на караулах и на кухне	Количество бежавших уездных работников	Количество умерших уездных работников
Июнь					
17	300	-	-	-	-
18	воскресенье	-	-	-	-
19	881	30	96	-	-
20	878	33	96	-	-
21	886	25	96	-	-
22	883	28	96	-	-
23	879	32	96	-	-
24	день святого Иоанна, выходной			-	-
25	воскресенье			-	-
с 26 июня по 7 июля	не работали из-за опасности эпидемии			-	-
Июль					
7	2152	69	136	-	-
8	4206	89	96	-	-
9	воскресенье			-	-
10	4212	83	96	-	-
11	4201	94	96	-	-
12	4203	92	96	-	-
13	4204	91	96	-	-
14	5515	86	96	-	-
15	5516	85	96	-	-
16	воскресенье			-	-
17	5529	72	96	-	-
18	5618	115	96	-	-
19	5612	121	96	-	-
20	5613	120	96	-	-
21	5611	122	96	-	-
22	5786	92	96	-	-
23	воскресенье			-	-
24	5763	115	96	-	-
25	5902	125	159	-	-
26	5962	135	89	-	-
27	5922	174	90	-	-

28	5911	185	90	-	-
29	5912	184	90	-	-
30	воскресенье			-	-
31	5912	184	90	-	-
Август					
1	5785	201	162	35	3
2	5787	198	163	-	-
3	5786	191	165	5	1
4	5786	199	157	-	-
5	5781	204	196	-	1
6	воскресенье			-	-
7	5763	230	195	8	-
8	5752	243	193	-	-
9	5749	249	181	8	1
10	5748	251	170	10	-
11	5748	251	167	2	1
12	5740	259	128	39	-
13	воскресенье			5	-
14	5711	261	142	8	-
15	день Успения Богородицы, выходной			6	-
16	5653	279	175	1	-
17	5682	291	131	2	1
18	5609	277	221	-	-
19	5649	314	143	1	-
20	воскресенье			-	-

Длительный перерыв в работах в конце июня – начале июля был связан с опасениями возможной эпидемии. На одном из драгун Вологодского гарнизонного полка, прикрывавшего район строительства, была обнаружена язва, признанная лекарем, обретавшимся в экспедиции «опасной». Между Наумовым, губернской канцелярией и даже Сенатом завязалась переписка. Все работы были приостановлены, а «команды разведены по разным местам». Вопрос встал о полной изоляции района работ и об устройстве «застав». В этом отношении очень интересно «определение» Сената от 11 июля, которое предписало в случае обнаружении действительной опасности эпидемии, ввести в Заволжье весь комплекс противоэпидемиологических мер. Сам же тайный советник усомнился в квалификации своего «медицинского работника». И действительно, комиссия из 3-х полковых врачей, присланных их Казани, во главе со «старшим лекарем Крестьяном Шпером», признала эту болезнь не опасной. С 6 июля вновь началась «линейная работа»⁶⁴.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.

С 7 июля наступил наиболее продуктивный период с точки зрения использования рабочей силы. С 14 июля по 19 августа ежедневно, за исключением выходных, на линейной работе было занято одновременно не менее пяти с половиной тысяч работников, т.е. даже более того количества, которое планировалось использовать в первую смену. Однако, с начала августа в работе экспедиции, явно, стали ощущаться признаки кризиса. Гораздо больше стало больных, видимо, сказались холодные ночи и перемены в погоде. За 19 дней умерло 8 человек. Если за всю вторую половину июня и весь июль не было ни одного беглого, то за 19 дней августа ушло с работ 130 человек. Из них только 1 августа бежало 35 человек, а 12 августа - 39.

В соответствии с проектом, работы в 1732 г. должны были осуществляться на участках "от Алексеевского до Красного Яра" и "от Сергиевского до Тарханского леса, а чрез Тарханский лес засеку, а от Тарханского леса до реки Кичуй линейей". Наиболее удобным, по всей видимости, был первый участок. Его, исходя из текста указа, следовало сделать в первую очередь. К тому же здесь строители могли опереться на воинские гарнизоны и материальные ресурсы Самары и Алексеевского.

Строительные работы в 1732 г. развернулись на 2-х участках – от р. Самары до Сока (Красноярской крепости) - и от пригорода Сергиевска в сторону р. Кичуй⁶⁵. Строительство первого - повели от Кинельского редута, устроенного несколькими километрами восточнее пригорода Алексеевска, на правом берегу р. Большой Кинель, неподалеку от ее впадения в Самару. Провести прямую линию от Кинельского редута к Соку не удалось, но строители попытались максимально придерживаться ее, уводя вал и ров от кратчайшего направления только в случае крайней необходимости. Как и планировалось, при пересечении р. Падовки был устроен "редут Красный и при высоком месте и с которого по линии до Кинельского редута и до Красного Яру ежели захочутца маяки можно видеть". Участок должен быть завершиться крепостью, выстроенной на берегу реки Сок, при впадении в нее Кондурчи. Были ли устроены на всем протяжении этого участка маяки, неизвестно? Любопытно, что в начале июля руководству экспедиции пришлось поменять направление строительства. Первоначально, линию начали от устья Большого Кинеля. Но после противоэпидемических мер и последовавшего за этим «конского падежа» в Алексеевском и в стоящих под пригородом воинских командах, решили вывести рабочих людей и воинские силы из опасной зоны и начать строительство от Сока на юг к р. Самаре⁶⁶.

Итоги работы первой смены были отражены в особой ведомости. Запись в ней гласила, что всего выкопано рва и насыпано вала «не в отделку» от р. Сок к Самаре на 25 верст. Из этого числа «в отделке плакаверка отделано малого вала [или бруствера] на две версты 400 сажен. Банкету сделано на 12 верст, рва окончено на 11 верст...». Кроме того, ерыклинские солдаты заготовили 7200 бревен строительного леса по рекам Соку и Кондурче⁶⁷.

От сезона прошлого года, недостроенной осталась Красноярская крепость, возводившаяся на правом берегу р. Сок при впадении в него Кондурчи. Однако, в конце лета 1732 г. у руководителей экспедиции возникли серьезные сомнения в правильно-

⁶⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 218об.

сти выбора места под это оборонительное сооружение. В донесении в Сенат от 21 августа Ф.В. Наумов сообщил мнение И. Бибикова о том, что крепости лучше быть на левом берегу, т.е. в урочище Красный Яр «отколь зачата линия к Алексеевску». Вместе с тем капитан-поручик показал весьма взвешенный и серьезный подход к решению данного вопроса. Его аргументация в пользу переноса крепости состояла, во-первых, в том, что в новом месте крепость будет действительно привязана к линии и, во-вторых, там «вода лучше». Но вместе с тем, он допускал, что вся территория в самаро - сокском междуречье, вплоть до устьев Большого Кинеля и Кондурчи могла быть отведена в хозяйственное пользование жителям Самары и Алексеевского, так что и крепость у Красного Яра строить будет не на чем. Бибиков, видимо, не располагал конкретными данными о размежевании земель в этом районе в конце XVII – начале XVIII вв., но знал, что оно было. Там же, где в прошлом году был «заложен палисадник крепости место хотя и удобно, но за поемными лугами привязать к линии неудобно»⁶⁸.

Уже в первые дни строительства выявились трудности, связанные с нехваткой опытных инженеров. В процессе производства линейных работ необходим был постоянный контроль за их качеством, соблюдением всех фортификационных требований. Фронт строительства был чрезвычайно узким, рабочая сила растянулась вдоль линии на значительное расстояние. 20 июня Бибиков писал Миниху, прося казенных лошадей для своих подчиненных: «...требует нужда смотреть во всех местах, дабы по профилям было зделано окуратно, а пешим усмотреть невозможно»⁶⁹. К тому же, с 28 июля надолго выбыл из строя инженер прапорщик Вельяминов-Зернов, заболевший «жестокой горячкой»⁷⁰.

Серьезные проблемы возникли в применении в условиях Заволжья технологии сооружения укрепленных линий. На степном участке междуречья Самары и Сока, практически не удалось обнаружить дерн для укрепления откосов бруствера и рва. Поэтому пришлось прибегнуть к плакированию – механическому упрочнению их поверхностного слоя. Этот способ по канонам тогдашней фортификационной науки вполне можно использовать, хотя он гораздо хуже защищал укрепления от водяной и ветровой эрозии. Но для такого плакирования (делать «плакверк» или «отделка плакаверка», как писали инженеры экспедиции), нужно было много воды для увлажнения наружного слоя поверхностей вала и рва. Как только строительство удалилось от Самары и Сока вглубь степной территории, воды стало не хватать. Везти ее издалека было, практически, невозможно. Поэтому Бибиков и его инженеры придумали весьма оригинальный способ плакирования, суть которого была изложена в рапорте капитан-поручика в Канцелярию главной артиллерии и фортификации: «...крутости бруствера как наружная так и внутренняя обделываетца за неимением дерна плака верк и за отдалением воды оной плака верк делаеца приставлевая доски к кругостям и крепко с малою поливкою водою убивают чекмарями и ручными бабами дабы земля крепче садилась и по лекалом за недовольною водою делать невозможно»⁷¹. Более

⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 214об.-215.

⁶⁹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 426.

⁷⁰ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 575.

⁷¹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 575.

литературно этот же способ изложил Наумов, обращаясь к Миниху: «...чтоб останювки не учинить в отделке линии... делают таким образом, что весь вал с обе стороны обней досками и за доски сыплют чернозем и поливают водою и убивают чекмарями и от того немалая мешкота происходит а паче, что воду не блиско возить»⁷². Судя по этим двум, дополняющим друг друга описаниям, строители использовали метод скользящей опалубки, нередко используемый в современном строительстве.

Природа, практически, степного района задала строителям еще одну сложную задачу. Площадку на уровне земной поверхности между внутренним откосом рва и бруствером, шириной в несколько футов, полагалось укреплять либо палисадником, т.е. забором, либо посаженными по ней кустарником и деревьями «терновником или кленом и липнягом или другим к тому способным». Это была общепринятая практика. Но в окрестностях строительства леса не было, кроме малорослого дикого «вишневаго», который для этих целей совершенно не годился. Поэтому, руководство экспедиции просило Канцелярию главной артиллерии и фортификации разрешить вместо живого дерева использовать колья ветлы и осокоря, которые вполне могли приняться и разрастись в «живой плетень»⁷³. Нужно отметить, что Миних с полным пониманием и одобрением отнесся к таким вынужденным изменениям в технологии линейных работ⁷⁴.

Во вторую смену предполагалось задействовать уже 10000 присланных крестьян. Однако в реальности к работам явилось немногим более половины - только 5635, которых продержали до 20 октября. Кроме них были использованы пригородочные солдаты - около 1000 человек из тех, которые не были заняты в первую смену⁷⁵. Ведомости о повседневных занятиях этих людей не сохранились. На участке, который был начат в конце августа, от пригорода Сергиевск к р. Кичую, продолжалось строительство вала и рва от Казанского оврага. Линия здесь перевалила через р. Кондурчу и подошла к Тарханскому лесу, где были устроены засеки. Характерно, что на этом, весьма протяженном участке, в 1732 г. не было устроено ни одного редута, фельдшанца или крепости. Видимо, для войск, охранявших эту территорию, помимо Верхнекондурчинского редута, указанного еще на картах 1731 г., был построен второй - Малолавский на р. Малой Павке. Отметим, что составители плана забыли еще один редут, существовавший неподалеку - Липовский.

Рабочие второй смены должны были также завершить сооружение вала на самаро-сокском участке. В итоге протяженность рва и вала здесь была доведена до 29 верст 206 сажен⁷⁶, что не совсем понятно. Возможно, в отчетные документы просто вкралась ошибка, т.к. общая протяженность линейного участка от Кинельского редута до Красноярской крепости составляет всего 25 верст (около 26,7 км).

В эту смену на строительстве должны были задействовать больше людей, чем в первую. Поэтому, сразу же обнаружилась нехватка инструментов, значительная часть которого вышла из строя в июне - августе. Наумов сообщал Миниху, что в Ка-

⁷² А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 577об.

⁷³ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523об., 575, 577об.

⁷⁴ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 294.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 25об.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 208.

зани инструментов нет и если не пришлют, то все работы встанут. Для его изготовления в самой экспедиции были собраны все кузнецы, ремонтировались лопаты и кирки, пришедшие в негодность, налажено свое производство. Часть рабочих «...за неимением землю...роют сошниками и деревянными лопатами накладывают»⁷⁷. Тяжба о поставках инструмента затянулась практически до конца осенней смены. Еще 12 октября Миних пытался заставить губернские власти выслать необходимый инструмент в экспедицию, возлагая ответственность за это дело лично на губернатора⁷⁸.

На участке между новопостроенной Красноярской крепостью и пригородом Сергиевским строительные работы в 1732 г. году не велись. Для того, что бы хоть как-то защитить это направление, использовался редут Ольшанский на правом берегу Сока.

Весь ход работ на линии в 1732 г. был представлен в отчетах Бибикова в Канцелярию главной артиллерии и фортификации⁷⁹. Интересно сравнить эти документы с отчетами генерал-майора Дебриньи, в это же время руководившим инженерами на строительстве Украинской линии. Последний, в отличие от Бибикова, прекрасно понимал великую силу хорошо составленного документа. Его отчеты прекрасно оформлены, подробны, содержат массу статистического материала, сведенного в таблицы, многочисленны и вполне естественно должны были вполне соответствовать вкусу педантичного Миниха. Бибиков же в своем бумаготворчестве вполне соответствовал характеристике, данной ему при аттестации в Инженерной школе, «в деле своем не отправен»⁸⁰, что, впрочем, не помешало ему в октябре 1732 г. получить очередной чин капитана⁸¹, а ко времени Семилетней войны вырасти в одного из лучших военных инженеров России.

Вновь, как и в прошлом году, одной из самых сложных оставалась задача финансирования экспедиционных расходов. Сенатский указ, направленный в Казанскую губернию, обязывал местные власти направить для пригородных солдат, занятых на линейной работе, из 4-х гривенного сбора на заработную плату 5000 рублей, да тем же солдатам, возившим лес и припасы из «неположенных в штат доходов» 3600 рублей. Но и этих денег явно было недостаточно. В начале осени 1732 г. Наумов взял у казанского дворянина, привозившего в экспедицию деньги, из вышеуказанных средств 500 рублей на мелочные расходы, да на дачу приказным служителям и геодезистам 2000 руб. Проблему финансирования этих статей разрешил сенатский указ, появившийся в начале января 1733 г. Он позволил руководству экспедиции брать на канцелярские расходы и на жалованье приказным людям и геодезистам по 1000 руб. ежегодно⁸².

Но общие затраты на содержание закамской ландмилиции были намного выше. Для содержания 4-х полков в 1732 г. была назначена сумма в 48000 рублей, из которых, судя по указу 12 октября 1732 г., только 9811,6 руб. покрывалось за счет 4-

⁷⁷ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 577.

⁷⁸ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 607; Д. 87. Л. 293-294.

⁷⁹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467, 523-525.

⁸⁰ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 299.

⁸¹ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 26.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 2-5.

гривенного налога⁸³. Всего же на обеспечение ландмилицких украинских и закамских полков и "на обретающихся при них генералитет" по императорскому указу и приговорам Сената от 12 октября и 16 ноября 1732 г. затраты составили 301192, 97 руб. в год⁸⁴.

Значительные средства уходили на выплаты мобилизованным крестьянам и на другие расходы. Руководство экспедиции на время летних работ заготавливало крупные запасы продовольствия. В принципе работники должны были сами обеспечивать себя продуктами. Но для тех, кто этого не смог сделать, привезли 5000 четвертей круп. Этот провиант получали работные люди, которые не имели достаточно своих продуктов, но руководство экспедиции, соответственно, уменьшало им выдачу жалованья. Кроме того, в район строительства завозилось большое количество вина⁸⁵.

Завершая работы 1732 г. руководство экспедиции не забывало о необходимости подготовки к новому сезону. Осенью 1732 г. Наумов обратился в Сенат с просьбой разрешить в «будущее лето» те ландмилицкие полки, которые должны были участвовать в строительстве, не ставить на земляные работы, а занять их «для себя строить, где имеется поселены быть всякое строение на Красном Яре, где линия отделана и на Соку»⁸⁶. Наконец-то, по просьбе Наумова, вместо Друковцева в экспедицию с повышением чина перевели симбирского канцеляриста Афанасия Киндякова⁸⁷, который в 1733 – 1736 гг. осуществлял всю практическую работу по размежеванию земель.

Контролируя строительство новой линии, правительство требовало от казанских властей содержать в порядке старые укрепления по Черемшану и в Закамье и войска размещенных на них. 7 ноября 1732 г. в Кабинет поступило через Военную коллегию доношение генерал-майора и воинского инспектора Г.А. Урусова "о Черемшанских форпостах" и при нем "смотровые табели драгунским полкам"⁸⁸.

После завершения работ и роспуска полков со строящейся линии, руководство и постоянные сотрудники экспедиции остались в Заволжье. Лучшим вариантом для «зимних квартир» был Симбирск, центр одноименной провинции и сравнительно крупный по тем временам город, с большим фондом удобных жилых помещений. К тому же он находился относительно недалеко от района строительства. Штаб Наумова в Симбирске разместился в 93 купеческих дворах, да еще 196 понадобилось на квартиры для «разных команд»⁸⁹.

⁸³ Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. Т. 2. М., 1902. С. 182.

⁸⁴ Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. С. 182.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 24об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 22-22об.

⁸⁷ Сборник РИО. Т. 104. С. 403.

⁸⁸ Сборник РИО. Т. 106. С. 390; Т. 104. С. 480.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288, 289.

К северу от Сергиевска. Решающий год

Подготовка к новому сезону. 1733 и 1734 гг. были решающими в строительстве Новой Закамской линии, в превращении ее в систему действующих, реально защищающих Заволжье, оборонительных сооружений. Есть исследователи, предлагающие иную периодизацию. Например, Р.Г. Буканова полагает, что линия была практически создана в 1731 – 1733 гг., а уже с 1734 г. Сенат в основном занимался обеспечением деятельности Оренбургской экспедиции⁹⁰. Это не совсем так. Сенат с весны 1732 г., практически, не вникал в детали сооружения Новой Закамской линии. Непосредственный контроль над деятельностью комиссии Наумова был возложен на Военную коллегию. В зоне строительства в ведении сенаторов находились только вопросы распределения земель под поселение ландмилиции. Так происходило и по отношению к Украинской линии, строившейся в это же время⁹¹.

Сам же Наумов считал, что при обеспечении экспедиции всем необходимым – рабочей силой, денежными средствами, продовольствием, оборудованием и охраной – линию можно завершить в течение двух лет - 1732 – 1733 гг. Но реальная действительность опровергла эти предположения. В 1732 г. строительство было начато на месяц позже, крестьяне собрались в места производства работ со значительным опозданием, во вторую смену было задействовано чуть более половины предполагаемого количества рабочих.

При подготовке к новому сезону руководство экспедиции попыталось избежать ошибок прошлого года. 1733 год предполагалось сделать решающим. Новая Закамская линия должна не только обрести свои основные очертания и сооружения, но и начать функционировать. При ее укреплениях должны были разместиться постоянные гарнизоны ландмилиции. Прежде всего, в этом году предполагалось обустроить участок между пригородом Сергиевским и р. Кичуем. В ноябре 1732 г., вскоре после завершения строительных работ, руководство экспедиции обратилось в Сенат с просьбой «не соизволит ли Сенат в будущее лето людей прибавить».

По мнению Наумова, на участках, где в основном были завершены линейные работы, следовало сразу же приступить к строительству крепостей. Для их сооружения намечалось использовать пригородочных солдат и набранные два полка из людей «прежних служб». Их предлагали освободить от земляных работ на линии, но при этом обязать строить для себя, «где имеется поселены быть всякое строение» на Красном Яре и по р. Соку. До урочища Красный Яр линия уже была доведена. Поэтому сооружение крепости там представлялось вполне естественным. А вот по левому, южному берегу Соку линия была еще «не отделана». Но, Наумов и Бибилов полагали, что за рекой имеются «прежнего дела» редуты, с помощью которых можно защитить строителей и новых поселенцев от нападения. Руководство экспедиции просило Сенат издать указ, по которому оно получило бы право собрать уже зимой – в начале весны два полка из людей «прежних служб». Обоснование такой просьбы звучит очень красноречиво и характеризует имущественное состояние этой группы

⁹⁰ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 93-94.

⁹¹ ПСЗ-1. Т. VIII. №6129. С. 888

населения: «а летом их не собрать, потому, что люди весьма скудные и разойдутся все по вскрытии воды по судам и к другим работам»⁹².

По всей видимости, ландмилицкие полки стали настоящей головной болью для руководства экспедиции. Несколько позднее, в начале декабря 1732 г., Наумов подал еще одно донесение в Военную коллегию, где более пространно сформулировал свои предложения по поводу полков ландмилиции: «Наперед сего писано от него о ландмилицких полках (в которые назначены прежних служб люди), что оныя за присланными из правнтельствующаго Сената указом в одно место не збираны, ружьем, мундиром и амунициею не укомплектованы, а живут в домех своих Казанской губернии и Синбирской провинции в разных городех и уездех на далнем разстоянии». Тайный советник сетовал, что присланных к полкам для командования штаб и обер-офицеров, даже поселить негде. Для того, чтобы ландмилиция стала более-менее боеспособной силой, людей необходимо было собрать в одно место, а к весне выслать на линию и указать строить «про себя». Кроме того, возникла проблема финансового обеспечения этих полков и присылаемых к ним офицеров, которые были почти также бедны, как и их подчиненные. Ряд предложений касался и крестьян. Их следовало собирать для линейных работ к 1-му или, по крайней мере, 15 мая, причем не только тех, кто назначен был к работам в этом году, но и уклонившихся в предшествующие годы⁹³.

В Военной коллегии и Сенате с пониманием отнеслись к совершенно справедливым предложениям руководства экспедиции. Ландмилицкие полки было указано окончательно собрать к началу мая⁹⁴. В соответствии с сенатским указом от 27 января 1733 г. «назначенных в ландмилицию из прежних служб людей...и пригородочных солдат» необходимо было в мае расставить "в пристойных местах в компаненты" и послать из них "на линейную работу, и для строения слобод, по половине переменой"⁹⁵. Ландмилиции положено было за работу жалованье.

В указе расписывались порядок сбора и посылки к линии работных людей, обеспечение их денежным жалованьем и продовольствием, ряд других положений, практически, повторявших нормы предшествующего года. Ответственность за мобилизацию крестьян для работ на линии возлагалась на казанского губернатора. Работники должны были получать заработную плату «по плакату». Для их продовольственного обеспечения предполагалось заготовить в Казанской губернии на сезон до 5 тысяч пудов круп. Но расплачиваться за питание строители должны были из своего жалованья: "Давать из того провианта таким работникам, у которых хлеба не достанет, а вместо того вычитать у тех работных людей из заработных их денег по той цене, почему станет до места, дабы во время работы в провианте нужды не было"⁹⁶. Губернатор отвечал также за поставки вина, прибыль за продажу которого шла на выплату жалованья работным людям. Были предусмотрены жесткие меры по пресечению неявки на работу и бегства мобилизованных. Коллективная ответственность за

⁹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 21-22об.

⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 28-28об.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 61-62об.

⁹⁵ ПСЗ-1. Т. IX. №6315.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 56; ПСЗ-1. Т. IX. № 6315.

крестьян, уклонившихся от работ, возлагалась на сельские общины. Как и в предшествующем году, на строительстве полагалось занять 15 тысяч человек. Но теперь и в первую и во вторую смену посылались поровну – по семь с половиной тысяч человек. Первая смена длилась два с половиной месяца – с 1 мая по 15 июля, вторая столько же – с 16 июля по 1 октября.

Положения январского указа затем неоднократно повторялись и конкретизировались в последующих распоряжениях, посылаемых в Военную коллегию, Казанскую губернию и в саму экспедицию⁹⁷.

В документах центральных учреждений сохранились предварительные расчеты о наборе рабочей силы и о возможных размерах жалованья. Они весьма интересны. Предполагалось, что набирать на строительство Закамской линии будут по 1 человеку, примерно, с 38 «положенных на полки душ» мужского пола. По «плакату» им полагалось за работу в день давать по 5 копеек. Тогда, всего за 5 месяцев с 1 мая по 1 октября общие затраты по этой статье расходов составили бы 114750 рублей. Но чиновники предложили и другие варианты, прежде всего в сторону экономии средств. Если жалованье одному работнику сократить до 2 копеек, то общая сумма должна была составить уже 45900 рублей, если до 3 копеек – то 68850 рублей. Оплата в 3 копейки представлялась для составителей проекта наиболее оптимальной. При ней жалованье ландмилиции из закамских пригородов должно было составить 6120 руб., а общие затраты, соответственно, 74970 рублей⁹⁸. Для обоснования этих расчетов прилагалась справка из Сената. Судя по ней в 1732 г. на одного человека в месяц выделяли по 60 коп., т.е. по 2 копейки в день⁹⁹.

Кропотливая работа, проведенная в межсезонье, дала свои положительные результаты. К 5 апреля Наумов доносил в Сенат, что 2 конных ландмилицких полка уже сформированы, а остальные 2 находятся на стадии комплектования. Годные к службе части уже были направлены на линию, но жалованье для них еще не поступило. Деньги получили только штаб и обер-офицеры:

- заместитель тайного советника по военной части бригадир Друмант 100 руб.
- майор Львов 10 руб.
- капитан Тарашинский 5 руб.
- 2 прапорщика по 6 руб.
- 5 прапорщиков по 5 руб.

Общая сумма выплат составила всего 152 руб.¹⁰⁰

Для пополнения, приписанных к линии полков ландмилиции, Наумов и Друмант предложили причислить к ней солдат 3-х рот, набранных «в прошлые годы» из жителей Самары и Алексеевска. Эти роты были сформированы еще до строительства линии и принадлежали к, так называемому, «астраханскому гарнизону». В мае 1733 г. Военная коллегия и Сенат согласились с этим предложением и постановили перевести указанных людей в ландмилицию. Таким образом, основную часть гарнизонов Самары и Алексеевска вывели из-под юрисдикции местных воевод и подчинили руково-

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 54.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 32.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 116.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 227.

дству экспедиции. Трудности возникли при определении источников обеспечения солдат новых ландмилицких рот. Когда эти подразделения создавали, солдат наделили пахотной землей и угодьями в междуречье Самары и Сока. Но во время опроса выяснилось, что эти земли со времени отмежевания не обрабатывались из-за опасности нападений кочевников и отсутствия времени. Поэтому солдаты просили вместо земельных наделов начислить им жалованье¹⁰¹.

Свидетельством того, что создание новых воинских соединений в Заволжье вступило в завершающий этап, явился именной указ 7 мая 1733 г. По докладу Военной коллегии утвердили именование всех 4-х ландмилицких полков. Шешминский, Билярский и Сергиевский были конными, а Алексеевский – пешим. При этом особо было отмечено, что два последних полка состояли из служилых людей «прежних службе» и свои названия получили потому, что «те города по линии состоят первые»¹⁰². Последнее утверждение весьма любопытно и свидетельствует о том, что в Центре город Самара и пригород Алексеевск стали рассматривать как составную часть новой линии.

* * *

Строительство линии. Апрель – май были самыми напряженными для руководства и сотрудников экспедиции.

Фронт строительства в 1733 г. должен был растянуться от Сергиевска до р. Кичуя. Здесь в отличие от работ предшествующих лет, необходимо было перемежать участки вала и рва с засеками, что существенно ускоряло темпы строительства. К тому же наличие столь значительного количества рабочих людей и ландмилиции позволило приступить к сооружению не только редутов, но также крепостей и фельдшанцев. Как и ранее, штаб экспедиции, основные запасы продовольствия, инструментов и т.д. располагались в Сергиевске. Прибывшие для охраны полки, встали от Сока до Кичуя по старым редутам – Липовскому, Верхнему Кондурчинскому, селениям в тылу линии, которых в этих местах было уже немало.

Прием и подготовка инструментов, размещение воинских людей, хлопоты, связанные с приходом рабочей силы, определение фронта работ и инженерное руководство ими, высветили еще одну старую проблему, состоявшую в нехватке инженерных кадров. Неожиданно, весной 1733 г. стало ясно, что предстоящими полевыми работами некому руководить. Начальник инженерной службы Бибиков в 1732 г. был отправлен для съемки планов на Яик и до сих пор не вернулся¹⁰³. Следующего по званию среди инженеров экспедиции прапорщика Вельяминова-Зернова, о котором во время последней аттестации было сказано «за незнанием науки отпустить в напольные полки», следовало по присланной из Канцелярии промемории, отпустить в Брянск. Наумову, как будто, удалось его удержать, но толку было мало, так как последний, по словам тайного советника, отговаривался от дел болезнью и прилежания не имел¹⁰⁴. Неоднократные прошения в Военную коллегию о присылке инженеров, направлявшиеся Наумовым и Друмантом, казалось бы, встречали понимание у Ми-

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 143-152.

¹⁰² ПСЗ-1. Т. IX. №6388.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 209.

¹⁰⁴ А ВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 26, 28об., 309.

ниха, но инженеры из столицы задерживались. По справке из Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 20 и 26 апреля в Заволжье из Санкт-Петербурга были отправлены: прапорщик Лука Галафеев, кондуктора М. Епифанов, Д. Моложенников, А. Шаблыкин, И. Бешенцов; да 19 апреля из Москвы прапорщик Александр Трегубов¹⁰⁶. Но они застряли в пути и к началу работ прибыть не смогли.

В экспедиции остались кроме Вельяминова-Зернова лишь 2 кондуктора и 3 геодезиста. Их явно не хватало. Да и те жаловались (Иван Бровцын, Иван Алябьев, Гаврила Стрижевской, Владимир Зуров), что им не дают лошадей и рационных денег. Выяснилось, что эту, казалось бы, простую проблему, необходимо решать в Сенате, который постановил дать лошадей и приписать в офицеры ландмилиции И. Бровцына и Г. Стрижевского. Вопрос о судьбе остальных оставили без решения до присылки аттестатов¹⁰⁶. Положение в первые недели линейной работы сложилось буквально катастрофическое и в посланиях Наумова в центр, обычно спокойных и взвешенных, отчетливо звучали нотки отчаяния.

Несмотря на все предпринимаемые меры, первые рабочие пришли к линии 22 мая и соответственно строительные работы начались только 23 мая¹⁰⁷. Но и это было относительным прогрессом по сравнению с опозданием в предшествующем году, когда к строительству приступили только с 16 июня. Уже ко 2-му июня удалось собрать 10161 работных людей, из них 3124 человека составили те, кто должен был отработать еще в 1732 г. и 7037 человек «призыва» этого года (в других документах приводятся несколько иные, но весьма близкие к этим данные. Например, в общей ведомости о количестве занятых на строительстве в 1 и 2 смену численность рабочих людей достигает 10013 чел., из них 7518 чел. — «нынешнего наряда», а 2495 человек «прошлогоднего наряду»¹⁰⁸). Не обошлось и без потерь. Только в дороге умерло 20 человек, оставлено было по деревням из-за болезней 88 человек и, наконец, 60 работников бежало¹⁰⁹.

С 30 мая к крестьянам, уже занятым в линейном деле, присоединились 1421 солдат ландмилиции¹¹⁰. Таким образом, в июне — первой половине июля на строительстве линии было сосредоточено рекордное количество рабочей силы. Руководство экспедиции предполагало, что численность работающих может возрасти до 14 тысяч человек¹¹¹.

Первая смена, в основном, была занята на старом участке линии под Тарханским лесом. Однако часть работников, видимо, была направлена на исправление поврежденных оборонительных сооружений в междуречье Самары и Сока. При осмотре там обнаружили «от вешней воды» нарушения вала и рва, которые необходимо было исправить. В этой части линии из 29 верст 206 сажень (более 31 км), сделанных в предшествующем 1732 году:

¹⁰⁵ А ВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 413.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 176-177. 186, 206.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 189.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 264.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 207.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 207об.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 222об.

- «вала промыло водой и обвалило» на 37 саженях (около 79 м);
- «рва ж заплыло от воды и зровняло» 42 сажени (около 90 м);
- «рва осыпало снутри» 689 сажен (около 1470 м), «от степи» 622 сажени (около 1325 м);
- «плака верк осыпало снутри» 242 сажени (около 515 м), «от степи» 91 сажень (около 194 м)¹¹².

Но это были сравнительно небольшие по объему работы ремонтного характера, с которыми быстро справились.

К началу июля линейная работа на участке от Сергиевска до Тарханского леса «с отделкою и засекой», в основном была завершена¹¹³. Однако далеко не все способствовало нормальному ходу строительства. Мало было лошадей, чтобы возить материалы, лес и воду для поливки «плакверка». Выше уже отмечалось, что с увеличением численности работающих начала ощущаться нехватка инженерных кадров.

Еще одна проблема состояла в постоянном недостатке денежных средств. Из Казани в Сергиевск 1 июня прислали на раздачу жалованья рабочим и ландмилиции, а также на провиант, 15122,18 рублей. Кроме того, в Сергиевске из прошлогодних запасов хранилось 2452,41 руб. Таким образом, общая сумма, находившаяся в распоряжении Наумова, составляла 17 574,59 руб. (по другим данным 17673,59 руб. или 19733 руб. присланных с жителем «симбирянином» И. Дмитриевым). Этих денег могло хватить только для одной смены на 1,5 месяца¹¹⁴. В ответ на просьбы Наумова 17 июля 1733 г. последовал сенатский указ, обязавший срочно выслать в экспедицию 20000 рублей, да к ним изыскать из сборов еще 10000 руб. Кроме того, руководству Военной коллегии вменялось в обязанность срочно увеличить численность инженерного состава экспедиции¹¹⁵.

Вопреки ожиданиям Наумова и Друманта количество работных людей на линии в первую смену так и сохранилось в пределах, примерно, 10000 человек (без ландмилиции). Были проблемы и с ландмилицией. Не получая жалованья (оно еще не было прислано) люди начали бежать. Наумов невольно оправдывает их, сообщая, что когда беглых ловили, те объявляли, что бежали от голода. Поэтому он велел кормить их, хотя бы продовольствием, заготовленным для крестьян, направленным для работ. О том, что представляло собой это войско, свидетельствует то, что сами офицеры просили «их употребить в работу» и оплачивать труд, так как «никакого пропитания не имеют». Для поддержания обер-офицерского состава Наумовым были выделены из своих канцелярских денег по 5 рублей каждому обер-офицеру¹¹⁶.

Несмотря на все вышеперечисленные трудности, строительство продвигалось вперед.

Вторая смена оказалась значительно малочисленной. Первая, сравнительно небольшая партия, пришла только 8 июля. Лишь к концу июля собралось основное ко-

¹¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 208.

¹¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 209, 222об.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 189, 209об., 222-222об., 228.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 210-210об.

¹¹⁶ А ВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 314.

личество работных людей. Из «доимочных» прошлого года к концу июля явилось только 3 человека (табл. 8)¹¹⁷.

Таблица 8. Количество крестьян, пришедших к работам в июле 1733 г.

Июль, дни	Количество пришедших, сбора этого года
8	199
12	898
14	59
20	996
24	2354
28	305
29	1077
30	801
Итого:	6689

Небольшими группами крестьяне приходили к работам и в августе. В общей сложности во вторую смену собралось 7406 человек «нынешнего наряда» и 362 работника – прошлогоднего. Всего же, «невывсланными» к работе из губернии «во вторую половину нынешнего наряда» оказалось 76 человек.

В экспедиции велся строгий учет за количеством человеко-дней, которые должен был отработать каждый крестьянин, посланный к строительству. Сводные данные подобного учета по второй смене весьма любопытны и позволяют представить действенность мероприятий губернской администрации в деле мобилизации рабочей силы (табл. 9).

Таким образом, за вторую смену только за счет тех, кто опоздал на строительство из наряда этого года было потеряно 62724 человеко-дня, да из набора прошлых лет еще 17864 человеко-дней.

Что и говорить, итоговая сумма трудовых потерь чрезвычайно впечатляет.

По подсчетам сотрудников экспедиции «прошлогоднего наряда, которые в прошлых годах на работе не были, а надлежало им работать в нынешнем лете за прошлый год в указной термин полтретья месяца (2 с половиной – Э.Д.)» - 1508 человек». К этому числу следовало прибавить тех, «которые в прошлом году за поздним приходом у Наумова в том году не выработали по полумесяцу и по месяцу и по два, а надлежит им выработать за тот год те месяцы в нынешнем году, а оные не высланы ж» - 6321 человек¹¹⁸. Приведенные данные позволяют понять главную причину, по которой экспедиция не успевала вовремя достроить линию.

К началу работ второй смены вернулся из яицкой поездки Илья Бибииков с кондуктором, который его сопровождал в командировке. К тому же, видимо, еще раньше прибыли новые инженеры из центра. Проблемы с нехваткой инженерно-технических кадров на строительстве стали не столь актуальными. Если в первую смену на 1 спе-

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 264.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 77-78

циалиста приходилось более 2000 неквалифицированных рабочих, то во вторую, даже без учета вновь прибывших специалистов, менее 1500.

Таблица 9. Потери рабочего времени во вторую смену 1733 г.

№№	Число опоздавших работников	Количество дней, «недоработанных» каждым рабочим	Суммарное количество потерянных человеко-дней
Наряд 1733 г.			
1	996	3	2988
2	2354	7	16478
3	466	9	4194
4	177	10	1770
5	395	11	4345
6	1077	12	12924
7	801	13	10413
8	693	10	6930
9	9	1 месяц* 3 дня	252
10	12	2 месяца 5 дней	660
Всего	6980	-	62724
Набор прошлых лет			
11	16	13	208
12	14	1 месяц 3 дня	392
13	332	2 месяца 2 дня	17264
Всего	362	-	17864
Итого:	7342	-	80588

* При подсчетах предполагалось, что в месяце в среднем было 25 рабочих дней.

Вопрос финансирования строительства и, прежде всего, оплаты труда рабочих людей и ландмилиции продолжал оставаться весьма актуальным и в этот период.

* * *

Итоги строительного сезона. Объем строительных работ, выполненных в 1733 г., впечатляет. Бибиковым в Канцелярию главной артиллерии и фортификации было сделано два отчета. Один промежуточный, отражающий состояние дел к середине сентября, и второй – итоговый, годовой. Обратимся к последнему.

На участке от Сергиевска к р. Кичую линия была построена на 46 верстах 110 саженьях (49,5 км). В местах, где на пути проведения «линейной работы» встречались лесные массивы, вместо вала и рва были устроены засеки общей протяженностью 60 верст 250 сажень (65 км). Всего крупных лесных участков в этом районе было три: между верховьями рек Липовки и Малого Суруша, протяженностью около 8,5 км, далее, после небольшой степной полосы обширное пространство занимал Тарханский лес - около 32 км вдоль направления линии и, наконец, еще один располагался за р. Шешмой - около 21 км. Сооружение засек требовало гораздо меньше трудовых затрат и времени, поэтому работы здесь шли гораздо быстрее и веселее.

Из оставшегося недостроенным от прошлых 1731 и 1732 гг. участка вала и рва, идущего от Сергиевска на север к лесному массиву у верховьев р. Липовки, было «отделано плакверком» около 14 км.

В отличие от безлесных районов междуречья Самары и Сока, здесь для насаждений по берме очень легко можно было найти саженцы клена, липы и других деревьев. Поэтому никаких просьб о замене «живого» леса осокоревыми и ветляными кольями не поступало. Было обсажено более 3 км линии на участке от Сергиевска к Тарханскому лесу. От Тарханского леса до р. Шешмы и от Шешмы до р. Кичуя лес посадили на очень протяженном участке бермы в 28 верст 88 сажень (примерно 30 км), да еще при Кичуе более чем на 1 версту 10 сажень (более 1 км).

К концу строительного сезона полностью удалось оборудовать 2 редута:

- один располагался под Заинским колком. Он, как и все остальные, имел квадратную форму с длиной стороны около 32 м. В редуте для размещения караулов была сложена из бревен изба с сенями. На выходе устроены ворота и подъемный мост;

- второй редут размещался под Тарханским лесом к р. Черемшану. Его размеры были несколько большими, протяженность стороны укреплений составляла около 43 м.

Кроме того, были начаты работы вдоль Сока, от Сергиевска к Красному Яру. Несомненно, что инструкции, где строить этот участок и как его оборудовать, были получены из центра. Вспомним, что руководство экспедиции предлагало обойтись отдельными укрепленными пунктами — крепостями по правому, защищенному акваторией, берегу реки. По этому плану данный участок удалось бы обустроить чрезвычайно быстро и с небольшими трудовыми затратами. Но если при проектировании других частей линии, Наумову и его сотрудникам удалось отстоять свою точку зрения, то здесь победила концепция Миниха с установкой на создание непрерывной цепи укреплений по высокому левому берегу реки. Хотя, возможно, и само руководство экспедиции пришло к такому выводу. Известна просьба Бибикова, поданная еще осенью 1732 г., о разрешении перенести строительство Красноярской крепости с правого низкого берега Сока на левый¹¹⁹. «При линии за Соком», т.е. по степному берегу в направлении от Сергиевска к Красному Яру, примерно до устья р. Каменки, было «прорыто рвом в отделку и банкет» на 35 верст 315 сажень (примерно 38 км).

Дополнительные работы велись также и на давно построенном участке от Кинельского редута до Красного Яра, где было «набито кольем ветловым вместо сажения лесу» на 7 верстах 27 саженьях (около 7,5 км).

Кроме того, по всей линии в наиболее опасных от нападений кочевников местах, был поставлен палисад. Он имел общую протяженность 4 версты 415 сажень (более 5 км)¹²⁰. В рапорте Бибикова, содержащем отчет о предварительных результатах работ, сообщалось, что к середине сентября по направлениям от Сергиевска и от Кинеля к Красному Яру все «места низкие», т.е. удобные для нападений кочевников, были загорожены палисадником¹²¹.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 214об.-215.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 259-259об.; Д. 485. Л. 78-79об.

¹²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 259об.-260об.

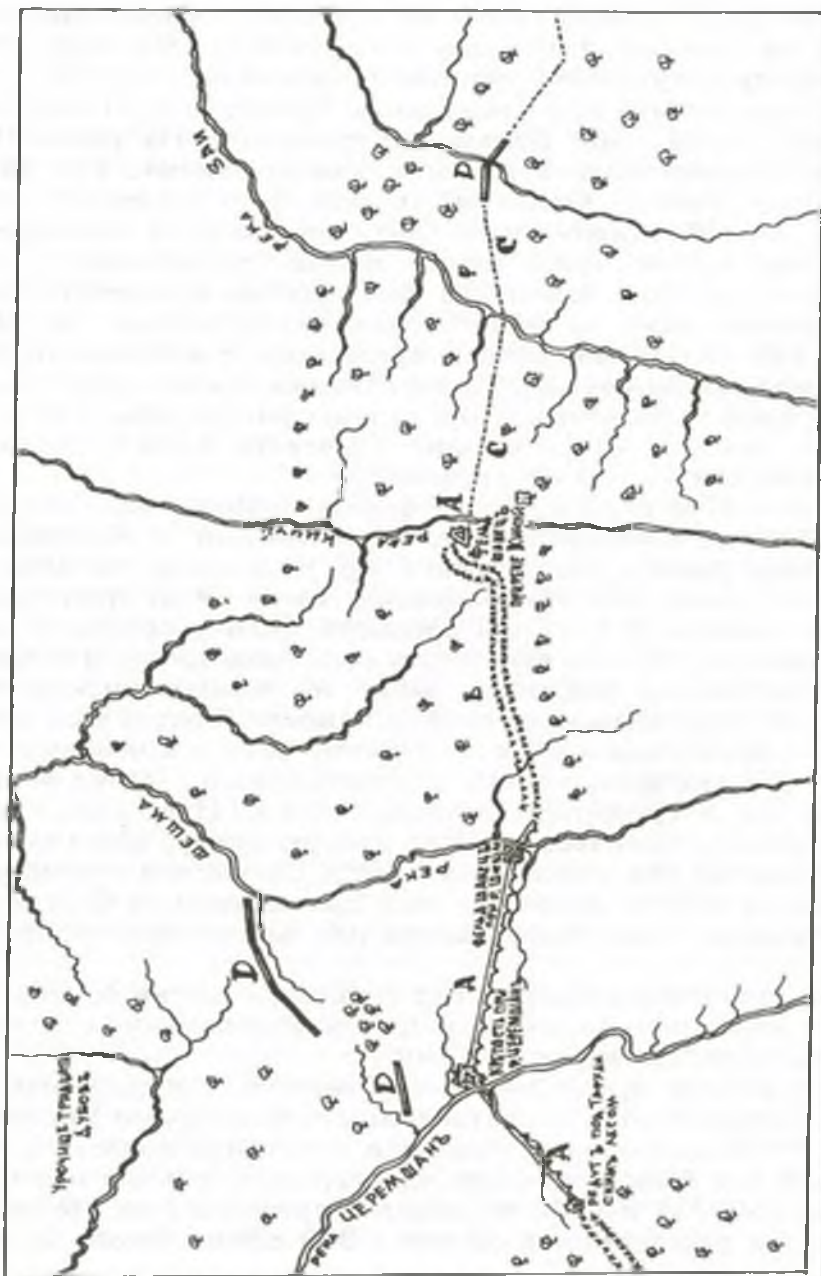

Рис. 14. Участок линии между Тарханским лесом и р. Кичуй. Строительные работы 1733 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

Строительство Красноярской крепости, которое, казалось бы, следовало вести в 1733 г., отложили на будущее. Крупными оборонительными сооружениями было решено в первую очередь оборудовать участок от Сергиевска до р. Кичуя (рис. 14). При сооружении крепостей попытались сэкономить. Единственную крепость на этом участке начали строить только при Большом Черемшане. На реках Шешме, Кичуе и Кондурче Бибиков «сделал против плана с уменьшением», т.е. предпочел строить вместо крепостей фельдшанцы. Отметим, что это было решением самого руководителя инженерной частью. В послании к Наумову он ссылался на положения указа, гласившие, что в лесных и болотистых местах можно строить вместо крепостей фельдшанцы или даже редуты. При замене на фельдшанцы соответственно должны были уменьшаться полигоны этих оборонительных сооружений до 60 – 70 сажен (примерно, 128 – 149 м). Наумов вполне согласился с мнением Бибикова. При этом тайный советник исходил из распоряжения Миниха, по которому инженеры экспедиции могли вносить свои коррективы в ход строительных работ. Об изменениях в планах работ Наумов сообщил в Сенат еще в августе 1733 г., когда к сооружению фельдшанцев и крепостей только приступили¹²².

Следовательно в 1733 г. из крупных фортификационных сооружений строились Черемшанская крепость; Кондурчинский, Шешминский и Кичуйский фельдшанцы. Наиболее масштабные работы развернулись у р. Черемшан, где объем «вынутой» при рытье рвов земли составил 13371 кубических сажен. Этот грунт использовался для возведения вала и гласиса. В будущей крепости были устроены 2 караульные избы; завезен лес для палисада. Работы предполагалось продолжить и в следующем году.

Масштаб выполненных земляных работ на Кондурчинском фельдшанце был вдвое меньше; но это укрепление, по всей видимости, находилось в большей степени готовности, чем Черемшанская крепость. К концу сезона в основном были построены Шешминский и Кичуйские фельдшанцы. На фельдшанцах кроме земляных работ был поставлен палисадник и сделаны караульные избы. Напомним, что строительство крепостей и фельдшанцев производилось во вторую смену, когда вернувшийся с Яика Бибиков, вновь возглавил всю инженерную часть Закамской экспедиции.

Таким образом, в 1733 г. линия на всем протяжении от Сергиевска до р. Кичуя, в значительной степени, была подготовлена для выполнения оборонительных функций¹²³.

В целом, за 3 года строительства, ров с валом и засеки были устроены почти на всем пространстве междуречья Самары и Кичуя. Исключение составил лишь небольшой участок от Красного Яра вверх по Соку.

Отдельные не совсем ясные места в «Реестре», проделанных в 1733 г. работ, позволяют расшифровать карты, подготовленные инженерами Бибикова в конце 1733 – начале 1734 гг.¹²⁴ Например, на ландкарте отчетливо показано, что участок в 13 верст (около 14 км), где было «отделано плакверком», это вал и ров, строившиеся от Сергиевска на север в 1731 и 1732 гг. Запись «при линии за Соком...прорыто рвом в отделку и банкет», на расстоянии в 35 верст 315 сажен (около 38 км), свидетельст-

¹²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 262-263.

¹²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 78об.-79об.

¹²⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087, 2281, 2286.

вует о том, что строительство в этом году также велось на участке между пригородом Сергиевским и Красноярской крепостью. Вал и ров здесь были сооружены по левому степному берегу Сока и тянулись от Сергиевска до, примерно, впадения в Сок р. Каменки.

Этим же летом продолжалась работа по формированию ландмилиции. К концу августа было закончено комплектование всех 4-х полков. Половину из них, как и в прошлом году, послали для работ на линию, остальные находились на обучении. Но разместить все ландмилицкие части в поселениях по новой линии было невозможно. Поэтому возникла мысль о промежуточном решении этого вопроса. В конце августа 1733 г. тайный советник предложил ландмилицкие конные полки, набранные из «пригородочных солдат» - Билярский и Шешминский, поселить на линии и прислал в Военную коллегия «Ведомость о расселении ландмилиции»¹²⁵. Видимо, это было, все-таки, преждевременное предложение. По крайней мере, о поселениях солдат, появившихся на Новой Закамской линии осенью 1733 г., сведений не сохранилось. Два других полка, сформированных из «прежних служб служилых людей», он рекомендовал ни в коем случае не распускать осенью по домам, так как их затем невозможно будет собрать. Из них можно было половину солдат конного Сергиевского полка оставить на постое на всю зиму в Самаре и Алексеевском, в связи с тем, что в этот полк входили самарские и алексеевские солдаты; а вторую половину отправить в Сызрань. Пехотный же полк лучше всего было поставить в Симбирске, т.к. в него набирали солдат из этого уезда. Военная коллегия поддержала предложения Наумова и 24 сентября 1733 г. Сенат в своем указе утвердил их¹²⁶.

Раннее начало строительных работ на следующий год во многом зависело от того, насколько оперативно к району строительства выдвинутся полки, охранявшие этот район. Наумов предпринимает энергичные усилия к более удобному для экспедиционных нужд размещению армейских полков на зимние квартиры. 18 августа он пишет в Казань, чтобы казанский драгунский гарнизонный полк был поставлен на зимние квартиры «в крайних деревнях от степи», находящиеся «в близости» Сергиевска. Интересно, какие селения он имел в виду, так как рядом все было разорено башкирскими набегами. Еще для 2-х полков, Луцкого и Вологодского, зимние квартиры должны были находиться на левом южном берегу Камы, как можно ближе к Большому Черемшану. Это требование обусловлено тем, что из-за весеннего половодья на Каме они не смогли бы своевременно появиться в районе экспедиционных работ.

К концу августа руководство экспедиции добилося символической победы над администрацией Казанской губернии. Все драгунские полки во главе с полковником Крецмором, по распоряжению Военной коллегии от 29 августа 1733 г., поступили в распоряжение Наумова и Друманта.

Наконец, 13 сентября было принято решение о расселении полков на зиму. Один армейский полк решили расселить по селам и деревням по Черемшанским форпостам, второй – на левом берегу Камы. Казанскому драгунскому полку зимние квар-

¹²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 251-251об., 332.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 251-253.

тиры для 4 рот были предоставлены в Самаре, одной роте в Алексеевске, а остальным ротам в селах и деревнях от Самары до Алексеевска и вверх по Соку (рис. 15). При этом предлагалось 1 конного драгуна размещать в 1 дворе, 3 пеших солдат также в одном¹²⁷.

Рис. 15. Город Самара. Гравюра по рис. Дж. Кэстля. 1730-е гг.

Само же руководство экспедиции предполагало на зиму разместиться в сравнительно комфортных условиях в Симбирске. В конце сентября Наумов затребовал 15 квартир в Симбирске. 19 октября с такой же просьбой для себя и своей команды обратился Бибиков. Свое прошение Бибиков мотивировал тем, что в прошлом году они уже зимовали в Симбирске, а ныне Наумову велено оставаться на зиму в Сергиевске. Но для того, чтобы чертить ландкарты нужны белые (т.е. топившиеся по белому) избы, а их в Сергиевске нет, только черные: «и помянутых лант карт и протчаго за недовольным светом в избах черных, а паче от сыплющейся сажии с потолков белых чертежей и окуратных учинить будто невозможно»¹²⁸. Можно себе представить состояние пригородов и сельских поселений в Закамье и Заволжье, если в даже таком крупном из них, как Сергиевск, не имелось белых изб.

Свою лепту в «симбирское переселение» внес и Друмант, не только сам желавший зимовать в Симбирске, но и пытавшийся расквартировать там 4-й ландмилицкий полк, что впрочем, уже прозвучало ранее в предложениях Наумова.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 285-286об.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288-288об.

Окончательную диспозицию зимовки руководства экспедиции и тех ландмилицких полков, которые не были поселены по линии, можно узнать из рапорта Военной коллегии Сенату от 21 декабря. Конный Сергиевский и пехотный Алексеевский ландмилицкие полки были поставлены на «зимние квартиры» так, как предлагал Наумов. Руководству экспедиции, как и в прошлом году, были даны «пристойные квартиры» в Симбирске¹²⁹. Таким образом, тайный советник смог добиться своего. Все вооруженные силы, как ландмилицкие, так и армейские полки были расквартированы на зиму сравнительно недалеко от района сооружения Новой Закамской линии.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 301.

Завершение строительства Новой Закамской линии и ее упразднение

Начало расселения ландмилиции

Весной 1734 г. была организована знаменитая Оренбургская экспедиция под руководством обер-секретаря Сената Ивана Кирилловича Кирилова. Вначале в 1734 – 1735 гг. деятельность двух экспедиций – Закамской и Оренбургской практически не пересекалась. Кирилов расположился со своим штабом в Уфе, далеко за пределами вновь сооружаемой Новой Закамской линии. Его первоначальные планы, как и строительство крепости на р. Ори, никак не влияли на положение дел в Заволжье, и самое главное не перечеркивали того, чем занимался тайный советник. В любом случае, вплоть до 1736 г. в бумагах Наумова и Кирилова практически нет никаких сведений об антагонизме или взаимных конфликтах.

Подготовка к новому строительному сезону. Руководство Закамской экспедиции считало, что завершить основные наиболее трудоемкие работы на линии вполне возможно уже в 1734 г. О том, что в Военной коллегии придерживались того же мнения, свидетельствует весьма любопытное поручение Бибикову. Инженер-капитану в апреле 1734 г. из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации было прислано распоряжение: “чтоб он над той линиею...имел прилежное смотрение, и всегда б оная содержана была в добром состоянии”¹. Речь уже шла не столько о строительстве, сколько о своеобразном мониторинге, постоянном отслеживании состояния Новой Закамской линии.

И действительно, оставалось достроить сравнительно небольшую по протяженности часть черты по левому «степному» берегу Сока между Красным Яром и устьем р. Каменки, укрепить отдельные участки вала и рва, обсадить их по берме лесом. Завершив эти работы, можно было считать, что непрерывная система укреплений от устья Большого Кинеля до Кичуя близка к завершению. Разумеется, без крепостей и фельдшанцев, многие из которых нужно было достраивать, а некоторые – такие как Красноярская крепость или Чернорецкий фельдшанец – начинать практически с нуля, линию нельзя было считать законченной.

О продолжении строительства далее, на северо-восток - за р. Кичуй, вопрос пока не ставился. Необходимо было завершить, а главное, заселить, наполнить гарнизонами из ландмилиции, ту часть укреплений, над возведением которых, экспедиция работала в 1731 – 1733 гг. Штаб Наумова вполне обоснованно предполагал, что с

¹ Цит. по: Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 94.

данным объемом работ удастся справиться, используя значительно меньше рабочих, чем в предшествующем году. Поэтому к 1734 г. на весь сезон запросили 10000 рабочих людей. Но к ним дополнительно планировалось присоединить тех крестьян, которые не отработали в прошлые годы. Как и в 1733 г. строительный сезон предполагалось начать 1 мая, а закончить 1 октября. Каждая смена должна была отработать по 2 с половиной месяца: до 15 июля первая, а затем до конца сентября - вторая.

18 января 1734 г. последовал приговор Сената, утвердивший предложения Наумова и обязавший власти Казанской и Нижегородской губерний известить и выслать рабочих людей уже в апреле, «чтоб поспели к 1 мая». В начале апреля Сенат вновь обратился к этому вопросу. Результатом его нового заседания явился сенатский указ о мобилизации 10000 человек в 2 смены.

Чрезвычайно интересен, составленный Бибиковым «Реестр...» на потребных в 1734 г. рабочих людей. Кроме неквалифицированных рабочих, руководитель инженерной части просил прислать и «мастеровых». Для строительства мостов, ворот, будок, караулен и т.д.; производства кузнечных, столярных, слесарных и плотничьих работ было затребовано еще 166 человек, которые должны были явиться с «надлежащим инструментом».

В их число входило:

- кузнецов – 24,
- плотников – 100,
- печников – 5,
- слесарей – 5,
- столяров – 10,
- токарей – 2,
- каменщиков для делания пороховых погребов – 15.

И, наконец, особо следует отметить запрос на 2-х минеров для «разрывания камня», которых должен был сопровождать один унтер-офицер или капрал². По всей видимости, подобные квалифицированные мастеровые привлекались для выполнения работ и в предшествующие годы, но сведений о них не сохранилось. Хотя возможно, они понадобились именно в этом сезоне, так как предстояло завершать строительство крепостей и фельдшанцев.

Как и в прошлом году, предлагалось солдат 2-х ландмилицких полков использовать только при сооружении крепостей и фельдшанцев.

В отличие от предшествующих лет, в 1734 г. рабочих людей и ландмилицию следовало рассредоточить, практически, по всей линии от реки Самары до Кичуя. Это было связано с тем, что работы предполагалось вести в одно и то же время на многих объектах. Соответственно распределялись и армейские части, направляемые для охраны стройки. Одновременное строительство сразу в нескольких удаленных друг от друга местах, сложные фортификационные работы при сооружении крепостей и фельдшанцев, стали возможными только потому, что, наконец-то, экспедиция оказалась хорошо укомплектованной инженерами. Помимо Бибикова возведением укреплений руководили прапорщики Л. Галафеев и А. Трегубов, которых во время атте-

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 75-75об.

станции Инженерного корпуса весной 1733 г. назвали «достойными» своего чина: ландмилицкий поручик И. Бровцын. Набрались определенного опыта и кондуктора, изначально состоявшие в экспедиции. По той же аттестации М. Чирикова и Г. Окулова перевели из 2-го в 1-й класс. По рекомендации Бибикова В. Верховского определили в артиллерию подпоручиком³. Несомненно, что после кризиса весны – начала лета 1733 г., уже к осени этого года у Наумова сформировалась полноценная, высококвалифицированная инженерная команда, обретшая опыт работы в сложных условиях Заволжья.

Строительство линии. Хотя и с задержкой, из 5000 человек нового наряда, запланированных к работам в первую смену, удалось собрать почти всех – 4964 человек. Но из должников прошлых лет пришло явно недостаточно – лишь 222 человека. Казанские власти не изменили своей традиции. Несмотря на то, что Сенат приговорил выслать на работу людей уже в апреле, вновь было допущено значительное опоздание. Первая партия в 20 человек явилась только 15 мая. Затем последовал перерыв в 5 дней и следующие 749 человек пришли к 20 мая. Таким образом, только с 21 мая можно было начинать линейные и крепостные работы, да и то пока в одном месте.

К концу месяца к строительству собралось 3094 работников нового сбора и 84 старого. Но и эти, казалось бы, вполне удовлетворительные показатели, портит хронология прибытия отдельных партий. Более $\frac{2}{3}$ из вновь мобилизованных – 2176 человек – явилось в последние четыре дня мая – с 27 по 31 число. Только к 22 июня завершился подход рабочих. Причем, последняя крупная партия - 1194 работника - подошла 15 июня. 17 июня прибыло 96 человек, 18 – 4, 21 – 38 и, наконец, 22 июня – 3 человека⁴.

Так уж сложилось, что во вторую смену «нетчиков» среди работных людей было значительно больше. Из мобилизованных во вторую смену явилось только 4091 человек. Первая группа работников прибыла уже 12 июля – 106 человек, затем последовал пятидневный перерыв до 17 июля, когда пришло еще 109 человек. К концу июля удалось собрать только 2406 работников. Переломными явились последние дни июля, когда 26 числа явилось 579 человек, 28 - только 9, но 29 - уже 352, 30 – 360 и 31 - 381. Мобилизованные крестьяне подходили всю первую половину августа, причем и в этом месяце все происходило крайне неравномерно. Если 2 августа прибыло 668 человек, то затем наступил резкий спад и только 11, 12 и 14 августа пришли последние крупные партии общей численностью в 1008 человек⁵.

Компенсировать эти опоздания руководство экспедиции пыталось удлинением сроков работ. Видимо, в этом году осень была теплой. Поэтому последних рабочих с линии распустили только 30 октября. Часть из них все же не доработала «в указанное число», но держать их дальше на строительстве не имело смысла.

Еще в конце декабря 1733 г. Наумов просил присылать провиант к Сергиевской и Красноярской крепостям, т.к. именно на этом участке планировались наиболее значительные работы первой смены. Из Симбирска к Красному Яру было подряжено

³ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 20—20об., 26, 29, 260, 262.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 103, 105-105об., 108-110.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 166.

«ставить» 2300 четвертей муки по цене 1,10 руб. за четверть и 200 четвертей круп по 1,6 руб. за четверть⁶.

Итоги рабочего сезона были изложены в ведомости, подготовленной Бибиковым, и приложенной к донесению Наумова от 8 декабря 1734 г. Для характеристики производственного процесса капитан использовал такой показатель как суммарное количество, говоря современным языком, **трудодней**, отработанных в течение всего сезона строительных работ. Подобная методика в отчетах Бибикова встречается лишь однажды за все годы деятельности экспедиции. Её использование позволяет более наглядно и определенно представить организацию рабочего процесса в Заволжье. Ландмилицией был отработан с 3 мая по 1 октября 101 день на посадке леса и починке линии. Общее количество трудодней составило 11102. Соответственно, в среднем каждый день на работах было занято по 110 человек. Мобилизованные крестьяне были задействованы 133 рабочих дня - с 17 мая по 30 октября. Количество отработанного времени достигло 539540 трудодней. В среднем, каждый день на строительстве работало по 4057 человек.

Кроме того, при возведении Падовского ретраншемента при р. Падовке между Самарой и Алексеевским с 3 сентября по 12 октября, на протяжении 27 дней, были заняты самарские и алексеевские отставные солдаты и казаки, отработавшие 4320 трудодней. В среднем, каждый день здесь участвовало в строительстве по 160 человек.

Всего же, общее количество трудодней в сезоне этого года, составило 554962⁷.

Общие итоги строительных работ произведенных в 1734 г. весьма красноречивы. Они свидетельствует о том, что в основных своих компонентах от Кинельского редута до Кичуйского фельдшанца, Новая Закамская линия обрела в значительной степени завершённый вид и была готова для размещения полков ландмилиции.

Основные линейные работы велись на участке от Красного Яра по левому степному берегу Сока, примерно, до устья р. Каменки. Здесь крестьяне доделали последние 27 верст 195 сажений рва и вала (более 29 км). На всем пространстве от Сергиевска до Красного Яра (работы прошлого, 1733 и нынешнего 1734 годов) были «высланы» дерном наружная и внутренняя «крепости» рва, банкет и контрэскарп на 66 верстах 288 саженьях (около 71 км). Из них на 26 верстах 436 саженьях (более 28 км) по берме был посажен лес. Завершение этой части линейных работ означало, что все пространство между реками Самара и Кичуй оказалось перекрытым либо валом и рвом, либо засеками.

Кроме того, между Сергиевском и Красным Яром было построено два редута. Первый из них, один из самых крупных (с длиной стороны около 60 м), располагался напротив Сергиевска, на противоположном левом берегу Сока. Этот редут имел 2 выхода и, соответственно, 2 подъемных моста, палисад и 1 ворота. Второй, значительно меньших размеров с длиной стороны около 30 м, построили «близ от линии редутов...при Хорошей речке». В нем также были сделаны «палисадные» ворота и подъемный мост.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 107об., 136-137.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 1, 5-5об.

Еще один участок от Заинского колка, где располагался редут, к Сергиевску подвергся дополнительному обустройству. Здесь на низких местах на 1 версту 365 сажен (более 1,8 км) был поставлен палисадник, устроены трое палисадных ворот, установлены будки, сделаны стоки; на протяженности 11 верст 264 сажен (более 12 км) посажен лес, проведены ремонтные и другие работы.

Далее к северу, от Заинского колка к Тарханскому лесу было посажено деревьев и кустарника на протяжении свыше 16 км, сделано двое палисадных ворот, подновлена внутренняя крутость вала и т.д.

В этом сезоне экспедиция очень много занималась своеобразным «лесоводством». Всего по подсчетам Бибикова, по берме в 1734 году высажено леса на протяжении более 61 км (57 верстах 118 саженях).

Но наиболее трудоемкие и сложные работы летне-осеннего сезона производились при сооружении крепостей и фельдшанцев.

При строительстве Черемшанской крепости было выкопано более 6,5 тысяч кубических сажен земли. Земляные укрепления обкладывались дерном, ставились палисадник и рогатки, были устроены магазин и караульня.

На фельдшанце у Кондурчи земляные укрепления обложили дерном, внутри укреплений рабочие построили пороховой деревянный погреб.

На Сурушском редуте была «вынута» земля, крутости обложены дерном, проделаны значительные земляные работы, устроены подъемный мост и ворота. Этот редут был практически завершен.

Наконец, на Шешминском фельдшанце интенсивно велись земляные работы и выкладка укреплений дерном, заготавливался лес для палисада, дубовые бревна на пороховой погреб.

Только в этом году началось строительство одной из самых значительных крепостей линии - Красноярской. Напомним, что осенью 1731 г. ее начали возводить на правом берегу р. Сок, при устье р. Кондурчи. Однако, правительство прислушалось к предложению, поданному в 1732 г. Бибиковым. Тот считал, что при условии прохождения вала и рва по степному левому берегу Сока, крепость следует строить также на степном берегу. Так и произошло. Старые укрепления были заброшены. Новая Красноярская крепость была заложена в 1734 г. на противоположном берегу Сока. Здесь только земли было «вынуто» более 10330 кубических сажен. Внутри крепости рабочие устроили обширный «деловой двор», состоящий из кузницы, магазина для инструментов и материалов, избы, сарая и других сооружений.

Наконец, между Самарой и Алексеевским на устье р. Падовой (Падовки) был устроен ретраншемент. Работы на нем в основном были завершены в этом же году; земляные укрепления обложены дерном, устроены ворота и подъемный мост⁸. Строительство ретраншемента, предназначенного «для отражения во время сенокосу и выпаса табунов самарских и алексеевских»⁹ нападений, означало то, что практически в состав линии было включено пространство по р. Самаре: от Кинельского редута до Волги.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 506.-8.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 197.

Отчет руководства экспедиции хорошо дополняет и иллюстрирует "Ландкарта Закамской линии", подготовленная в 1734 г. Составляли эту карту Бибилов, инженер-прапорщики Галафеев и Трегубов, а также ландмилицкий поручик Бровцын, которые весной – летом 1734 г. осмотрели все сделанное к этому времени, определили места, где необходимо по их мнению продолжить работы. Созданная ими "Ландкарта..." была отослана в столицу. Она стала одним из важнейших свидетельств для рассмотрения дел на черте в Военной коллегии и Сенате в конце 1734 – 1735 гг. Карта позволяет не только выявить очередность работ на линии в предшествующие 1731 – 1733 гг., но и дает возможность определить степень готовности и состояние Закамской линии к концу 1734 – началу 1735 годов¹⁰. На ней были указаны участки, которые обустроивались в 1734 г. К ним относились участок вала и рва от Красноярской крепости вверх по левому берегу Сока, примерно, до впадения в последний р. Каменки, т.е. до того места, где завершалась часть линии, строившаяся вниз по Соку от Сергиевска в 1733 г.

Но вместе с тем, подведение итогов строительства подтвердило вполне очевидный факт. Строительство линии не удалось завершить в этом сезоне. Перечень работ на следующий год оставался весьма внушительным.

Начало расселения ландмилиции. Значительные сложности возникли в этом году с началом расселения по линии ландмилиции. 15 октября Наумов в своем донесении в Крикс-комиссариат¹¹ изложил хорошо проработанный и аргументированный проект расселения ландмилиции «Ведомость, где имеет быть по линии при крепостях и фельдшанцах поселения...»¹². К этому же времени у руководства экспедиции сложилось вполне ясное представление о составе и типологии укрепленных пунктов, количестве людей, необходимых для обороны отдельных участков линии. Оно не только окончательно выработало и утвердило в вышестоящих инстанциях свою позицию о замене ряда крепостей – Кичуйской, Шешминской, Кондурчинской – фельдшанцами, но и приступило к их сооружению.

В новом проекте (фактически, это было уже руководство к действию) предполагалось создать поселения для ландмилиции только при крепостях и фельдшанцах. Этот план затем развивался, претерпевал значительные изменения и поэтому интересно посмотреть на его первоначальный вариант. Всего предлагалось создать 6 крупных поселений – от Шешминского на северо-западе до Алексеевского на юго-востоке. Не предусматривалось поселение рядом с фельдшанцем на р. Кичуй. Проблема поселения при фельдшанце на р. Кичуй состояла в том, что рядом с ним не имелось достаточного количества пахотной земли. Бибилов, составлявший для Военной коллегии карту и описание участка от Кондурчи до Кичуя, сообщал, что к Кичуйскому фельдшанцу со всех сторон «пришел лес» и его расчистка приведет к повреждению засеки. Поэтому, он рекомендовал, в этот укрепленный пункт присылать караулы, а поселение создать при Шешме. Селить ландмилицию на Кичуе не имело

¹⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

¹¹ Ведомство при Сенате, занимавшееся обеспечением и снабжением армии. См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 29-30.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 270-272.

смысла. Также по предложению капитана был решен вопрос о замене Кичуйской, Шешминской и Кондурчинской крепостей на фельдшанцы, что должно было привести к значительной экономии средств¹³.

Основные положения «Ведомости...» лучше всего представить в несколько формализованном табличном варианте (табл. 10).

Таблица 10. Распределение ландмилиции по укрепленным пунктам Новой Закамской линии по проекту 1734 г.

№	Наименование поселений	Контролируемая их гарнизонами территория	Количество рот	Численность			
				Унтер-офицеры, капралы	Писари, барабанщики	Рядовые	Всего
1	Шешминское	Караулы и разъезды от р. Кичуя до р. Черемшана	5 конных, 1 пехотная	44	18	604	666
2	Черемшанское	Разъезды между крепостями Кондурчинской и Шешминской	4 конных, 1 пехотная	37	15	512	564
3	Кондурчинское под Тарханским лесом	Разъезды до Сергиевска и до Черемшанской крепости, караулы в редутах	4 конных, 1 пехотная	37	15	512	564
4	Сергиевское	Разъезды от Безымянной (Чернорецкой) крепости до Кондурчинской, караулы в редутах	4 конных, 2 пехотные	46	18	656	720
5	Безымянное (Чернорецкое)	Разъезды от Красноярской крепости до Сергиевска	4 конных, 1 пехотная	37	15	512	564
6	Красноярское	Разъезды от Алексеевской до Безымянной (Чернорецкой) крепости, караулы в редутах	5 конных, 1 пехотная	44	18	604	666
7	Алексеевское	Разъезды от Красного Яра до Самары, «где будут съезжатца с самарскими служилыми людьми», караулы в редутах	4 конных, 1 пехотная	37	15	512	564
	Итого	—	30 конных, 8 пехотных	282	114	3912	4308

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 235, 332-332об.

Гарнизоны, размещенные в поселениях при соседствующих крепостях, должны были дублировать и замещать друг друга на пограничных меж ними территориях. Создавалась как бы двойная система безопасности.

Особая роль на линии отводилась пригороду Сергиевску. Видимо, было учтено, что на протяжении всей деятельности экспедиции, именно, Сергиевск являлся ее основным административно-военным и хозяйственно-производственным центром. В нем должен был разместиться наиболее значительный гарнизон. Однако, несмотря на это, Сергиевск в 1731 – 1736 гг. оставался пригородом. Его административный статус не изменился.

Учитывая членов семей, командный состав, священников и другие сопутствующие группы населения, можно считать, что на линии предполагалось поселить не менее 20000 - 30000 человек.

Того же, 15 октября 1734 г. из канцелярии Закамской экспедиции была дана подробная инструкция А. Киндякову и геодезистам, находившимся в его команде. В ней указывалось: “При новопостроенных при Закамской линии крепостях, фельдшанцах и редутах...ландмилице на определенное число людей, где сколько поселено будет, как под дворы и огороды и под гумна, так и под пашню земли и сенных покосов и лесных угодий ... отвесьть земли на каждого человека, которой служить будет и на его братьев, детей и племянников, годных в службу... да еще ж на помощников, которой с каждым ландмилицом служить будет”. Руководством экспедиции решено также создать фонд запасных земельных угодий “...для того, когда у которого ландмилица и у помощника брата и дети и племянники подрастут и в службу явятца годные, хотя будут и за комплектом, таким было б ис чего земли давать...”. Кроме того, земля отводилась под храмы, полковые канцелярии, дворы офицеров и церковнослужителей¹⁴.

Практика использования, в первый год существования поселения, на сельскохозяйственных работах «помощников», вместо ландмилиции (или вместе с ландмилицией) была общепринятой. Так, например, поступили и при заселении Украинской линии¹⁵. Помощников “на Закамскую линию к ландмилицам брали ж для распашки земли, к каждому по человеку с лошадьми, с косами, с сохами, и с топорами, и со всякими припасы”. Таким образом, численность этой категории временного населения могла быть весьма значительной. В поселках, предназначенных для расселения ландмилиции, для вышеуказанных работников “на корм собиралось ... подмоги, и каждый ... помощник становился по 7 руб. и больше”¹⁶.

Рассматривая планы расселения ландмилиции, в Военной коллегии отчетливо представляли всю сложность этого предприятия. Было предусмотрено, что солдаты, помещенные на линии и получившие землю, не смогут сразу даже с прикрепленными к ним «помощниками» прокормить себя «за скудостью». На первых порах их предполагалось снабжать продовольствием¹⁷.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2358. Л. 2–4; Сборник РИО. Т. 104. С. 419.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 116.

¹⁶ Сборник РИО. Т. 130. С. 176, 188.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 332.

Создание ландмилиции в Заволжье, перевод ее на новую линию были сопряжены с массой сложностей, несли лишения и разорение, как для рядового, так и офицерского состава. О бедственном положении солдат ландмилицких полков уже говорилось ранее. Известны случаи, когда солдаты и офицеры выказывали открытое неповиновение руководству экспедиции. Так, например, произошло в 1734 г., когда служилым людям самарского гарнизона, включенным в состав Сергиевского ландмилицкого полка, было объявлено о переводе их в укрепления Новой Закамской линии. Солдаты и младшие офицеры подали челобитную местным властям с просьбой оставить их в Самаре. Поползли слухи, что в город привезен указ из Санкт-Петербурга с решением никуда не переводить ландмилицию. Поэтому, когда внезапно руководство экспедиции объявило о том, что одна из рот полка должна отправиться к редуту Красному (за пригородом Алексеевским) для рубки леса и постройки жилищ, 66 солдат во главе с Тимофеем Трескиным отказались выполнить приказ «и учинили в том противность и ослушание, а по следствию видно, что во оном во всем пушей завотчик оной Трескин»¹⁸. Характерно, что солдат поддержал и один из старших офицеров майор Бахметьев, у которого собирались бунтовщики. Он утверждал, что требование ландмилиции удовлетворено и ссылался при этом на бригадира Друманта. Массовые волнения среди солдат, не желавших покидать обжитые места, удалось прекратить с большим трудом. Выступление было жестоко подавлено, часть арестованных отправили на какому-то торгу, других прогнали сквозь строй, а Трескина в апреле 1736 г. повесили.

В том же 1734 г. в Сергиевске около 150 солдат Билярского полка, возбужденных слухами о том, что вышел указ об упразднении ландмилиции, решили отказаться от военной службы. Для того, чтобы выяснить так ли это, в Петербург был послан рядовой Плеханов¹⁹.

Казалось бы, и в 1734 г. работа экспедиции шла по обычной, хорошо накатанной колее. Наумов, Бибииков, Друмант и другие ее руководители составляли хорошо слаженный коллектив, где, несомненно, главная роль принадлежала Федору Наумову, который был лидером не только по должности. Но напряженный каждодневный труд, непривычные природные условия подорвали здоровье этого человека. Наумов начал болеть уже в 1733 г. В сентябре 1734 г. в донесении в военную коллегию он просил после завершения осенних работ уволить его для лечения болезни в Москву «понеже другой год тяжкую имеет болезнь головную и в ногах...и что б ему от той болезни вовсе не погибнуть». Командование экспедицией, на время своего лечения, Наумов предложил передать Друманту. Это прошение было передано в Сенат, который постановил отпустить Наумова в Москву для лечения с условием возвращения в экспедицию не позднее марта следующего года²⁰. Таким образом, цикл подготовительных работ к новому сезону 1735 г. прошел без Наумова.

¹⁸ Цит по: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 244.

¹⁹ Автор раздела В.Ю. Гессен пишет, что полк в 1735 г. перевели на Самарскую линию, но, видимо, это ошибка. Самарскую линию начали строить только в 1736 г. Речь, скорее всего, идет о Новой Закамской линии. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С. 244.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 321-323.

Окончательное обустройство нового рубежа

К началу 1735 году в Заволжье и, в частности, в Закамской экспедиции сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Федор Наумов и его окружение осознавали, что в этом году необходимо завершить все работы в междуречье Самары и Кичуя, заселить ландмилицией слободы при крепостях, фельдшанцах и других укрепленных пунктах. Кроме того, следовало решить, что же делать с остальной частью линии от Кичуя до Мензелинска, концепция создания которой в самых общих чертах была изложена в ходе разработки проекта. Начинать ее строительство было совершенно невозможно, так как в Башкирии вспыхнуло очередное восстание. Для его подавления организовали Башкирскую комиссию, руководителем которой (а затем и казанским губернатором) назначили генерал-лейтенанта А.И. Румянцев. Он, как и Кирилов, считал дальнейшее возведение Новой Закамской линии ненужным. Продолжение строительства от реки Кичуя к Ику, по их мнению, могло привести к дальнейшему обострению ситуации в крае. Думается, что это была попытка переложить вину с больной головы на здоровую. Опытному администратору Наумову как раз удавалось найти общий язык с башкирами. А вот действия Кирилова, Тевкелева и других руководителей Оренбургской экспедиции в Башкирии, их репрессивные действия против восставшего народа и провоцировали дальнейшее ожесточение восстания²¹. Характерно, что собравшийся весной 1735 г. совет башкирских выборных, на котором было объявлено о начале восстания, мотивировал свое решение действиями именно Кирилова. Башкиры выступили не против всех русских в крае, а против экспедиции под руководством Кирилова, которая нарушала их вольности²². Характерно, что в зоне действия Закамской экспедиции столкновения с восставшими были эпизодическими и не приняли столь ожесточенного характера. Разумеется, Наумов, его сотрудники и часть военных сил находившихся в его ведении были вовлечены в действия, направленных на подавление башкирского восстания. В донесениях казанского губернатора П.И. Мусина-Пушкина среди лиц, с которыми он постоянно сотрудничал в этом направлении летом 1735 г. постоянно упоминаются фамилии Наумова, Кирилова, Тащищева, Друманта²³.

Башкирское восстание затронуло только северо-восточный фланг Новой Закамской линии, местности за Черемшанской крепостью. И все же обстановка по всей территории, подведомственной экспедиции была крайне напряженной. Например, по сообщению Ф.В. Наумова от 22 июля говорилось: «...неприятели башкирцы явились внутрь линии, и по определению де Казанской губернии велено публиковать, дабы уездные обыватели от тех набегов имели крепкую предосторожность, и ежели будут набеги, то б сабирались в безопасные места с ружьем, у кого какое имеется, и всячески отпор чинили и тех воров ловили и приводили». Еще в одном донесении Наумов пишет о «великом разорении», которому подверглось население Казанского уезда,

²¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 56-60, 63-65 и др.; Акманов А.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг. Уфа, 1977. С. 31-33, 82.

²² Акманов А.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг. С. 31-32.

²³ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа, 2002. С. 33-35, 56-58, 59-51 и др.

жившее за р. Камой²⁴. 30 июля 1735 г. было получено донесение «...что появились де неприятельские люди за Кичуем внутрь линии от фельдшанца в версте,...которых, по-видимому, было человек с 50». Посланные солдаты и казаки вступили с ними в бой и вынудили отступить²⁵. 17 августа отряд повстанцев численностью до 200 человек подступил к Кичуйскому фельдшанцу. Бой длился около 3 часов. Имеются упоминания и о других столкновениях, разоренных деревнях и т.д.²⁶ Из новопостроенных укреплений особенно опасная ситуация сложилась под Шешминским фельдшанцем, «где неприятельские люди паче других мест являютца». Поэтому, в конце августа 1735 г. туда были отправлены дополнительные воинские подразделения «подполковник Есипов с обер и унтер-офицерами и салдаты 77 человеки, да из лантмилицких полков унтер-офицеров и рядовых 439, да из самарских дворян и казаков с ротмистром и сотником 69 человек, да волской атаман Черной з дворяны и казаками»²⁷. Кроме того, Наумову было предписано 500 самарских, сергиевских, алексеевских казаков и дворян отправить к Мензелинску для подавления восстания²⁸. Эти и другие чрезвычайные действия постоянно держали руководство экспедиции в напряжении и отнюдь не способствовали успешному завершению строительных работ.

В это время Наумов тяжело болеет. И хотя он вернулся в Заволжье весной 1735 г., состояние здоровья тайного советника внушало серьезные опасения. Второй человек в экспедиции, полковник Друмант, которому Наумов должен был передать все бразды правления над новой линией и ее гарнизоном после завершения ее строительства, оказался под следствием и к осени был отправлен в Санкт-Петербург. Таким образом, руководство экспедиции было сильно ослаблено, а перспективы ее дальнейшего существования виделись весьма туманными. И все же именно 1735 г. стал решающим для завершения строительных работ и расселения ландмилиции на всем протяжении линии от реки Самары до Кичуя.

* * *

Подготовка к новому сезону. Документы, составленные в экспедиции к осени 1734 г., донесения о произведенной работе, «Ланткарта...» и другие материалы содержали не только отчет за строительный сезон этого года, но, что самое главное, предлагали комплекс мероприятий для окончательного завершения Новой Закамской линии. Именно на основании этих сведений в Канцелярии главной артиллерии и фортификации и в Военной коллегии были выработаны критерии окончательного состояния линии и соответствующие требования к непосредственным производителям работ.

Рассмотрим более подробно эти материалы. В отличие от предшествующих лет проект работ, подготовленный инженерами экспедиции во главе с Бибиковым, на следующий 1735 год предусматривал в крепостях и фельдшанцах крупномасштабное строительство сооружений из дерева. Предстояло вновь сделать 12 подъемных мос-

²⁴ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. С. 50

²⁵ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. С. 47.

²⁶ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. С. 60-61.

²⁷ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. С.59.

²⁸ Материалы по истории Башкортостана. Том VI. С. 57.

тов, 77²⁹ будок, 6 ворот; в крепостях, фельдшанцах и по линии палисадных ворот - 14, пороховых погребов деревянных - 6, цейхаузов и магазинов - 7, караульных изб и казарм - 30.

Все действия по отдельным оборонительным сооружениям и необходимые для этого материалы были подробно расписаны. Руководство экспедиции сделало все, чтобы полностью завершить их строительство и подготовить к выполнению оборонительных функций. Наиболее значительный объем работ предстояло произвести в крепости при Красном Яре, где следовало доделать бруствер длиной более 1200 м (564 сажени), обложить дерном банкет, протяженностью около 1163 м (546 сажени), завершить более мелкие земляные работы, поставить палисад и т.д.

Практически полностью предстояло произвести комплекс работ в фельдшанце на Черной речке. Ранее вопрос о начале его строительства не ставился, но создать между Красноярской крепостью и Сергиевском мощный оборонительный пункт было необходимо.

Далеко не завершена была еще Черемшанская крепость, в которой требовалось осуществить значительный объем земляных работ и строительство деревянных сооружений

Ремонтные и строительные работы следовало произвести в Алексеевске и Сергиевске. В этих пригородах были заготовлены бревна и брус на устройство палисада и другие работы.

По расчетам Бибикова, для завершения всех работ по линии, за исключением перестройки старых крепостей в Сергиевске и Алексеевском, необходимо использовать в течение 122 дней (среднее количество рабочих дней без выходных и праздников с 1 мая по 1 октября) 5578 (по другим данным 5575³⁰) рабочих людей. В это количество должны были войти по 5000 человек нового сбора в каждую смену, да 578 не пришедших в прошлом году. К этой неквалифицированной рабочей силе потребны были вдобавок специалисты мастеровые – всего 144 человека со своим инструментом, из них:

- плотников – 100,
- печников – 5,
- слесарей – 5,
- столяров – 10,
- токарей 2.

Для перевозки грузов требовалось 470 лошадей.

При соблюдении этих условий всю линию от Кинельского редута до Кичуйского фельдшанца можно было закончить к концу 1735 г.³¹ Если же руководство Военной коллегии сочтет необходимым в 1735 г. перестроить укрепления в Сергиевске и Алексеевске, то количество рабочих людей следовало увеличить еще на 3000 человек³².

²⁹ Возможно, 11, т.к. документ плохо читается.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 106.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 8-10об.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 106.

Доклад Бибикова хорошо иллюстрирует и дополняет ранее уже упоминавшаяся «Ланткарта Закамской линии» 1734 г.³³ В примечаниях к ней составители предполагали завершить в 1735 г. создание от Красного Яра до Сергиевска системы долговременных укреплений, а именно, Красноярскую крепость и поселение при ней, фельдшанец на р. Черной и при нем также поселение, «редут малой» при реке Орлянке (здесь, кстати, также был небольшой недостроенный участок вала и рва), и наконец, редут в месте, где вал и ров поворачивали и переходили на правый берег Сока к пригороду Сергиевску. Таким образом, строители должны были полностью обустроить участок по р. Соку между Красноярской крепостью и пригородом Сергиевском.

Решающим для окончательного обустройства Новой Закамской линии явился сенатский указ от 20 декабря 1734 г. Текст этого указа повторял основные положения «мнения» Военной коллегии, которое в свою очередь, основывалось на предложениях руководства экспедиции и вышеуказанной «Ланткарты...» 1734 г.

Указ Сената является логическим завершением серии именных и сенатских указов 1731 – 1732 гг. Его текст содержит окончательно сформулированные требования к облику оборонительной черты. Многие положения указа уже были реализованы в результате строительных работ предшествующего 1734 года. В сезоне нового 1735 года надлежало окончательно оформить, привести в единое целое всю систему оборонительных сооружений.

Указ содержал ряд основных требований к состоянию линии. Следовало:

– не создавать таких крупных поселений, как предлагалось в проекте Наумова, а рассредоточить воинские части не только по крепостям и фельдшанцам, но и при редутах. При крепостях предлагалось создавать поселения, вмещающие от 200 до 300 служилых людей, фельдшанцах и редутах – от 100 до 200. Окончательное решение о размерах поселения, числе его жителей, оставлялось на усмотрение самой экспедиции «в зависимости от места»,

– слободы для ландмилиции строить внутри линии, рядом с водой, на удобном месте, где имелись пахотные и другие сельскохозяйственные и лесные угодья. Поселения рекомендовалось устраивать в 20 – 30 саженях от линии и укрепленных пунктов и огораживать либо острогом, либо рвами, либо палисадом,

– сделать вдоль всей линии «коммуникации и мосты, чтобы полки могли проходить вдоль линии и шириной, чтоб коммуникация от банкета меньше 6 сажен не была»,

– в крепостях, фельдшанцах и редутах поставить караульные избы и будки и содержать «надлежащий караул». По всей линии и рядом с укрепленными пунктами «предбудущей осенью» посадить терновник или другой лес,

– перекрыть редутами все те участки, где между укрепленными пунктами имелось слишком большое расстояние – от 20 до 30 верст, а именно в Тарханском лесу, при р. Хорошей и р. Суруш. Два последних редута, фактически, были построены уже в 1734 г.,

³³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

– по всей линии и укрепленным пунктам, «где надлежит заставить рогатками и «шлихбомы (? – Э.Д.)» и палисадом».

– «для течения воды сделать регулярные ровки и спуски»,

– при отсутствии рядом воды выкопать колодцы, сделать у рек плотины,

– для занятых службой солдат в поселки необходимо было перевести «работников, чтоб могли землю ранее пахать»³⁴.

По указу Сената от 10 февраля 1735 г. на работы по линии было определено 5720 человек на две смены, да 144 мастеровых. Первая смена должна была работать с 1 мая по 15 июля, вторая – с 15 июля по октябрь³⁵. Таким образом, работы в Сергиевске и Алексеевске были отложены на следующий год.

Нормальному началу нового сезона существенно помешали неурядицы среди руководства экспедиции. В связи с болезнью Наумова подготовкой к полевым работам руководил Друмант. Все донесения в Военную коллегию поступали от его имени. Однако в конце апреля Друмант просит «для неотложных нужд» отпустить его в Санкт-Петербург. Чем обусловлена эта просьба, неизвестно. Однако в Сенате решили предоставить отпуск бригадиру только осенью, после того, как будут завершены строительные работы и размещены ландмилицкие полки «на квартиры»³⁶. Только в конце весны в Закамье вернулся Ф.В. Наумов и лишь 28 мая от него в Сенат поступило первое донесение³⁷. Создается впечатление, что руководство экспедиции лихорадило на протяжении всего 1735 г. В центре конфликта оказался Друмант. Наумов и офицеры ландмилицких полков вынуждены были сообщить об его проступках в центр. 4 августа последовал сенатский указ, по которому бригадира, поручика Пушкина и писаря И. Аристова было велено прислать в Санкт-Петербург «за крепким караулом». 10 августа этот указ был исполнен. На место Друманта по распоряжению Военной коллегии в экспедицию был назначен полковник И. Бардекевич³⁸.

Строительство линии. Как и в предшествующем году, мобилизованные крестьяне собирались на строительство крайне медленно. Первая партия в 359 человек явилась только 10 мая. В течение последующих 10 дней рабочие приходили небольшими партиями и к 21 июня к работам прибыло только 1088 человек «нового наряда» и 24 – старого³⁹.

В полной степени использовать для линейных работ и для охраны района строительства ландмилицкие полки не удалось. Ландмилиция размещенная на линии в 1735 г. должна была находиться в состоянии постоянной военной готовности. В Закамье ширилось восстание башкирского населения. Для его подавления А.И. Румянцев имел полномочия использовать все ландмилицкие полки, из которых до 1000 человек участвовало в «походе» против бунтовщиков⁴⁰. Вполне очевидно, что заниматься строительными работами в таких условиях было чрезвычайно сложно. Необходимо

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 332-334.

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 180б.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 143, 146.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 168.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 382, 487.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 227.

⁴⁰ Сборник РИО. Т. 114. С. 211.

отметить, что нападения башкир почти не затронули район сооружения Новой Закамской линии и несомненная заслуга в этом принадлежит, конечно, самому Наумову и другим руководителям экспедиции.

Несмотря на трудности этого года, практически все задачи, поставленные в сенатском указе перед экспедицией, удалось в значительной степени выполнить. К концу строительного сезона руководство экспедиции представило описание всей системы оборонительных сооружений между реками Самарой и Кичуем с краткой характеристикой работ, произведенных в 1731 – 1735 г. Этому описанию будет посвящен отдельный раздел в данной работе. Отметим лишь, что оно свидетельствует о том, что линия была практически построена.

Результаты работ были представлены также на «Ланткарте Закамской линии», составленной по итогам деятельности экспедиции в 1735 г. Чириковым и подписанной Ильей Бибиковым. Эта карта позволяет представить общий вид уже завершенной новой оборонительной черты, сложившейся к концу строительного сезона. Поэтому рассмотрим ее более подробно.

Основные работы в этом году производились в нескольких пунктах, и, прежде всего, при Черной речке на левом берегу Сока, где строили новый фельдшанец.

Был также завершён участок линии при р. Орлянке, где между двумя редутами были сделаны и обложены дерном ров и вал, протяженностью в 2 версты. Еще один редут построили в Тарханском лесу на р. Тарханке⁴¹. Но это были уже сравнительно небольшие по объему работы завершающего характера. К концу 1735 г. линия между пригородом Алексеевским и р. Кичуй, практически, была готова⁴². Видно, завершились работы и на Падовском (его иногда называли Кинельским) ретраншементе.

На участке линии от пригорода Алексеевска до Красноярской крепости все сохранилось, как и было ранее. А вот от самой Красноярской крепости вал шел не только вверх по Соку в сторону Сергиевска, но двумя отростками к берегу реки полностью прикрывал устроенное в глубине поселение. Несмотря на то, что строительные работы на этом участке линии давно были завершены, Старокондурчинский редут, служивший ранее для размещения войск, охранявших рабочих, был сохранен. То же самое можно сказать и о других редутах в глубине линии, возникших еще до ее строительства – Верхнем Кондурчинском, Липовском, Старом Раковском и Ольшанском. Не показан на карте лишь редут у Каменного брода.

На полностью готовом участке линии от Красноярской крепости до пригорода Сергиевска располагались: редут при р. Хорошей, фельдшанец при Черной речке, два редута при р. Ольшанке и редут на правом берегу Сока, неподалеку от Сергиевска. Рядом с укреплениями при р. Орлянке, Черной и Хорошей были устроены поселения. Необходимо, отметить, что важнейшие центры этой части линии – пригороды Алексеевский и Сергиевский, Красноярская крепость - были действительно хорошо защищены и представляли собой совокупность крепостных сооружений, редутов и т.д.

Участок от Сергиевска до р. Кичуй представлял собой совокупность валов и рвов, засек и укрепленных пунктов. Важнейшим опорным пунктом здесь являлась крепость

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 197об.

⁴² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2283.

при р. Черемшане – Черемшанская, при которой также было устроено поселение. Следующим от Сергиевска по валу и рву были редут и поселение близь Заинского колка, затем между р. Липовской и Сургутом шла засека, завершающаяся редутом и поселением на р. Суруш, далее при р. Кондурче фельдшанец и поселение. Тарханский лес прорезала засека, заканчивающаяся редутом “под Тарханским лесом” и поселением, наконец, линия подходила к Черемшанской крепости. Характерно, что в глубине леса, под засекой были устроены редут и поселение. Линию от Вольшого Черемшана к Шешме завершали фельдшанец и поселение. Далее от Шешминского фельдшанца почти до Кичуя шла засека и последними пунктами этой непрерывной линии были Кичуйский фельдшанец и поселение. Все остальное пространство до р. Ик являлось местом расселения башкир, там в какой-то степени можно было опираться на вал и ров старой линии, а также на существовавшие издавна пригороды. Пожелание о том, что строительство необходимо продолжить и на этом участке, прозвучало только в пункте описания, где говорилось о возможности сооружения редута к р. Ику.

Таковой выглядела Новая Закамская линия на «Ландкарте...» 1735 г., отражавшей не что иное, как уже завершенную и готовую к выполнению своих функций оборонительную систему.

Расселение ландмилиции. Именно, 1735 год стал временем подлинного помещения ландмилиции по Новой Закамской линии. Сохранилось описание построенной линии и расселения на ней войск, подготовленное в конце 1735 г.⁴³, а также ряд документов, из различных ведомств⁴⁴, по которым можно составить представление о реально сложившемся ландмилицком населении линии, наделении его землей, обустройстве самих поселений и других факторах.

Следует отметить, что поселение определенного количества рот ландмилиции при отдельных крепостях и фельдшанцах означало не что иное, как распределение этих сил по всей совокупности «прикрепленных» к данной крепости редутов. При них также создавались небольшие поселения. Подобное разъяснение поступило в экспедицию из Военной коллегии и Сената. Из документов, датируемых серединой лета 1735 г., и посланных уже от Наумова и Друманта в центр, очевидно, что для них это обстоятельство явилось руководством к действию. Приведем несколько примеров такого перераспределения.

Например, одну конную роту, из «прикрепленных» к пригороду Алексеевску, должны были разместить в слободе при редуте Красном. Специально отмечалось, что при том редуте воды мало, но в 150 саженьях имелся ключ, который следовало расчистить и сделать там плотину.

Одну конную роту из Красноярских воинских соединений поставили на р. Хорошей, недалеко от Хорошенского редута.

Из Чернорецкого фельдшанца 1 конную роту поставили при двух Орлянских редутах, мотивируя тем, что эти редуты расположены поблизости друг от друга.

В Сергиевск, где первоначально планировалось поставить 4 конные и 2 пешие роты, решили добавить вместо пехоты 1 роту конницы. Из этого состава 1 конную

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157-159

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 187-197.

роту перевели к редуту при Заинском колке, а вторую к Сурушскому редуту. Проблемы с водой решили следующим образом. При Заинском колке на ключах должны были сделать плотину, а при Сурушском редуте следовало выкопать колодцы, «которые и ныне там есть».

Из Кондурчинского фельдшанца 1 конную роту поселили при редуте в Тарханском лесу. Для обеспечения водой, здесь, на реке нужно было сделать плотину.

В Черемшанской крепости из военных сил, приписанных к ней, одну конную роту перевели к редуту под Тарханским лесом.

И, наконец, серьезные изменения коснулись гарнизона Шешминского фельдшанца. Здесь оставили 3 конных и 1 пешую роты, а вот 1 конную и 1 пешую (ранее в Шешминском предполагалось иметь 5 конных и 1 пехотную роты) решили все-таки поселить при Кичуйском фельдшанце. Здесь, вопреки, прежним заявлениям руководства экспедиции, все-таки, хотели разместить весьма значительный по численности гарнизон, но нехватка пахотной земли помешала этим планам.

Все прочие редуты, как и Падовский ретранжемент, предполагалось защищать с помощью караулов, посылаемых из ближайших городов, пригородов, крепостей и фельдшанцев⁴⁵.

Наиболее полное описание расселения ландмилиции по Новой Закамской линии было составлено А. Киндяковым в 1734 – 1736 годах. Он и его сотрудники в течение этих лет произвели размежевание земель и подготовили «мерные и межевые» книги, дающие представление о составе населения оборонительной линии и его обеспеченности земельными угодьями⁴⁶.

Всего по линии было устроено 14 постоянных поселений, которые обязательно должны были находиться рядом с долговременными оборонительными сооружениями – крепостями, фельдшанцами и редутами.

В этих поселениях были размещены солдаты 4-х ландмилицких полков – одного пехотного Алексеевского и 3-х конных - Сергиевского, Билярского и Шешминского. Наиболее многочисленные гарнизоны стояли при 4-х крепостях и 4-х фельдшанцах.

В крепостях:

Алексеевской - 4 роты Сергиевского конного (408 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.),

Красноярской – 4 роты Сергиевского конного(408 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.),

Сергиевской – 3 роты Билярского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков(156 чел.),

Черемшанской – 3 роты Шешминского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.).

В фельдшанцах:

Чернорецком – 1 рота Сергиевского (102 чел.), 2 роты Билярского конных (204 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.),

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 196-197об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538.

Кондурчинском – 1 рота Шешминского (102 чел.), 2 роты Билярского конных (204 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

Шешминском – 3 роты Шешминского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

Кичуйском - 1 рота Шешминского конного (102 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.).

Рота конного ландмилицкого полка состояла из 102 военнослужащих, пехотного из 156. В это число входили унтер-офицеры, капралы, ротные писари, барабанщики и рядовые.

Таким образом, по линии было размещено 26 рот конных полков, численностью 2652 человек и 10 рот пехотного полка, состоявшего из 1560 военнослужащих, всего – 4212 чел.

Кроме того, необходимо учесть еще офицеров и священнослужителей.

Крепости и фельдшанцы являлись близкими в инженерном отношении сооружениями и поэтому, гарнизоны, поселенные при них, существенно не отличались по числу солдат. Несколько выделялись только новая Красноярская и давно построенная Алексеевская крепости, в каждой из которых находилось по 5 рот и Кичуйский фельдшанец, гарнизон которого состоял всего из 2-х рот.

К 6-ти редутам, размещенным по линии, были приписаны 6 рот конных ландмилицких полков:

Хорошему – 1 рота конного Сергиевского полка (102 чел.),

Орлянскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.),

Заинскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.),

Сурушскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.),

Тарханскому («что в Тарханском лесу») – 1 рота конного Шешминского полка (102 чел.),

Тарханскому («что под Тарханским лесом») – 1 рота конного Шешминского полка (102 чел.)⁴⁷.

Таким образом, по Новой Закамской линии при важнейших оборонительных сооружениях к 1736 г. возникло 14 населенных пунктов, заселенных ландмилицией.

Однако, далеко не при всех редутах были основаны военные поселения. Не имели таковых редуты Кннельский, Красный, один из Орлянских, а также безымянный редут за р. Соком близ Сергиевска. Без поселения остался и Падовский ретранжемент⁴⁸. В эти укрепления посылались попеременно отряды ландмилиции из близлежащих поселков при Алексеевской и Сергиевской крепостях и одном из Орлянских редутов. Кроме того, Падовский ретранжемент должны были защищать разъезды из Самары, гарнизон которой, несомненно, играл важнейшую роль в обеспечении юго-западного фланга Новой Закамской линии и Алексеевска.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538. Л. 240об.-245.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

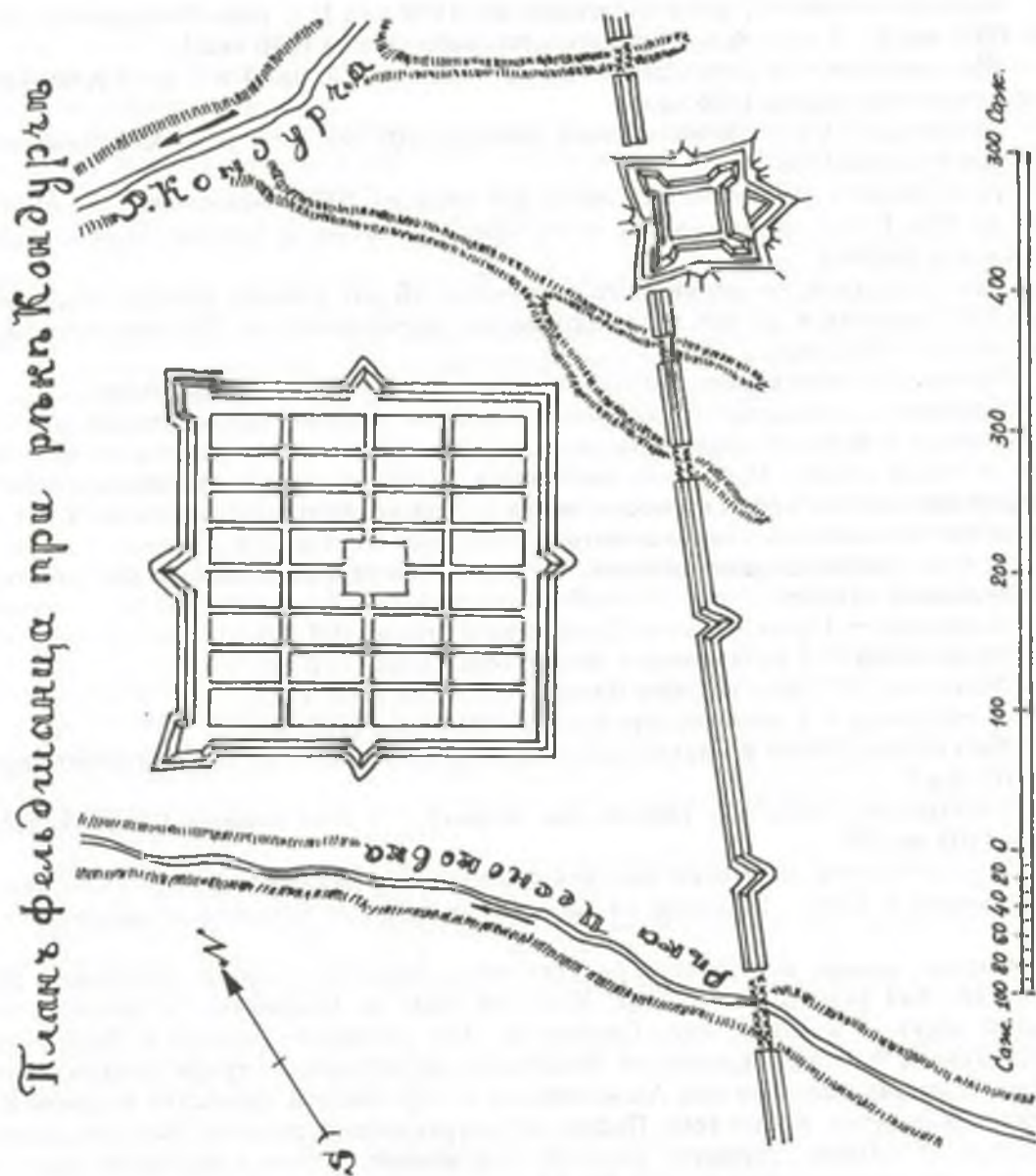

Рис. 16. Кондурчинский фельдшанец и поселение ландмилиции. Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8.

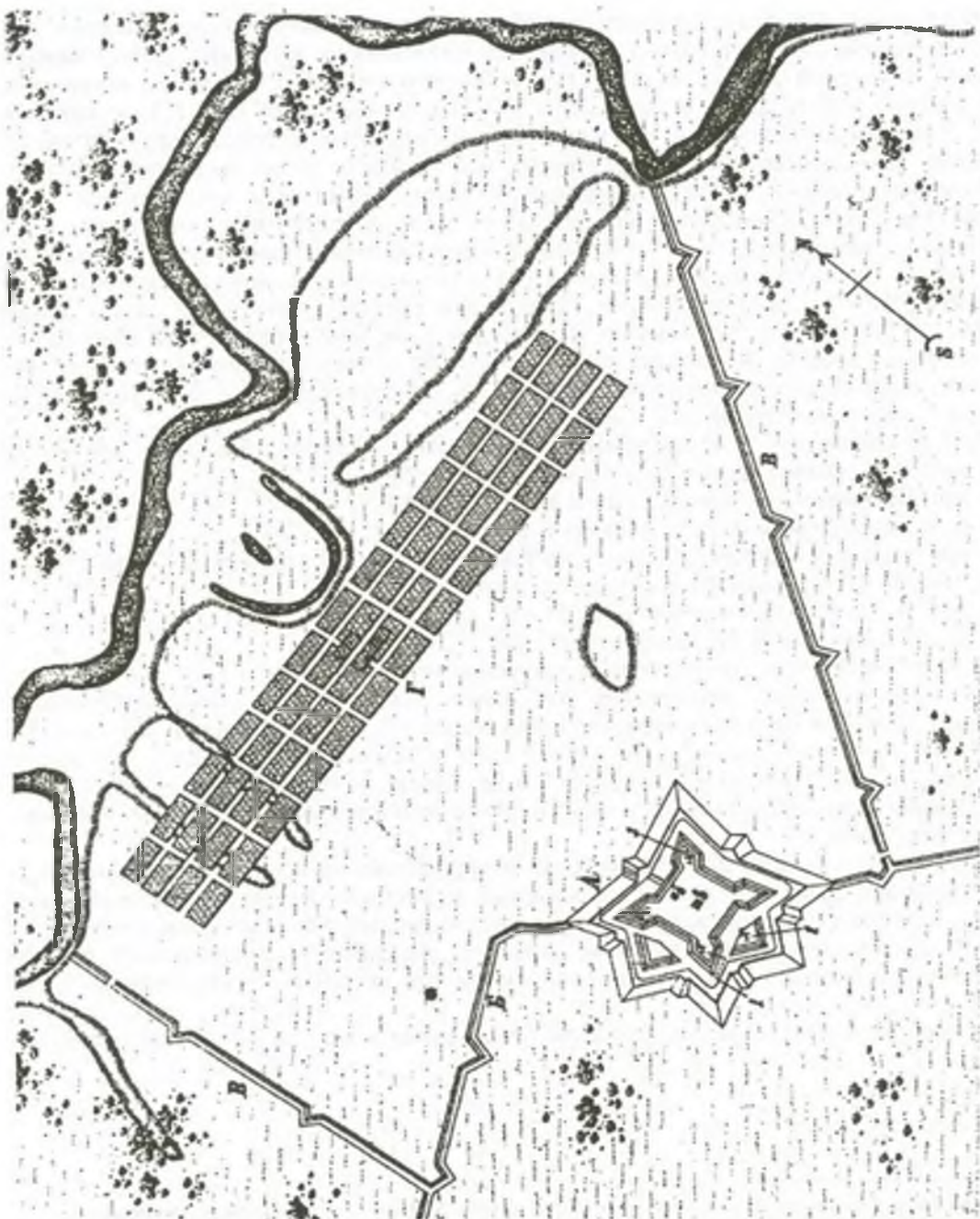

Рис. 17. Красноярская крепость и поселение ландмилиции. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

Разумеется, в книгах А. Киндякова были учтены только военнослужащие без членов их семей. Поэтому, точно определить численность жителей, расселившихся на Новой Закамской линии, не представляется возможным. По мнению историков, средняя населенность двора в 20 – 30 гг. XVIII в. доходила до 8 – 8,5 человек на двор⁴⁹. Эти данные относятся, прежде всего, к сельскому и городскому податному населению. Для ландмилиции, скорее всего, населенность двора была несколько ниже. Можно предположить, что суммарная численность жителей поселений, созданных при Новой Закамской линии, составляла от 20 до 30 тысяч мужчин и женщин.

Трудно сказать, как были обустроены ландмилицкие слободы. Сохранившиеся планы весьма схематичны, и позволяют судить только об общей конфигурации селений, вписанности их в окружающий ландшафт и систему укреплений самой линии (рис. 16,17). Построенного жилья не хватало для того, чтобы разместить каждую семью отдельным двором. Первоначально, в одну избу селили по несколько солдат или семей. Об этом свидетельствует роспись изб для ландмилиции, построенных в селениях при укрепленных пунктах к концу 1735 г.

При Алексеевске к жилым домам местных жителей, определенных в ландмилицию (1 рота), «вдобавок на 4 роты» было построено 49 изб,

– при Красноярской крепости на 6 рот – 64 избы,

– при Чернорецком фельдшанце на 5 рот – 75,

– при пригороде Сергиевске, к домам местных солдат (3 рот) вдобавку на 3 роты – 73,

– при Кондурчинском фельдшанце на 5 рот – 84,

– при Черемшанской крепости на 5 рот – 75,

– при Шешминском фельдшанце на 6 рот – 100.

Итого, во всех этих пунктах было построено всего 520 изб.

Разумеется, такого количества изб было явно не достаточно. Возможно, «роспись» просто не отражала всех строений, сделанных ландмилицией для себя. Не совсем ясно, как соотносились эти дома с земельными наделами. Дело в том, что участки под дворы, огороды и гумна, как и под пашню, сенные покосы и т.д., отводились каждому солдату индивидуально, то есть предполагалось раздельное проживание отдельных семей⁵⁰.

Главным источником для обеспечения этого населения всем необходимым являлись усадебные, пахотные земли, сенокосные и лесные угодья. Нормы наделения землей семей ландмилиции, разработанные центральными учреждениями, скорее всего, Военной коллегией, были едиными для всех российских ландмилицких полков. Для жителей поселений Новой Закамской линии эти нормы были спущены из Сената.

Удобнее всего эти земельные наделы представить в виде таблицы (табл. 11)

⁴⁹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 48.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157об.-158.

Таблица 11. Нормы наделения землей закамской ландмилиции

Земельные угодья	Конной ландмилиции на 1 семью	Пешей ландмилиции на 1 семью
в городе под дворы и огороды	30 на 15 сажен	20 на 8 сажен
за городом под гумна и огороды	30 на 15 сажен	30 на 10 сажен
пахотной земли	20 четвертей в 1 поле «а в дву потому ж»	10 четвертей в 1 поле «а в дву потому ж»
сенных покосов и на «выпуск»	по 100 копен	по 30 копен

Если одна семья имела 2-х или более солдат ландмилиции, то соответствующий участок пашни полагался каждому. Формула измерения пашни - в 1 поле «а в дву потому ж» была типичной для межевых книг в XVI – XVIII вв. При господствовавшем трехполье, обычно считалось, что все три поля – яровое, озимое и паровое, примерно, равны. Десятина, мера измерения площади, составляла 2 четверти и, примерно, соответствовала современному гектару. Мерой сенокосных угодий считалась 1 копна, при этом подразумевалось, что 10 копен сена собиралось с 1 десятины. Лесные угодья, или «на лесные угодья земля» определялись по писцовому наказу и находились в общем пользовании.

Вся совокупность пахотных, сенокосных угодий и лесных угодий, отведенных конной и пешей ландмилиции составила 175810 десятин. В них входили (табл. 12):

Таблица 12. Количество земельных угодий отмежеванных закамской ландмилиции

Земельные угодья	Конной ландмилиции	Пешей ландмилиции	Всего
пахотная земля	79560	23400	102960
сенокосы и на выпуск скота	26520	4680	31200
лесные угодья	31850	9800	41650
Итого:	137930	37880	175810

Эти данные, разумеется, весьма приблизительны. На самом деле земли, было приписано к каждому селению значительно больше. В общих полях выделялись также наделы братьям, племянникам, детям и «помощникам» военнослужащих. Кроме того, несколько пустых участков оставлялось для тех, кто в будущем мог войти в состав полков из числа вышеназванных категорий. Следует также учесть, что во всех 14 поселениях имелись свои храмы. Попам и причетникам, для обеспечения также полагались земельные наделы – по 63 четверти («в дву потому ж») пахотных земель и сенокосных угодий, и, кроме того, небольшие участки под дворы и огороды. В поселках должны были отводиться участки под строительство штаб и обер-офицерских домов. Каждый из офицеров получил «сверх дач ландмилицких под дворы и огороды до десяти десятин мерных».

Но в любом случае, мы можем составить для себя вполне достоверное представление о размерах земельного обеспечения военизированного населения линии. Нельзя забывать и о том, что в состав линии вошли, ранее построенные пригороды

Алексеевск и Сергиевск, со своим населением и принадлежащими ему землями. Рядом находилась и Самара, жителям которой принадлежали весьма значительные угодья на Левобережье. Несомненно, что возникала чересполосица, которая, нередко, приводила к земельным спорам и конфликтам⁵¹.

Процесс размежевания земель и их отвода обязательно производился при свидетелях - вахмистрах, подпрапорщиках, капралах, писарях, рядовых и других заинтересованных лицах. Именно они заверяли «Мерные и межевые книги» земель при каждом поселении. Всего было составлено 14 таких книг, по числу селений на черте. Межевщики отводили новопоселенцам пустые, никем не используемые участки, при раздаче которых не были выявлены прежние владельцы⁵².

По данным конца 1735 г. количество отмежеванной к поселениям земли составило:

- к Шешминскому фельдшанцу на 666 человек - 23208 десятин,
- к Черемшанской крепости на 564 человек – 19128 десятин,
- к Кондурчинскому фельдшанцу на 564 человек – 19128 десятин,
- к Сергиевской крепости на 720 человек – 21936 десятин,
- к Чернорешскому фельдшанцу (Безымянному) на 564 человек – 19128 десятин,
- к Красноярской крепости на 666 человек – 23208 десятин.

В документе почему то, «забыли» про земли, отмежеванные для ландмилиции пригорода Алексеевска, а также для частей, расселенных при редутах.

Кроме того, к вышеперечисленным угодьям предполагались еще лесные владения⁵³.

В 1735 г. работники, приписанные к поселениям ландмилиции и занятые в сельском хозяйстве, должны были вспахать пашню и высеять озимые к следующему году. Для производства земледельческих работ Друмант еще зимой заказал зерно для посева⁵⁴. 25 июня 1735 г. в Сенат из Военной коллегии доносили, что для 4-х ландмилицких полков выделили на озимой сев этого года 12924 четвертей ржи. К следующей весне солдатам для посева в яровое планировалось выдать 14736 четвертей овса и 3684 четверти ячменя. Отметим, что одна четверть в XVIII в. составляла 8 пудов ржи. Все посевное зерно предполагалось распределить следующим образом:

- в 3-х конных полках на 1 солдата ржи по 3 четверти, овса по 4 четверти, ячменя по 1 четверти;
- в 1 пешем полку на 1 солдата ржи по 3 четверти, овса по 2 четверти, ячменя по осьмине⁵⁵.

Несмотря на то, что в первые годы заниматься сельскими работами при ландмилицких поселках должны были специальные «работники», эта обязанность была возложена на самих солдат. Введение новой повинности вызвало ряд выступлений. В

⁵¹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 172.

⁵² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538. Л. 463.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 158-159.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 121.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 360.

1735 г., когда Билярский полк перевели на линию⁵⁶, солдаты отказались заниматься сельскохозяйственными работами и вести сев, высказывались за возвращение вместе с своими семьями в Билярск. Как и в предшествующем году, но уже три солдата были тайно посланы в Петербург для того, чтобы подать челобитную самой Анне Иоанновне. В челобитной они жаловались на Наумова, требовавшего с солдат «расписок» с согласием на добровольный перевод на линию. Всех троих задержали и подвергли жестоким пыткам в Тайной канцелярии. Попытки найти правду у императрицы продолжались и позднее, когда например, солдаты этого же полка просили оставить их в Сергиевске. Но всякий раз челобитчиков ждало суровое наказание⁵⁷.

Как уже говорилось, «Мерные и межевые книги» А. Киндякова были составлены в 1734-1736 гг., то есть именно в эти годы окончательно сформировался состав гарнизонов Новой Закамской линии и их земельные владения. Однако, начальное население на линии появляется гораздо раньше. Следует помнить, что в нее вошли пригороды Алексеевск и Сергиевск со своими жителями. Первые редуты и другие укрепления, охрану которых должны были обеспечивать гарнизоны, появились в начале осени 1732 г. и, естественно, в это время должен быть встать вопрос о наделении землей. Собственно говоря, и Наумов потребовал замены Друковцева на Киндякова как раз в это время. Таким образом, у нас есть все основания считать, что постоянное население Новой Закамской линии начало складываться уже с 1733 г. На первых порах этим людям, пока они обустроивались на новых местах, выдавалось жалованье и уже, затем, выделялись земельные участки.

Ликвидация Закамской экспедиции и упразднение оборонительной линии

Осенью 1735 года Наумов должен был решить для себя чрезвычайно сложный вопрос. Фактически он выполнил свою миссию. К концу года практически все работы на участке линии между реками Самара и Кичуй были завершены. Проект, и тем более строительство следующего участка - по «башкирским местам», между реками Кичуем и Иком, который активно прорабатывался в 1731 - 1732 гг., после того, как его сооружение было отложено на неопределенный срок, практически был забыт. Никаких, даже рекогносцировочных работ на этом участке в 1732 - 1735 гг., не велось. Дела в этом районе находились вне поля зрения Наумова и других руководителей экспедиции, за пределами их юрисдикции. В центре, да и в самой экспедиции, постепенно свыкались с мыслью, что это та проблема, от которой при благовидных обстоятельствах следует отказаться. Даже, когда в крае началось башкирское восстание, Наумов и его окружение, фактически, не приняли сколько-нибудь заметного участия в его подавлении. Только, полки закамской ландмилиции, переподчиненные

⁵⁶ Ранее уже отмечалось, что автор раздела В.Ю. Гессен пишет, что полк в 1735 г. перевели на Самарскую линию, но, видимо, это ошибка. Самарскую линию начали строить только в 1736 г. Речь, скорее всего, идет о Новой Закамской линии. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С. 244.

⁵⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С. 244-245.

на это время руководителю Башкирской комиссии А.И. Румянцеву, участвовали в карательных походах. Меж тем, в соответствии с решением наверху, в столице, после завершения строительства оборонительной линии и расселения на ней ландмилиции, тайный советник должен был передать все управление над ней бригадиру Друманту.

Но для Наумова отказываться от дальнейшего строительства оборонительной черты по «башкирским местам» означало «потерять лицо» и признаться перед всеми, что проект, в разработке и осуществлении которого он принимал деятельнейшее участие, был изначально нереален. Для опытного высокопоставленного администратора это было невозможно.

Поведение Федора Васильевича в это время чрезвычайно интересно. С одной стороны он предлагает продолжить строительство линии на всем пространстве между реками Кичуем и Иком, то есть на самом сложном, густо населенном ее участке. Но сам участвовать в этом предприятии Наумов уже не желает, а, скорее всего, просто не может. Для отказа от руководства экспедицией он воспользовался новым обострением болезни. Вскоре после представления проекта и плана дальнейших работ на линии, Наумов подал прошение об отставке его от работ и направлении на излечение. Характерно, что в Сенате весьма скептически восприняли как новые проекты тайного советника, так и свидетельства о его болезни и просьбы об отставке.

Об этом свидетельствует содержание сенатского доклада в Кабинет весной 1736 г.: «А тайн. сов. Наумов требует: 1) те линию, также редуты и засеки от р. Кичюя до р. Ик, для укрепления башкирского, делать-ли, объявляя, что по представлению-де инженер – капитана Бибикова, показаны на ландкарте, где делать, редуты и засеку». Сенаторы, правда, выразили осторожное сомнение в действенности и необходимости предложений Наумова: «...то за тем укреплением многия деревни Казанского уезда останутся; буде – же делать прямо от Кичюйского фельдшанца к р. Ику степью, то несколько башкирских деревень в линию войдут и оттого б не было какого препятствия; к тому – ж, кому будет оное содержать, ибо линия продолжится на немалой дистанции, а ландмилицкие полки и по учиненной ныне линии по крепостям и редутам поселены гораздо редки»⁵⁸.

Вспомним, что при проектировании Новой Закамской линии в 1731 г., судя по тому, как это показывает «сочиненная ландкарта от города Самары до пригорода Мензелинска и до реки Ику 1731 году», подготовленная под непосредственным руководством И. Бибикова, предусматривалось несколько вариантов ее прохождения от р. Кичюя к Заю, в том числе и самые экономичные с использованием сооружений Старой Закамской линии, строительством ограниченного количества оборонительных сооружений - редутов и т.д.⁵⁹

На ландкартах последних лет строительства линии, там, где инженеры Бибикова пытались предусмотреть застройку нового участка, также можно увидеть неопределенность, многовариантность. Например, на ландкарте 1735 г., подготовленной инженер-прапорщиком Чириковым, просто говорилось о редутах между реками Кичуем и Иком «ежели вновь строить будет повелено»⁶⁰.

⁵⁸ Сборник РИО. Т. 114. С. 210.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081, 2083, 2084.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2283.

Для правительства проблема Заволжья в 1735 – 1736 годах в связи с башкирским восстанием, деятельностью двух экспедиций – Новой Закамской и Оренбургской – вновь выходит на первый план. Необходимо было принять кардинальное решение, связанное с разрешением ситуации в крае. Для его выработки понадобилось мнение наиболее авторитетного и влиятельного в это время человека в Казанском крае – А.И. Румянцева. Исследователи считают, что совокупность первостепенных действий по подавлению восстания в Башкирии и дальнейшая политика центральных и местных властей в регионе были выработаны на совещании Румянцева и Кирилова в Мензелинске в декабре 1735 года. Характерно, что Наумова туда не пригласили. Впоследствии, этот план лег в основу указа от 11 февраля 1736 г.⁶¹ План предполагал целую совокупность мероприятий, но среди них ничего не говорилось ни о деятельности Закамской экспедиции, ни о самой линии. Негативное отношение к Наумову и его детищу Кирилова, который являлся фактическим создателем этого проекта, и Румянцева вполне очевидно из содержания вышеуказанных документов.

И все-таки вопрос о судьбе Новой Закамской линии требовал дальнейшего разрешения. В Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии, по всей видимости, не спешили от нее отказываться. В начале 1736 г. «по представлению ген.-лейтенанта Румянцева и ст. советника Кириллова велено (*видимо, Военной коллегией – Э.Д.*), для удержания от шатостей башкирского народа, внутри и около их жилищ, в пристойных местах несколько городков построить и оные воинскими людьми населять, тогда она линия (*Новая Закамская – Э.Д.*) имеет быть уже внутри российских жилищ»⁶². Здесь речь идет именно о Новой Закамской линии.

Судьбоносным для Закамской экспедиции стал указ из Кабинета министров от 26 февраля 1736 г., в котором ее будущее отдавалось на откуп Румянцеву: «...велено о той линии рассмотреть: оную-ль достраивать, или Оренбург и прочие городки, которые вновь будут строиться...и о том в Кабинет Ея И. В-ва мнение свое сообщить; ежели-ж, по мнению его, оную линию всемерно достраивать надобно, то велено ему потребное число работных людей в будущее лето нарядить и для закрытия их потребную команду определить, в чем дана ему полная мочь, того ради военной коллегии о том во всем сношение иметь с ним, ген. – лейтенантом, и по его представлениям поступать...»⁶³. В этом указе следует выделить еще одну интересную мысль. Даже в случае продолжения сооружения Новой Закамской линии, руководство ею передавалось Румянцеву. Отметим, что при прежних казанских губернаторах – Долгоруком и Мусине-Пушкине, Наумов в своих действиях был, фактически, независим от местной администрации. Новую ситуацию можно, на наш взгляд, объяснить тем, что зимой и в начале весны 1736 г. тайный советник практически самоустранился от руководства экспедиции. 27 мая Кабинет министров утвердил сенатский доклад об освобождении Наумова от руководства экспедиции: «...а ныне он, от головной и ножной болезней, находится в сущем несостоянии и просит, чтоб для излечения той его болезни, уволить его, тайн. советника, в Москву, дабы от того безвременно ему и без

⁶¹ Соловьев С.М. Сочинения в 18 тт. Кн. IX. М., 1993. С. 578-583; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. С. 115, 122.

⁶² Сборник РИО. Т. 114. С. 94.

⁶³ Сборник РИО. Т. 114. С. 94.

лечения не скончать живот свой». Далее идет очень интересная фраза: «...да и деладе ныне за ним тамо мало находится, понеже над полками главную команду имеет генер.-лейт. Румянцев»⁶⁴. Находясь на излечении в Москве, Наумов должен был проходить ежемесячное освидетельствование о состоянии здоровья в Московской сенатской конторе⁶⁵. На время его отсутствия во главе всех дел на Новой Закамской линии был поставлен А.И. Румянцев⁶⁶. Таким образом, генерал-лейтенант сосредоточил в своих руках всю полноту власти над Казанским краем и над двумя экспедициями, действовавшими на территории Заволжья.

13 апреля 1736 г. в Сенат поступило донесение Румянцева с мнением: «чтоб недостроенную Закамскую линию строением оставить». Аргументы генерал-лейтенанта сводились к следующему. Когда окончательно «Оренбург и прочие городки...построены и совсем офундованы будут, то оная линия останется в закрытии». К тому же она не соответствует еще одной своей задаче, а именно, защищать окраины России от башкирских набегов. Укрепления уже построенного участка плохи, «по объявлению от полковника Бардекевича, который ныне над ландмилицкими полками имеет команду, вся к защищению неприятеля, от худого строения, ни малой надежды не имеет». Продолжать Закамскую линию далее от Кичуя к Ик смысла не имеет, так как башкирское восстание уже «утишено». Но даже если и строить ее вглубь Башкирии, то ландмилицкие полки из-за малолюдства не смогут всю ее защитить. К тому же содержание всей оборонительной черты и размещенной на ней ландмилиции, крайне дорого.

Отметим, что это донесение далеко не соответствовало истине. Новая Закамская линия была совсем не так плохо выстроена, как это представлялось новому руководству края. Башкирское восстание далеко не было «утишено», но, напротив, в 1736-1737 гг. разгорелось с новой силой⁶⁷. Разумеется, Румянцев и Кирилов очень верно подметили недостатки оборонительной черты – ее громоздкость, дороговизну и главное то, что она действительно окажется в тылу Оренбурга и «прочих городков». То есть, дальнейшее развитие Новой Закамской линии, да и само ее существование противоречило планам Кирилова, которые созрели у него к 1736 г. и новой ситуации, сложившейся в регионе в результате башкирского восстания. Болезнь Наумова, фактический отход его от дел, настолько ослабили Закамскую экспедицию, что появилась возможность окончательно ее добить, воспользоваться ее материальными и людскими ресурсами для осуществления нового проекта. Отметим в переориентации правительственной политики в Заволжье роль еще некоторых факторов. Зиму 1736 г. Кирилов провел в столице, где, несомненно, смог воспользоваться своими связями в Сенате и правительственных кругах для принятия выгодного для него решения. И, наконец, интересно и не совсем ясно мнение по этому вопросу Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации, находившихся в ведении Миниха. Ведь проект Новой Закамской линии был детищем именно этих учреждений и генерал-фельдцейхмейстера и его ликвидация наносила удар по их авторитету.

⁶⁴ Сборник РИО. Т. 114. С. 239.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 555. Л. 971-980.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 555. Л. 632-636.

⁶⁷ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 256-257.

Свои предложения сенаторы выработали к 7 мая, а 14 мая Кабинет министров принял решение, запросить у Румянцева «мнение и аккуратный план» по Новой Закамской линии «всю-ль оную оставить и разорить и где ландмилицию селить». Это «мнение» Румянцев должен был принять «снесшись со стат. сов. Кириловым, ибо он, стат. советник, о том деле сведом-же». Вместе с тем кабинет-министры постановили: «до присылки того их (Румянцева и Кирилова – Э.Д.) мнения, оную линию в нужнейших местах надлежит починивать и пристойные караулы содержать»⁶⁸. Таким образом, решение об отмене строительства второго участка линии между реками Кичуем и Иком приняли на самом высоком уровне. Вопрос о дальнейшей судьбе уже построенных укреплений был отложен и отдан на усмотрение Румянцева и Кирилова.

Не совсем понятно, какую роль сыграли укрепления и гарнизоны Новой Закамской линии в отражении башкирских нападений в условиях восстания 1735-1736 гг. Известно, что в середине июня 1736 г. отряд башкир нанес серьезное поражение «команде» полковника Мартакова⁶⁹. Были и другие набеги, с которыми войска, расположенные по Новой Закамской линии, справлялись более успешно⁷⁰. Однако, по мнению Кирилова, оборона этой линии оставалась все же ненадежной.

Для того, чтобы окончательно привести в порядок уже построенную часть линии, руководство Закамской экспедиции и Военная коллегия, которая поддержала Наумова, затребовали на 1736 г.: «...нарядить уездных работников и мастеровых людей 3000 человек, да 300 подвод и, сверх того, выслать прошлогодскаго наряда беглых работников, тако ж публиковать, чтоб вольные работники явились, и на дачу – б им заработных денег денежная казна, что надлежит, прислана б была вдруг суммою с комиссарами, также и провианта подряжено было заблаговременно»⁷¹. Однако, этим планам не суждено было воплотиться в реальность. Материалы и припасы, выделенные для Новой Закамской линии на 1736 г., в конце июня были переданы ее канцелярией прибывшему в Самару флотскому поручику П.С. Бахметеву. Последний использовал их для строительства по р. Самаре укрепленных пунктов уже новой Самарской линии⁷².

Невзирая на невзгоды, Новая Закамская линия как самый сложный комплекс инженерных сооружений, поселений и военных гарнизонов в них, продолжала развиваться. В начале 1736 г. Военной коллегией были отпущены средства на закупку лошадей для ландмилицких полков, позднее на черту были назначены артиллерийские офицеры и назначено им жалованье⁷³.

В 1736 году, несмотря на то, что, на отдельных участках продолжались сравнительно небольшие по объему работы, в основном ремонтного характера, очередная ландкарта Закамской линии составлялась не столько для продолжения ее эксплуатации или дальнейшего строительства, сколько для определения необходимости существования самой черты. Решалась судьба этого оборонительного рубежа. Составители

⁶⁸ Сборник РИО. Т. 114. С. 212.

⁶⁹ Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг. С. 71.

⁷⁰ Сборник РИО. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 502.

⁷¹ Сборник РИО. Т. 114. С. 212.

⁷² Рычков П.И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. С. 67.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 753. Л. 11-11об., 163-167.

плана отметили то, что было сделано в нынешнем – 1736 г., и то, что предстояло сделать в будущем сезоне и даже в более далекой перспективе. На “Ландкарте Закамской линии” 1736 г. капитана Бибикова, с которой в феврале 1737 г. была сделана копия⁷⁴, вполне явственно отмечено и то и другое. Дополнительные работы по укреплению линии, в основном ремонтного характера в 1736 г., проводились на участке от Орлянских редутов до Кондурчинского фельдшанца. Это были сравнительно небольшие по объему мероприятия на участках от нескольких десятков до нескольких сотен сажен по устройству палисада, “заборника”, а также надолоб и рогаток; очистке от оползшей земли и починке наружной и внутренней “крутости” рва, выкладке его дерном. Особое внимание уделялось созданию условий для безопасности поселений. Надолбы были устроены вокруг поселка у редута в Тарханском лесу, дополнительные укрепления появились вокруг слобод у пригорода Сергиевска. И, наконец, Бибиков предложил строить редуты уже за Кичуем, далее к рекам Заю и Ику “если вновь строение будет повелено”. На этом участке, сделанном очень неопределенно, предлагалось не только максимально использовать укрепления старой черты, но и поставить новые редуты между реками Кичуем и Заем, а также конечный на р. Ик, несколько выше по течению пригорода Мензелинска. Еще на одном варианте карты, сделанном, по всей видимости, не ранее второй половины 1736 г., на вышеуказанном участке был обозначен в качестве возможного только один редут – на реке Ике⁷⁵. В отличие от своего непосредственного начальника Бардекевича, Бибиков в своем докладе зимой 1737 г. высоко оценил состояние и роль черты: “при той линии по осмотру его, капитана Бибикова артиллерии с подпоручиком Галафеевым, прошлого 1736 года в июле месяце нигде к свободному неприятельскому переходу поврежденных мест не явилось, и где от вешней воды тое линию повредило, тако же нужнейшая были против палисаднику места надолбами не доделаны, оное все в прошедшее лето починено и вновь сделано, и та де линия и прочее фортификационное строение неприятелю может действительно препятствовать”⁷⁶. Видимо, результатом этого осмотра явилась еще одна карта, вычерченная Л. Галафеевым, на которой вновь со ссылкой на то, что сверху могут разрешить дальнейшее строительство, был предложен наиболее четкий план размещения укреплений за Кичуем. Предлагалось поставить один редут на водоразделе между реками Кичуем и Степным Заем, второй – на р. Степной Зай, далее на р. Лесной Зай (Ирне). На последующем протяженном участке, предполагалось использовать укрепления старой черты до р. «Чирмилы» где вновь устроить редут или более серьезное укрепление. Затем следовало создать еще один редут на р. Мензеле, несколько ниже пригорода Мензелинска, и последний на р. Ик, при впадении и в нее р. «Каря»⁷⁷.

Но самое главное, даже без Наумова администрация Закамской экспедиции, ее основные сотрудники, инженерная команда, офицерский корпус, ландмилиция продолжали существовать и обеспечивать основные потребности оборонительной черты.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2288.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

⁷⁶ Цит. по: Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. С. 97.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277.

После смещения Друманта и отставки Наумова непосредственное руководство ландмилицией и всей линией, по крайней мере, до конца 1736 г., осуществлял полковник И. Бардекевич. Он, в отличие от Наумова, бывшего фактически независимым от местного начальства, находился в полном подчинении у А.И. Румянцева. Создается впечатление, что в это время наиболее последовательно и стойко интересы экспедиции и линии защищал Илья Александрович Бибииков. Несмотря на свой сравнительно невысокий чин, он не однажды пытался доказать необходимость Новой Закамской линии. Из всего ее руководства он единственный, фактически, безотлучно, не считая длительной командировки на Яик, находился в Заволжье, начиная с весны 1731 г. Такая стойкость и преданность своему делу, по всей видимости, способствовали тому, что Бибииков впоследствии вырос в одного из самых блестящих военных инженеров России.

Осенью 1736 г. вместо А.И. Румянцева отбывшего в армию, воевавшую против турок, начальником в чине бригадира Башкирской комиссии стал майор лейб-гвардии Семеновского полка Ф.С. Хрушов, который и «при Закамской линии имеет ныне главную команду»⁷⁸. После отъезда последнего 21 февраля 1737 г. в действующую против Турции армию, временно команду над Башкирской комиссией принял Бардекевич, пока в конце апреля на эту должность не был назначен генерал-майор Л.Я. Соймонов. Но к осени 1737 г. подлинным распорядителем в Закамье оказывается, поставленный весной этого же года руководителем Оренбургской экспедиции, Василий Никитич Татищев. Именно его деятельность и определяла в последующем судьбу Новой Закамской линии и расквартированных на ней войск⁷⁹.

Для полковника Бардекевича Новая Закамская линия, ее судьба, возможности дальнейшего строительства были делом совершенно чуждым. Об этом свидетельствует выше приведенная неллицеприятная характеристика укреплений черты. Службу здесь он воспринимал одним из тех поручений, которыми так богата жизнь офицера и, разумеется, противопоставлять свое мнение, даже если оно у него и было, позиции Румянцева, Кирилова или Татищева он ни в коем случае не собирался.

Инженерная команда под руководством И. Бибиикова сохранилась при линии до весны 1737 г., хотя в ее составе происходили определенные изменения. Летом 1736 г. Бибииков и артиллерии подпоручик Лука Галафеев производили осмотр укреплений (впоследствии Галафеев дослужился до чина капитана артиллерии и проектировал строительство нового Оренбурга при Неплюеве. В разработке этого проекта ему помогал инженер-прапорщик Тельнов, также ранее служивший в Закамской экспедиции⁸⁰). Упоминается еще один артиллерии подпоручик Трегубов; из кондукторов в «напольные полки» подпоручиком в этом же году был произведен Епифанов. Кроме них в команде «обретались» 1 прапорщик, 2 кондуктора. Отдельно упоминаются уже в «команде Наумова» геодезисты и в полках ландмилиции «знающие инженеры обер и унтер-офицеры». Видимо, последние не были подчинены непосредственно Бибиико-

⁷⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 3об.

⁷⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 65-67-70.

⁸⁰ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. С. 97.

ву. Такому составу высококвалифицированных кадров могла позавидовать любая экспедиция, в том числе и Оренбургская.

Еще в конце января 1737 г. руководство Канцелярии артиллерии и фортификации поручило Бибикову и далее следить за состоянием Новой Закамской линии и в порядке ее содержать. Но к весне этого года он получил новое назначение. Руководство над инженерной командой принял, ставший уже прапорщиком Инженерного корпуса, Михаил Чириков, имя которого ранее можно было увидеть на составленных в экспедиции «Ландкартах Закамской линии». 20 сентября он доносил в «фортификационную контору», что линия находится в хорошем состоянии, все почищено и «работ нет». В ответе из этого учреждения ему поручили за линией смотреть «хорошо» и в случае чрезвычайной ситуации докладывать, как это ни странно Наумову, уже давно находившемуся в Москве. Видимо, и Чирикова вскоре сменили и при Новой Закамской линии остались прапорщики инженерного корпуса Окулов (ранее бывший кондуктором в команде Бибикова) и Кологривов. Окончательный демонтаж этого подразделения произошел в начале осени 1738 г. В соответствии с указом в «фортификационную контору», последняя должна была определить необходимость присутствия инженеров на линии. Если дел для них нет, то Окулова и Кологривова необходимо было определить в другое место, а за укреплениями могли досматривать инженеры из Оренбургской экспедиции⁸¹.

Неизвестно, как долго существовала канцелярия Новой Закамской линии. После завершения работ ее сотрудников перевели в аппарат Казанской губернии. Но еще в ноябре 1737 г. Татищев просил направить к нему секретаря, протоколиста и трех копиистов из канцелярии Наумова. Кабинет министров переадресовал эту просьбу в Казанскую губернию⁸².

Как известно, вопрос о линии весной 1736 г. был оставлен на усмотрение А.И. Румянцева. Но до конца 1737 – начала 1738 гг. он так и не был решен. Новая Закамская линия продолжала функционировать. Окончательно судьба этого оборонительного рубежа, размещенной на ней ландмилиции и артиллерии, была определена на совещании Соймонова, Татищева и других руководителей более низкого ранга, состоявшемся в Самаре 15 декабря 1737 г. Был прямо поставлен и положительно решен вопрос о его ненужности и переводе с него ландмилицких полков на Оренбургскую линию. Это решение утверждалось императорским указом от 15 февраля 1738 г.⁸³

Собственно говоря, эту дату и последовавшие за ней действия администрации Оренбургской экспедиции, можно считать временем ликвидации Закамской экспедиции и упразднением самой Новой Закамской линии как действующей оборонительной черты. Таким образом, вопреки своим могущественным противникам, линия продолжала существовать и действовать на протяжении 1736-1737 гг. При этом следует от-

⁸¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 3-6об.

⁸² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 72.

⁸³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 393об.; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 76-77.

метить, что перевод ландмилиции производился не единовременно и, по всей видимости, затянулся надолго.

Суммируя все вышесказанное, отметим, что именно 1736 год был последним в строительстве Новой Закамской линии. Отказ от продолжения работ был вызван, прежде всего, тем, что ее укрепления стали практически ненужными вследствие того, что она оказалась в тылу вновь строящейся "живой" Самарской (Оренбургской) линии, протянувшейся от г. Самары до Оренбурга. Возникает вопрос, в каком же состоянии находились укрепления Закамской линии ко времени прекращения ее сооружения и потери ею военного значения.

Мнение противников продолжения строительства новой Закамской линии сводилось к следующим аргументам:

- она оказалась далеко в тылу у Самарской линии;
- гарнизоны, размещенные в крепостях и прочих оборонительных сооружениях, слишком невелики и распылены и не могут эффективно защитить от нападений;
- строить участок линии между реками Кичуй и Ик нельзя, т.к. он пройдет по башкирским землям и, несомненно, вызовет возмущение местного населения;
- сама линия выстроена плохо, ее оборонительные сооружения уже требуют ремонта, не доведены до конца.

Последний аргумент был сформулирован многими противниками Новой Закамской линии. Заменявший Друманта полковник И. Бардекевич сообщал: "Преждепостроенная от Алексеевска, даже до реки Кичуя, линия, ...вся к защите неприятеля от худого строения, ни малой надежды не имеет"⁸⁴. Казанский губернатор А.И. Румянцев также писал о том, что через линию "...во многих местах сквозь, несколько башкирских пролазов было"⁸⁵. И, наконец, в докладе Сената говорилось о том, что Новая Закамская линия "...в совершение она еще не приведена"⁸⁶. Трудно сейчас оценить правоту и искренность сторонников и противников продолжения строительства Новой Закамской линии, но думается, что главная причина отказа от нее состояла отнюдь не в плохом качестве оборонительных сооружений.

В частности отметим, что постепенно у сменявших друг друга руководителей Оренбургской экспедиции, в чьем ведении находилась Новая Закамская линия, начало складываться несколько иное мнение о ней. Эволюция их взглядов весьма показательна и заслуживает рассмотрения.

Кирилов в своем неприятии детища Наумова дошел до крайностей. 25 июля 1736 г. он отправил донесение в Сенат, где вновь писал о том, что линия не нужна, ландмилицкие полки с нее нужно вывести, а сами укрепления просто забросить – они сами «развалятся». Единственное, что могло пригодиться, это посевы хлеба, так как на Самарской линии никаких земледельческих работ не производилось. Поэтому, в поселениях следовало до осени оставить жен и детей солдат ландмилиции, чтобы те собрали урожай этого года⁸⁷.

⁸⁴ Сборник РИО. Т. 114. С. 211.

⁸⁵ Сборник РИО. Т. 114. С. 210.

⁸⁶ Сборник РИО. Т. 114. С. 210.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 480. Л. 552.

Сменившие Кирилова и Румянцева Татищев и Соймонов придерживались такого же мнения: оборонительная черта не нужна, ее следует упразднить, а ландмилицию перевести на Оренбургскую линию. 20 февраля 1739 г. Татищев писал, что линия не только не нужна, но и «вредительна», так как нарушила башкирские владения. В определенной степени это мнение возобладало и в столице. В указе, посланном новому руководителю Оренбургской экспедиции Урусову в августе 1739 г., ему предписали ландмилицию перевести, всю землю отведенную к Новой Закамской линии описать, избы и все строения распродать, а деньги перечислить в казну⁸⁸.

Более трезвый и взвешенный подход характерен для Урусова (ноябрь 1740 г.), считавшего, что линию со всеми ее укреплениями необходимо передать в ведомство статского советника Оболдуева, который бы на ней селил отставных от службы унтер-офицеров, драгун и солдат⁸⁹.

И, наконец, в 1742 г. Неплюев, и что характерно, тот же самый Соймонов продолжили переоценку состояния Новой Закамской линии. Констатируя факт, «что хотя в той Закамской линии ныне никакой нужды нет, ибо она весьма внутри границы...», они наконец-то дали весьма лестную оценку ее инженерному состоянию: «крепости с немалым казенным коштом и регулярно построенные и жилыми покаями умноженные могут опустеть: поселение же на оной отставной от служб команды статского советника Оболдуева по мнению их генерал-лейтенанта и тайного советника весьма нужно и потребно признано: ибо ко обселению той линии других толь удобных способов не находится, а пусто оставить такие регулярные крепости несходно. К тому же означенные отставные, когда они на той линии поселятся, будут иметь готовые себе дома, довольство распаханной земли, лесных и всяких угодей, понеже тут прилегли места весьма привольные, что бес того все туне погибнет»⁹⁰.

В конце 1743 г. вопрос о судьбе Новой Закамской линии был вновь поднят в Сенате. В результате расследования у сенаторов сложилось мнение, что оборонительные сооружения, кроме ранее устроенных Сергиевской и Алексеевской крепостей, «построены регулярно и немалые и из них в некоторых домашняго строения довольно, а особливо в Красноярской и Чернорецкой». В начале марта 1744 г. в решении Сената было отмечено то, что «построенных крепостей в пусте оставить не надлежит следующих ради резонов»:

- селить на линии жителей следует потому, что все готово для их обустройства и они помогут вести хозяйство ландмилиции, устроенной на Оренбургской линии,
- новые поселения нужны для торговли, торговых путей и оренбургского купечества,
- для поддержания порядка в крае, если начнется «возмущение» ставропольских калмыков,
- и, наконец, было высказано мнение то, что Татищев был не прав, утверждая, что Новая Закамская линия «возмущает» башкир, так как они уже покорены.

В последовавшем вслед за этим сенатском указе было велено селить отставных солдат с их семьями на Новой Закамской линии. И что самое интересное, в какой-то

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 393об., 400-400об.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 388.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 388, 398об.

степени произошла реабилитация военного значения линии, так как далее в тексте указа говорилось, что крепости черты будут защищать от нападений «киргиз кайсаков»⁹¹.

Расселение отставников в городках и крепостях, потерявших свое военное значение, практиковалось в Заволжье и ранее. Еще в 1736 г. было принято решение о пополнении таким образом жителей пригородов старой Закамской линии.

Из вышесказанного вряд ли следует вывод о том, что в период с появления указа о выводе ландмилиции с черты и до начала исполнения сенатского указа о заселении ее отставными солдатами, Новая Закамская линия стояла впусе. Переселение ландмилиции происходило, по всей видимости, довольно медленно и растянулось на продолжительный срок. Например, судя по ведомостям и именованным спискам, артиллерия и персонал ее обслуживающий, находились на Новой Закамской линии еще в 1739 г. и только к 1741 г. были, в основном, выведены в Самару, Оренбург, Ставрополь и другие города края⁹².

По мнению В.Э. Дена, специально исследовавшего этот вопрос, процесс перевода завершился только в 1747 г. Но и потом, на линии оставались некоторые категории переведенцев; а также люди, самовольно поселившиеся там⁹³.

За исключением Алексеевского и Сергиевского пригородов, которые и далее продолжали сохранять свое военно-административное значение, некоторое время такую же роль играла и Красноярская крепость. В 1737 г. крепость использовали для временного расселения прибывших в Самарское Заволжье во главе с Анной Тайшиной калмыков. В 1739 г. здесь же был поселен со своим улусом некрещенный калмыцкий владделец Дондук Даша. Для «смотрения» за ним и его людьми в крепость была определена рота драгун⁹⁴. Калмыки в конце 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. заняли пространство между реками Волгой, Соком, Кондурчой и Черемшаном, под защитой Новой Закамской и Оренбургской линий. Кроме них в этом районе было расселено русское население, в обязанности которого входило приучение кочевников к правильному ведению хозяйства и, прежде всего, к земледелию и оседлому образу жизни.

И все же, несмотря на то, что территория, прилегающая к Новой Закамской линии постепенно осваивалась, отметим, что военное значение важнейшие оборонительные пункты этой черты (за исключением Сергиевска и Алексеевска) так и не вернули. Рядом с ними появлялись села и деревни, через поселение у Кичуйского фельдшанца прошла Новая Московская дорога в Оренбург⁹⁵, но крепости и фельдшанцы, не говоря уже о редутах, были заброшены. В отличие от городков Старой Закамской линии они не сохранили сколько-нибудь значимой административной роли в освоении края. Цели, в соответствии с которыми создавалась Новая Закамская ли-

⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 401-405.

⁹² А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Опись делам крепостным. Д. 423. Л. 1-4об.; Д. 444. Л. 1-14; Д. 569. Л. 1-26.

⁹³ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. 2. С. 59-60.

⁹⁴ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 80, 140.

⁹⁵ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. С. 192, 202..

ния, были совершенно забыты. Свидетельством этому являются впечатления людей, которые затем посещали эти места в середине – второй половине XVIII в. – П.И. Рычкова и его сына Н.П. Рычкова, П.С. Палласа и И.И. Лепехина.

Петр Иванович Рычков был непосредственным наблюдателем событий, связанных с упразднением Новой Закамской линии и деятельным участником работы Оренбургской экспедиции и комиссии. Но в своей «Истории Оренбургской» он ни слова не говорит о конфликте между руководством двух экспедиций и причинах прекращения деятельности команды Наумова. Но вот в «Топографии Оренбургской губернии» его характеристика Новой Закамской линии чрезвычайно любопытна. Рычков, с одной стороны повторяет аргументы, которыми руководствовались его начальники, упраздняя Закамскую экспедицию, но с другой стороны, как настоящий ученый и честный человек, не может не выразить уважения к столь значимым результатам деятельности своих предшественников: «От сего пригорода (*Алексеевска – Э.Д.*) в 1732 году начата была так называемая Закамская линия, а понеже ставропольской окружности со внешней стороны положено быть по Закамскую линию, которая немалым казенным коштом все по регуле инженерной ведена, и построены были по ней во многих местах изрядные регулярные ж крепости, ретраншаменты, фельдшанцы и редуты в осторожность от воровских набегов калмыцких, киргизских и башкирских, но по учреждении ж оренбургском оная Закамская линия совсем уже оставлена с тем резонем, якобы строение ее подало причину башкирцам к беспутным и высокомерным о себе рассуждениям; к тому ж такие и сему подобные покинутые строения, как бы они в свое время велики и знатны ни были, ежели не останется об них описания, быв долговременно впусте, оставляют по себе малые токмо знаки и руины, а наконец, и совсем разрушаясь, приходят в забвение, отчего в истории причиняются многие затруднения и несходства: того ради не беспотребно, и здесь, кстати, оную линию, которая более двухсот верст многим государственным коштом ведена, для знания в предбудущие времена описать так, как она строена»⁹⁶.

Его сын Н.П. Рычков, участник Академической экспедиции 1769 – 1770 гг., был настроен более скептически. Он писал: «Великое различие можно найти между валами, укреплявшими древних народов жилища, и между теми, которые составляют сию линию. Начало сих новых укреплений считают до сего времени не более сорока лет; но уже в некоторых местах едва можно распознать бывшие тут валы; напротив того, древния до сего дня стоят в твердости непоколебимой»⁹⁷. Еще меньше внимания уделили сооружениям Новой Закамской линии руководители Академической экспедиции И.И. Лепехин и П.С. Паллас. И тот и другой были хорошо осведомлены о деятельности Закамской экспедиции, их маршрут проходил по Большому Черемшану и Соку, но результаты этой деятельности, военно-инженерные особенности заброшенных оборонительных сооружений линии, фактически не привлекли их внимания. Крепости, фельдшанцы и редуты оказались не нужны, из поселений, как правило, не выросли сколько-нибудь значительные хозяйственно-административные центры, остатки оборонительных сооружений рассматривались как своеобразный курьез, образ-

⁹⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 217-218.

⁹⁷ Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 26.

чик старины, представляли, прежде всего, исторический интерес. Потому то о них и сообщали мельком, в связи с более важными предметами для описания, как это сделал, например, в начале 1780-х гг. симбирский чиновник Т.Г. Масленицкий, составивший обширное «Топографического описания губернии Симбирской»⁹⁸.

Более подробное описание укреплений линии, именно как историко-географического объекта, можно найти в географических словарях конца XVIII – начала XIX вв., таких, например, как словарь А. Щекатова⁹⁹.

И наконец, особый интерес представляет мнение капитана Генерального штаба М.И. Иванина, осмотревшего в 40-х гг. XIX в. оборонительные сооружения Новой Закамской линии. Иванов отдает должное тому, что «линия эта строена с таким тщанием и при производстве ея употреблено столько трудов»¹⁰⁰. Но и для него старинные укрепления были интересны, прежде всего, как памятник оборонительного зодчества¹⁰¹.

Казалось бы, все свидетельствует о том, что строительство Новой Закамской линии было стратегической ошибкой, ее укрепления оказались не нужны, она являет собой памятник тщетности огромных усилий многих тысяч человек, занятых на ее сооружении.

Все это так. Но есть и одно но. Время стерло оборонительные сооружения Оренбургской (Самарской) линии. Ее укрепления сейчас практически не видны. А земляные валы и рвы, крепости, фельдшанцы и редуты Новой Закамской линии до сего времени поражают впечатление случайного наблюдателя, местных жителей, исследователей этой грандиозной эпопеи.

---

⁹⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026

⁹⁹ Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1804. Часть вторая. С. 527-529.

¹⁰⁰ Иванов М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. С. 74.

¹⁰¹ Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. С. 63-74.

Оборонительные сооружения Новой Закамской линии

Что же представляла собой Новая Закамская линия к лету 1736 г. к тому времени, когда, практически, прекратились строительные работы и был решен вопрос об ее дальнейшей судьбе. Какие инженерные идеи и каким образом смогли воплотить в Заволжье Федор Наумов и Илья Бибииков? Ведь, именно, Бибииков нес ответственность за все инженерные работы. Он являлся тем самым человеком, которому из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации было прислано поручение: “чтоб он над той линиею...имел прилежное смотрение, и всегда б она содержана была в добром состоянии”¹.

Новая Закамская линия задумывалась как грандиозное сооружение. Ее общая протяженность в междуречье Самары и Ика должна была составить около 400 км. По этому показателю она вполне соизмерима с Украинской линией (от 268 до 800 верст по мнению разных исследователей?) и должна была значительно превысить размеры Царицынской (около 64 км). Но из всего обширного проекта строительства оборонительной линии в Заволжье была полностью выполнена только первая часть (рис. 18). Инженерные сооружения новой черты прикрыли пространство между реками Самарой и Кичуем. Это были самые опасные территории Заволжья, районы, непосредственно соприкасавшиеся со степью и южной частью лесостепи, где существовала постоянная угроза нападений калмыков, каракалпаков и т.д. Протяженность линии составила около 221 верст или, примерно, 240 км (не учитывая расстояния от Кинельского редута до Падовского ретраншемента)³.

На втором участке, расположенном между реками Кичуем и Иком, к строительным работам так и не приступили (рис. 19). За все время деятельности Закамской экспедиции в 1731 – 1736 гг., этот район фактически находился вне юрисдикции ее руководства. В отчетах и «доношениях» в вышестоящие инстанции Наумова, Оболенцева, Друманта, Бибиикова и других, практически, не содержится информации о том, что же происходило за р. Кичуем. Даже, во время башкирского восстания 1735-1736 гг., руководство экспедиции осталось в стороне от участия в его подавлении⁴.

¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л.5.

² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. СПб., 2001. С. 129.

³ Следует отметить ошибку, допущенную исследователем деятельности Оренбургской экспедиции Ю.Н. Смирновым, по мнению которого это была общая длина всей проектируемой линии: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 22.

⁴ Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг. Уфа, 1977.

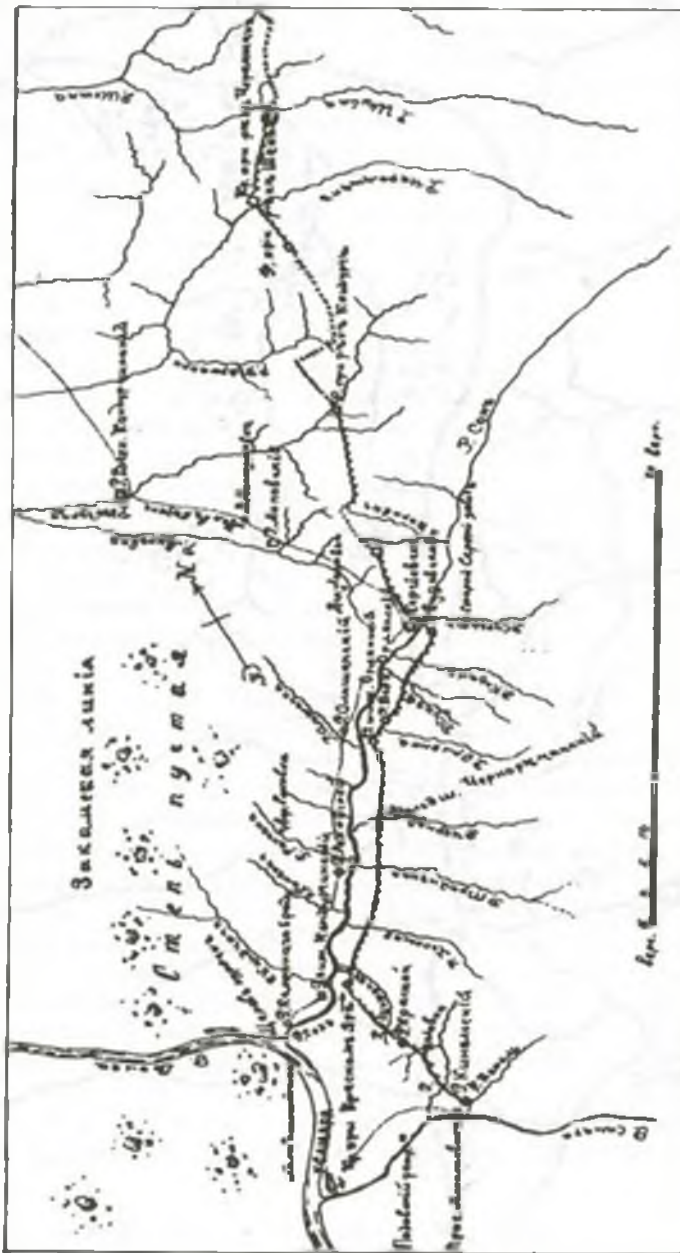

Рис. 18. Новая Закамская линия. Построенный участок до р. Кичуя.
Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

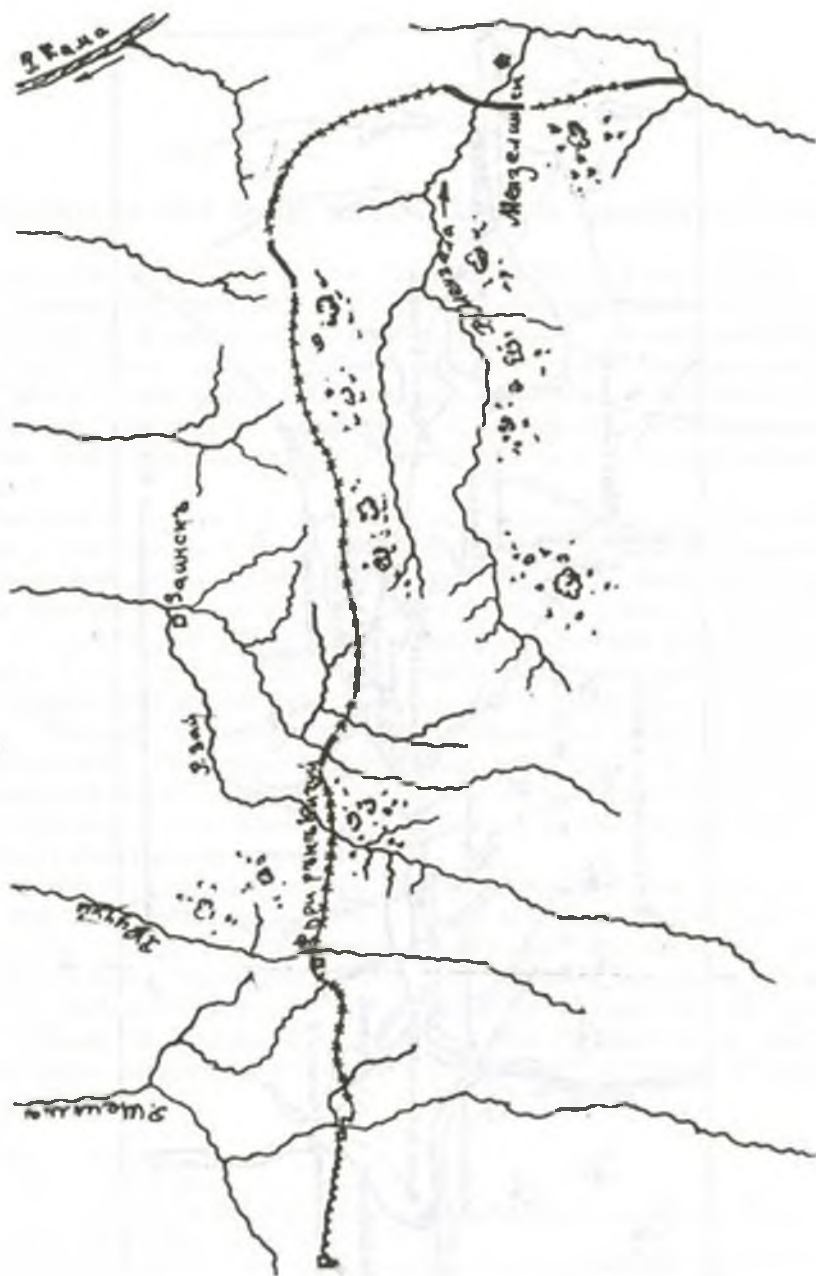

Рис. 19. Новая Закамская линия. Участок между рр. Кичум и Иком, где велись только проектные работы. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

Поэтому в данном разделе будет рассмотрено состояние инженерных сооружений только на первом обустроенном участке Новой Закамской линии.

В выписке из сенатских дел, времени строительства и эксплуатации линии, приведен перечень ее важнейших оборонительных сооружений и дано расстояние между ними в верстах. Приведем этот список, сохранив названия укрепленных пунктов так, как они даны в транскрипции второй четверти XVIII в.:

- Алексеевск – от Самары в 23 верстах (около 24,5 км),
- Красноярск – от Алексеевска в 25 верстах (около 26,7 км),
- редут Хороший – в 15 верстах (около 16,0 км),
- Чернорецкий фельдшанец – в 17 верстах (около 18,0 км),
- редут Орлянский – в 20 верстах (около 21,3 км),
- Сергиевская крепость – в 17 верстах (около 18,0 км),
- редут Заинский – в 15 верстах (около 16,0 км),
- редут Суружский⁵ – в 12 верстах (около 12,8 км),
- фельдшанец Кандурчинский – в 12 верстах (около 12,8 км),
- редут Тарханский – в 15 верстах (около 16,0 км),
- редут под Тарханским лесом – в 25 верстах (около 26,7 км),
- крепость Черемшанская – в 9 верстах (около 9,6 км),
- фельдшанец Шешминский – в 17 верстах (около 18,0 км),
- фельдшанец Кичуйский – в 22 верстах (около 23,5 км).

Итого в списке состояли 4 крепости, 4 фельдшанца и 6 редутов - всего 14 долговременных военно-оборонительных сооружений. В нем не учтены еще 5 сооружений, в основном редуты – Кинельский, Красный, один из Орлянских, Суровский (у перехода через р. Сок), а также Падовский ретраншемент⁶. Отсутствие в перечне этих оборонительных объектов вполне объяснимо тем, что при них не было основано поселений и, следовательно, они не имели постоянного гарнизона. Общая протяженность построенной линии составила по подсчетам составителей перечня 246 верст⁷. Скорее всего, эти подсчеты производились второпях, т.к. на самом деле сумма всех расстояний между укрепленными пунктами составляет около 244 верст (260,3 км). Но это вполне простительная погрешность. Важно другое. Создается впечатление, что вполне осознанно составители перечня включили в общую протяженность черты и расстояние от г. Самары до пригорода Алексеевска – 23 версты (около 24,5 км), хотя во всех остальных документах того времени, данный участок рассматривался вне Новой Закамской линии. Отметим еще одну особенность. В распоряжении из центра в 1732 г. руководству экспедиции указывалось: "а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться"⁸. Этот основополагающий принцип был выдержан следующим образом. Среднее расстояние между кре-

⁵ Правильнее Сурушский по реке Суруш, на которой он был устроен.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 392-392об.

⁸ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 92; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 158об..

постями и фельдшанцами, военно-оборонительными сооружениями одного типа, на участке между Алексеевской крепостью и Кичуйским фельдшанцем, составило около 30 км (27,6 версты). Если мы учтем те редуты, рядом с которыми были поселения и в которых стояли постоянные гарнизоны, то это расстояние уменьшится до примерно 17 км (15,8 верст). И, наконец, включив в число основных долговременных сооружений редуты, в которых не было постоянных гарнизонов, мы уменьшим это расстояние до 13,3 км (12,3 версты).

Разумеется это средние цифры. В лесных районах, опасность внезапного нападения кочевников была менее вероятной. Поэтому там расстояние между укрепленными пунктами увеличивалось. Например, от редута под Тарханским лесом до крепости Черемшанской протяженность засеки составила 25 верст (около 26,7 км), а от фельдшанца Шешминского до фельдшанца Кичуйского – 22 версты (около 23,5 км). Соответственно уменьшалось расстояние между укрепленными пунктами, защищавшими открытое пространство. Их гарнизоны, в случае необходимости, могли весьма быстро снестись между собой или соединиться для отражения общей угрозы.

Отметим, что сохранилось немало лестных оценок качеству выстроженных укреплений Новой Закамской линии⁹. Даже ее противники, в конце концов, вынуждены были признать, что инженеры экспедиции смогли творчески и со знанием дела воплотить в реальные оборонительные сооружения, полученные из Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии директивы.

Характеристика основных типовых укреплений

Вал и ров. Основной составной частью Новой Закамской линии являлась система вала и рва. Она, не прерываясь, тянулась от Алексеевской крепости до Заинского редута, а затем на участке между Заинским и Сурушским редутами (около 12,8 км) подменялась засекой. Вновь, начинаясь от Сурушского редута, непрерывные земляные укрепления продолжались до Кондурчинского фельдшанца. Далее по Тарханскому лесу была устроена еще одна засека до редута под Тарханским лесом (около 42,7 км). Следующий участок, прикрытый валом и рвом, находился между редутами под Тарханским лесом и Шешминском фельдшанцем, затем по лесу шла засека (около 20 км), которая неподалеку от Кичуйского фельдшанца в последний раз переходила в вал и ров. Таким образом, из, примерно, 240 км построенной линии протяженность земляных укреплений составила около 165 км, а остальные 75 км, т.е. менее чем третью часть занимала засека.

Для укрепленных линий этого времени такие их компоненты как **вал и ров**, в различных вариантах, были основными составляющими и для других более сложных сооружений – редутов, фельдшанцев, крепостей. Для того, чтобы современному читателю лучше представить сочетание отдельных элементов в этой системе, сложившейся в России в первой трети XVIII в. и во многом использовавшей не только на-

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 388, 392об., 398об.

циональный опыт противостояния кочевникам, но и лучшие традиции европейской полевой фортификации, приведем их краткую характеристику

При разрезе вала и рва выясняется, что они представляли весьма сложную систему, состоящую из нескольких самостоятельных элементов (рис. 20)¹⁰.

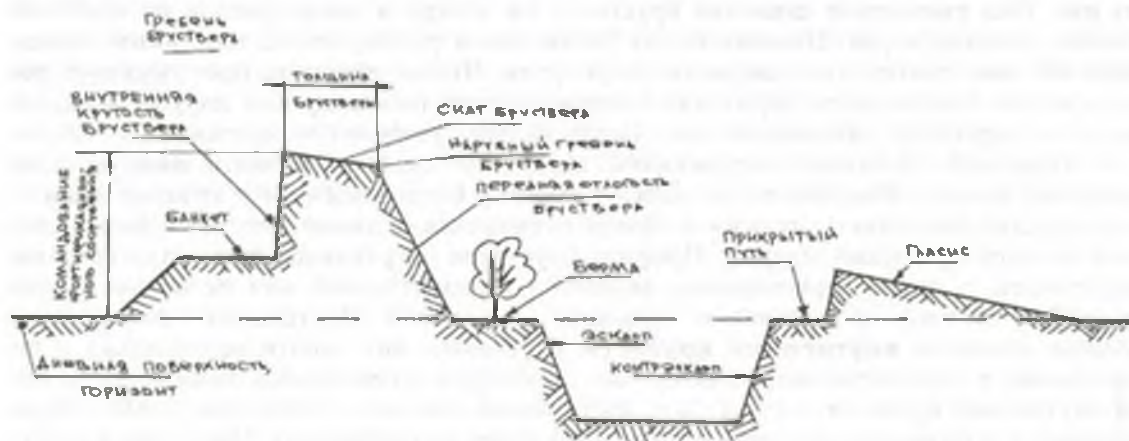

Рис. 20. Вал и ров Новой Закамской линии.

Первый внешний - это **гласис с прикрытым путем**. *Glatia* по латыни гладкая отлогость, покатость. Гласис - представлял собой пологую, постепенно возвышавшуюся от предполья, со стороны противника, ко рву насыпь, отсыпаемую за счет излишков земли из рва. Ширина ее составляла несколько метров, высота, как правило, доходила до 1 - 1,5 м. Гласис не сразу обрывался внешним откосом рва - **контрэскарпом**, а почти отвесно спускался к площадке перед рвом - **прикрытому пути** (его нередко называли **покрытым путем**; **покрытой**, **закрытой** или **прикрытой дорогой** и т.д.). Плоскость прикрытого пути, как правило, лежала на уровне **дневной поверхности** (**местного горизонта** или просто **горизонта**, как в фортификации называют поверхность земли, на которой возводили данное оборонительное сооружение). Прикрытый путь способствовал обороняющимся скрытно накапливать свои силы перед вылазкой и контратакой, то есть позволял сделать более активной защиту линии. В принципе он являлся также первым оборонительным рубежом, откуда под защитой гласиса можно было вести прицельный оружейный огонь.

В расположенном за прикрытым путем **рве**, выделяли внешнюю, ближайшую к противнику, стенку - **контрэскарп** и внутреннюю, более отлогую, - **эскарп**. Разумеется, стенки рва желательно было сделать максимально крутыми, но здесь все за-

¹⁰ Характеристику и названия отдельных элементов вала и рва мы даем по следующему изданию: Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М., 1946.

висело от качества почвы, от ее «калитета», как писали в XVIII в. Например, почвы содержащие много песка, непрочные, требовали более пологих склонов и наоборот.

Эскарп рва не сразу переходил в насыпь вала. Между рвом и насыпью находилась на уровне местного горизонта полоса земли - **берма**. Берма выполняла несколько функций. На ней помещали вспомогательных рабочих, когда отсыпали вал землей из рва. Она уменьшала давление бруствера на эскарп и предохраняла от осыпания земли с насыпи в ров. Нередко берму значительно расширяли и, тем самым, придавали ей самостоятельную оборонительную роль. Чтобы помешать преодолевшим ров атакующим использовать берму как промежуточную площадку для штурма вала, нередко ее укрепляли частоколом или сажали на ней кустарник и деревья.

Наиболее значимым сооружением всей этой системы являлся **вал**, высокая земляная насыпь. Внешняя часть вала - **бруствер** (нем. Brustwehr – грудная защита) - прикрывал защитников от огня и обзора противника, а также вместе со рвом перед ним являлся преградой штурму. Профиль бруствера очерчивался тремя плоскостями: внутренней – почти вертикальной, верхней - горизонтальной или несколько наклоненной в сторону противника и наружной, наклонной. Внутренняя плоскость, ее обычно называли **внутренняя крутость**, спускалась вниз почти вертикально и пересекалась с горизонтальной плоскостью, на которой размещались защитники. Высота внутренней крутости должна быть достаточной для того, чтобы прикрывать обороняющихся и позволять им вести прицельный огонь по противнику. Часть поверхности бруствера, заключенная между внутренней крутостью и внешней плоскостью – **скат бруствера** – была наклонена в сторону рва и предполья под углом в 30 – 40 градусов. Угол ската выбирался таким, чтобы не допустить на пространстве между предпольем и насыпью «мертвой зоны», закрытой от огня защитников укреплений. Пуля, из положенного на скат бруствера ружья, должна была пролетать над горизонтом не выше чем на 0,5 м. И, наконец, последний отрезок между скатом и бермой, назывался **передней отлогостью**. Если передняя отлогость бруствера по углу наклона совпадала со скатом, то есть обе плоскости сливались, то такой бруствер назывался **гласисообразным** или **гласиса**.

Толщина бруствера в фортификации определяется горизонтальным расстоянием между вершинами внутренней крутости и передней отлогости. При характеристике бруствера используется еще несколько понятий. Линия пересечения внутренней крутости с горизонтом называется **подшовой бруствера**, со скатом – **внутренним гребнем бруствера**, **прикрывающей линией**, **вершиной бруствера** или его **кроной**, пересечение ската с передней отлогостью – **наружным гребнем**.

Одним из важнейших понятий, характеризующих укрепления того времени, являлось **командование фортификационных сооружений** – превышение их линии огня (гребня бруствера) над местным горизонтом или гребнем бруствера другого сооружения впереди. Фактически это была высота данного укрепления над уровнем дневной поверхности.

Для размещения защитников вала использовался **банкет** (франц. Banquette – приступок) – насыпь на дневной поверхности земли, примыкавшая с тыла к брустверу. Высота банкета делалась такой, чтобы, стоя на нем, было удобно стрелять через бруствер.

Все эти укрепления изготавливались по весьма простой технологии. Главным строительным материалом являлась земля из выкапываемого рва. Объемы почвы, образующей вал и гласис, и полученной при рытье рва соответственно были равными. Сколько-нибудь своеобразных способов отсыпки вала и гласиса отдельными, не перемешиваемыми друг с другом слоями почвы различного качества или консистенции, не использовалось.

Для того, чтобы сделать насыпи более прочными, способными противостоять ветровой и водной эрозии, использовали метод, так называемой, **плакировки** (франц. Plaqueg – накладывать). При постройке полевых укреплений инженерная наука того времени требовала насыпать землю горизонтальными слоями от 15 до 30 см толщиной, с последующей поливкой их водой и трамбовкой "бабкою" весом около 1 пуда. Каждый последующий слой был немного уже чем предыдущий и образовывал ступеньку¹¹.

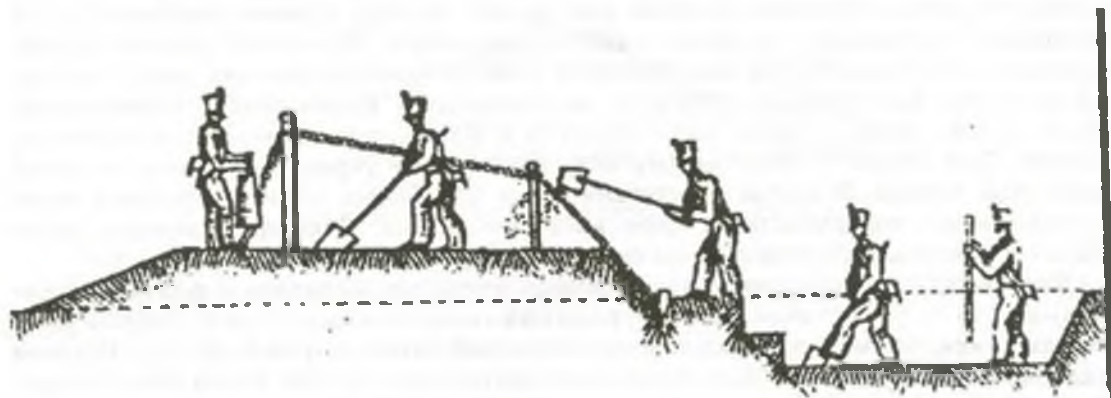

Рис. 21. Строительство оборонительной линии. Теляковский А. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. Второе издание, испр. и доп. СПб., 1848. Черт. 10.

Технология земляных работ на строительстве вала и рва хорошо описана одним из лучших специалистов по фортификации XVIII - XIX вв. А.З. Теляковским (рис.21). Вся территория для строительства линии делилась на участки, соответствовавшие дневной норме выработки одного отделения рабочих численностью от 4 до 6 человек. Рабочие расставлялись в 4, 5 или 6 шеренг, в шахматном порядке. Две или три шеренги ставились по ширине вала для выемки земли, одна на берме для перекидывания земли на бруствер, одна или две разравнивали землю слоями и трамбовали ее.

¹¹ Теляковский А. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. Второе издание, испр. и доп. СПб., 1848. С. 64; Назаренко К.В., Смирнов В.Н. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. СПб., 1998. №1(6);

Выемка земли из рва по правилам тогдашней фортификационной науки для единообразного углубления по боковым стенкам производилась равными уступами. Эти уступы затем срезали по надлежащему направлению отлогостей. При глубине рва более 6 футов (около 2 м), выкидывать землю на дневную поверхность становилось затруднительно, поэтому использовались носилки или тачки¹². Поверхностный слой земляных укреплений - бруствера вала, эскарпа и контрэскарпа рва и т.д. укрепляли дополнительно - бревнами, как это предлагалось, например, для отдельных участков Царыцынской линии,¹³ фашинами-связками прутьев, как это было на Карельском переходе¹⁴ или дерном. При строительстве Новой Закамской линии для укрепления поверхностей вала и рва, на участках вдоль Сока и к северу от Сергиевска использовался дерн. Его применяли в виде дернин — отдельных кусков дерна, вырезанных в форме небольшого, более или менее правильного параллелепипеда. Нормальные размеры одной дернины составляли 15 см толщины, 30 см ширины и 45 см длины. Но они могли быть и меньше и зависели от крепости и глубины растительного слоя¹⁵. Одежда дерном, производившаяся по всем правилам фортификации, была чрезвычайно медленным и кропотливым делом. Поэтому данный способ применялся далеко не всегда. Дернины выкладывали по откосу, по туго натянутому шнуру, попеременно, то длинной, то узкой сторонами (тычком или логом). Каждая дернина прибивалась 3-4 деревянными колышками - спицами и смачивалась водой. При такой укладке слоями специально смотрели, «чтобы швы верхнего слоя не приходились над швами нижнего, а были бы для большей прочности, в переплет»¹⁶. Корни травы, скрепляющие дернину в одно целое, должны были прорасти в землю, составляющую отлогость укрепления. Тем самым, к следующему лету все склоны укрепления имели плотный травянистый покров. В случае отсутствия дерна или фашин откосы укрепляли методом уплотнения поверхностного слоя насыпной почвы. Фортификационная наука XVIII в. не отвергала этот способ, но считала его менее действенным¹⁷.

Для лучшей обороны линии того времени имели так называемое **реданное начертание**, то есть состояли из ряда **реданов**, повторяющихся на прямолинейных участках линии, примерно, через каждые несколько сотен метров (рис. 22). Реданом (**редантом**) называлось полевое укрепление, состоявшее из двух фасов того же вала и рва, расположенных в виде исходящего угла (60°-120°). Расстояние между исходными точками этих двух фасов называлось горжей. Горжа (франц. *gorge* — шея, горло) — тыльная сторона отдельных укреплений. Прямые, делящие углы между фасадами пополам, назывались **капиталами**. Реданы позволяли обороняющейся стороне вести прицельный огонь, практически, параллельно прохождению линии. Таким образом, солдаты, находящиеся в них, могли активно поддержать защитников соседних укреп-

¹² Теляковский А. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. С. 64-65.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 29.

¹⁴ Назаренко К.В., Смирнов В.Н. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском переходе.

¹⁵ Шперк В.Ф. Фортификационный словарь.

¹⁶ Теляковский А. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. С. 65-66.

¹⁷ Басин Я. Полевая фортификация. М., 1798. С. 40-41; Мягков Г. Полный и новый курс военной архитектуры или фортификации. М., 1808. С. 163.

лений. Расстояние между реданами обычно определялось дальностью досягаемости стрельбы, ведшейся с двух соседних реданов.

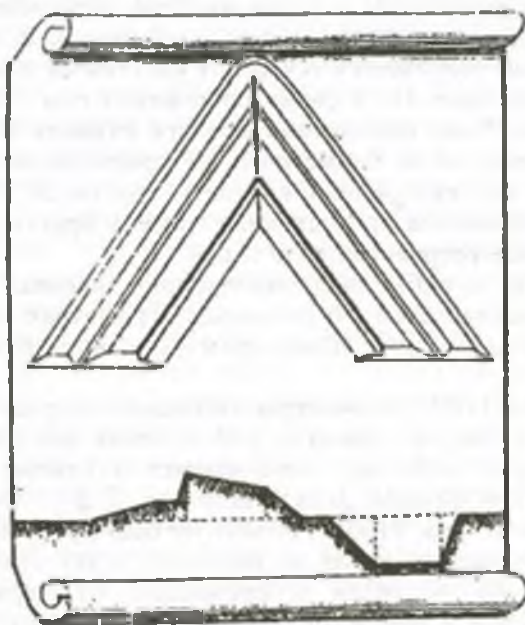

Рис. 22. Редан. Теляковский А. Указ. соч.

Вся эта система, использовавшаяся в первой половине XVIII в., являлась совокупностью весьма сложных и хорошо продуманных сооружений для защиты от нападений и более «регулярного», чем кочевники противника (рис. 2).

Теперь обратимся к требованиям, действовавшим при сооружении непосредственно Новой Закамской линии, за исполнение которых отвечал Илья Бибииков. Занимаясь проектом новой линии, руководство Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии выдвинуло следующие требования к инженерам экспедиции: «...берму делать шириною не менее 5 фут¹⁸ (около 1,5 м – Э.Д.)...Ров копать глубиною не менее 15 фут (около 4,6 м – Э.Д.), а шириною не менее 7 аршин (5,0 м – Э.Д.); наружную сторону того рва равнять и выше горизонта на 2 фута (0,6 м – Э.Д.) поднять, дабы неприятель, во время атаки ретраншаменты, принужден был больше себя открыть»¹⁹.

Однако, при сооружении линии осенью 1731 г. на восьмикилометровом участке к северу от Сергиевска, инженеры экспедиции во главе с Бибииковым действовали, исходя из собственных представлений об основных пропорциях вала и рва. К тому

¹⁸ При пересчете в современную систему мер округляем до 0,1 м

¹⁹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 91.

же никаких документов из центра они к этому времени не получили. Конфигурация построенных ими сооружений представлена на планах и в описаниях, присланных в Военную коллегию в конце 1731 г. Судя по этим чертежам, вал и ров имели совершенно иной профиль, чем подобные укрепления старой Закамской линии. Это были новые оборонительные сооружения XVIII в. с ощутимым влиянием традиций западноевропейской фортификации. Но в своих пропорциях они все же значительно отличались от тех, которые было предписано позднее строить Военной коллегией. Перед ровом отсутствует гласис, а на берме даже не предполагалось высаживать деревья и кустарник. Там же, где внутренняя крутость бруствера переходила в банкет, был устроен частокол. Его высота превосходила гребень бруствера. В то же время строители соблюли реданное устройство вала и рва.

Вполне очевидно, что Бибииков, несомненно, понимал поставленные перед ним задачи. Он имел представление об основных параметрах линейных оборонительных сооружений того времени, но в то же время никакого руководящего документа из центра не получил²⁰.

Отметим, что и в 1732 г. инженеры экспедиции первое время при строительстве линии от р. Самары к Соку исходили из собственных знаний об основных параметрах вала и рва. В рапорте Бибиикова, относящемся к самому началу строительства в 1732 г., говорится: «Ров показан делать шириною 7 фут, глубиною в 8 фут, заложения бруствера и з банкетами 21 фут, редант не болей друг от друга 150 сажен российских. Хотя иза рва и лишняя земля по величине бруствера имеетца, однако ж, оная будет употреблятца на поднятия в препорцию от верхнева горизонта 2 фута (примерно, 0,6 м – Э.Д.) наружной крутости рва по высокому россуждению Государственной Военной коллегии»²¹ (соответственно, 2,15 м, 2,44 м, 6,4 м, 320 м). О том же свидетельствует еще один документ: «...а прежде копан был ров точию шириною в 7 фут, глубиною в 7 фут». Но, следует отметить, что в отличие от предшествующего сезона, на линии стали строить гласис и сажать лес по берме. Только в конце июля из центра была получена «промемория» с необходимыми размерами этих сооружений. Но в то же время о «препорции редантов ничего в присланной промемории... не сказано»²².

Таким образом, только с конца июля 1732 г. инженеры экспедиции смогла применить, разработанные в Канцелярии главной артиллерии и фортификации, пропорции и размеры вала, рва и гласиса. Ландкарты 1733 и последующих годов уже содержат чертежи классического профиля этих фортификационных сооружений²³.

Но отдельные требования Военной коллегии и Канцелярии в условиях проведения линейных работ в Заволжье, были явно завышенными. Так, например, копать ров глубиной 15 футов (4,6 м) было совершенно не под силу. Поэтому в процессе строительства инженеры экспедиции вносили свои коррективы в предписания сверху. Судя по вычерченным на отдельных ландкартах разрезам вала и рва, ширина всей системы укреплений составила около 16 м. Она включила в себя следующие составные части.

²⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2083, 2084, 3954.

²¹ А ВИМАИВВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467.

²² А ВИМАИВВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523.

²³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277, 2286.

Первая внешняя - это гласис, шириной около 3,5 м и высотой 0,6 м (2 фута), с прикрытым путем перед рвом шириной, примерно 0,5 м (1,5 фута). Ширина рва по дневной поверхности составляла более 4,5 м (15 футов), по дну - около 2,1 м (7 футов), его глубина достигала около 2 - 2,5 м (7-8 футов). Берма, отделявшая ров от насыпи, была весьма широкой - около 1,5 м (5 футов). Вал представлял собой довольно сложное сооружение реданного типа. Он был устроен так, чтобы нападавшие, даже форсировавшие ров и прорвавшиеся через укрепленную кустарником или палисадом полосу бермы, находились в максимально поражаемой защитниками линии зоне. Командование вала над уровнем дневной поверхности составляло около 2,5 м, его ширина, примерно 6 м.²⁴ Ф. Ласковский, пользовавшийся источниками, хранящимися в «Инженерном архиве» (ныне это Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), приводит в своем описании Новой Закамской линии близкие к вышеуказанным данные²⁵.

Резкая крутизна передней отлогости бруствера сменялась пологой, с небольшим наклоном к противнику, площадкой его ската. На внутреннюю сторону вал резко спускался на 1,5 м, затем его почти вертикальную поверхность сменяла горизонтальная площадка для размещения защитников - банкет. Банкет переходил в пологий склон, спускавшийся под углом примерно в 30 градусов к земной поверхности.

Первоначально при проектировании линии в 1731 г. предполагали систему вала и рва укрепить палисадом. Он состоял из вертикально вкопанных на границе банкета и внутренней крутости бруствера бревен. Эти бревна, соединенные в единую стену и своими заостренными верхними концами слегка возвышающиеся над верхней точкой вала, должны были создать дополнительную защиту для солдат, находившихся непосредственно за палисадом²⁶. Но, уже в 1732 г., во время строительства Новой Закамской линии, для экономии средств поступили иначе. В распоряжении Военной коллегии Канцелярии артиллерии и фортификации было указано: "По всей оной линии и по всем редутам надлежит вместо палисаду, насадить часто терну, клену, липы и вязу, и прочаго к тому делу способнаго лесу, чтобы из онаго учинить живой плетень; и для сажения того лесу берму делать шириною не менее 5 фут (1,52 м - Э.Д.) и палисад ставить токмо около крепостей, а где будет живой плетень, там палисадов делать не надобно"²⁷. Потому то на всех профилях вала и рва Новой Закамской линии можно увидеть на берме схематическое изображение дерева. На участке от р. Самары до Сока, там, где было безлесное пространство, по просьбе строителей посадки деревьев и кустарника было разрешено заменить кольями из ветлы и осокоря. Они впоследствии могли бы разрастись в «живую изгородь». При обследовании Новой Закамской линии летом 2002 г., нам удалось обнаружить, что нередко ее укрепления выделялись среди безлесного пространства именно деревьями и кустарником, растущими на границе вала и рва.

При обустройстве вала и рва перед строителями Новой Закамской линии вставала еще одна задача - сделать эти сооружения как можно более долговечными.

²⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277, 2283, 2286.

²⁵ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 92.

²⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954, 4189.

²⁷ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

Земляные укрепления, если не приложить дополнительных усилий для защиты их склонов от талых вод, дождевых потоков, ветровой эрозии довольно быстро размываются, теряют свои прежние четкие очертания. В указах из столицы предписывалось: "...наружную крутость линии выклатъ дерном, или плакверком укреплять"²⁸. Последующие исследователи Новой Закамской линии, осматривавшие земляные укрепления (деревянных к этому времени не сохранилось) в середине XVIII – первой половине XIX вв., нередко упрекали ее создателей в том, что они пренебрегли важнейшими принципами фортификационной науки, не смогли дополнительно укрепить вал и ров, по крайней мере, их внешнюю сторону. Потому-то, по мнению наблюдателей, эти оборонительные сооружения черты оказались столь недолговечными. Капитан Генерального штаба М.И. Иванин, обследовавший сохранившиеся оборонительные сооружения в Заволжье во второй четверти XIX в., писал: "Фельдшанцы и вал вообще обросли травой, но редкою; слой чернозема на них не толст, а местами и совсем его нет. Из, этого, кажется, можно заключить, что укрепления линии не были одеты дерном"²⁹. Действительно, и в делопроизводстве экспедиции встречаются сведения о том, что вал и ров, построенные в предшествующие годы, необходимо обновить, так как они оплыли и потеряли прежние очертания. Например, на ландкарте Закамской линии 1734 г. вычерчены два профиля: один "Профиль линии как ныне сделано" с четкими рельефными очертаниями и второй "Профиль линии вниз по Соку переделана", на котором изображены оплывшие, потерявшие форму вал и гласис перед рвом³⁰. Видимо, строительство этих укреплений просто не было завершено в предшествующий год. Менее вероятно то, что они были ранее сделаны с нарушением технологии и уже за год начали уступать воздействию природных сил.

При сооружении подобных укреплений в 20 – 30-е гг. XVIII в. в российском инженерном искусстве использовались следующие методы защиты поверхностей вала и рва. Наиболее уязвимыми считались крутости вала и рва, обращенные к противнику. Самый распространенный способ для их укрепления состоял в обкладывании дерном. Методика покрытия дернинами указана выше. Обычно дерн закладывали в "полглубины", травяной слой давал корни, намертво соединяя материнскую почву с дернинами, склон укрепления оказывался хорошо защищенным от оползания, размывания и т.д. Такая технология была обязательной при строительстве. Реже дерн использовался для того, чтобы обложить поверхность всего вала. Крутости, не имевшие покрытия дерном, называли осыпными. При осмотре местности для строительства линии в отчетах обязательно указывались сведения о наличии дерна. Например, при создании ландкарты территории для будущего строительства Новой Закамской линии летом 1731 г., ее составители сообщали: "Дерну как на строение линии, так на редуты ничего не имеетца, а ежели повелено будет строить, то делать надлежит крутости плакверх, а лесу толикого числа достать вышепомянутое строение вблизиности ныне достать невозможно"³¹. Термин «плакверх» или «плака верк» (обычно плакверк) про-

²⁸ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

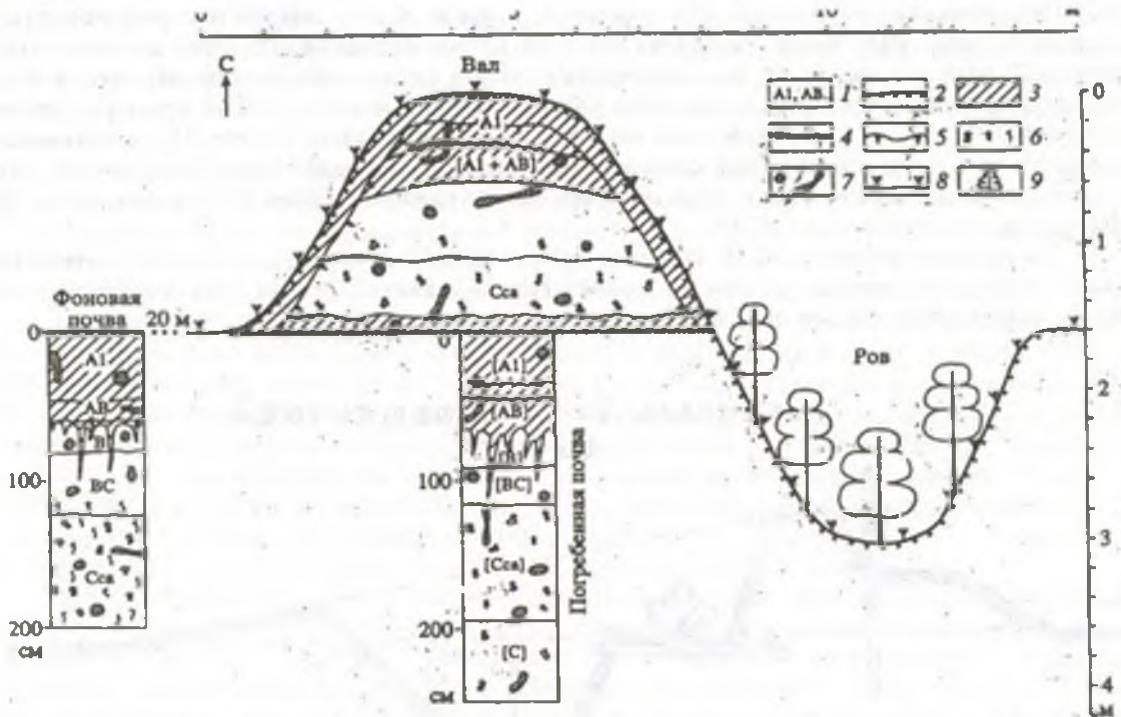
²⁹ Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник РГО на 1851 г. Ч. 1. Кн. 2. СПб., 1851. Отд. VI. Историческая география. С. 74.

³⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

³¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д.2080.

изошел от слова **плакировать**, т.е. покрывать сверху, укреплять поверхность (в данном случае земляного укрепления).

Обследование современного состояния вала Новой Закамской черты показало, что в ряде мест, в результате проведенных строительных и дорожных работ, можно наблюдать его профиль. Разрезы вала, в том числе и сделанные археологами, обнаруживают под задернованным верхним слоем однородную структуру насыпной почвы³².

Морфология и стратиграфия вала, погребенной и фоновой почв: 1 – индексы почвенных горизонтов; 2 – дерновый слой; 3 – тесный гумусовый слой; 4 – погребенная поверхность; 5 – линия вскипания; 6 – новообразования карбонатов (пятна, рыдлые стяжения, прожилки); 7 – кротовки; 8 – травяная растительность; 9 – кустарники.

Рис. 23. Разрез вала Новой Закамской линии. Демкин В.А. Погребенные почвы засечных черт Русского государства и вопросы древней и современной истории почвообразования // Почвоведение. 1999. №10. С. 1226.

В 90-х гг. XX в. обследование вала Новой Закамской линии у с. Лопатино Красноярского района Самарской области было произведено экспедицией Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. К сожалению, почво-

³² Обследование было произведено в июле 2002 г. по поручению Департамента культуры Администрации Самарской области.

веды исходили из ложной посылки. Они посчитали, что вал и ров на этом участке сохранились от старой Закамской линии, построенной в 1650-х гг. и только были обновлены «повторной досыпкой» во время сооружения Новой Закамской линии. Таким образом, возраст дневной поверхности погребенной под валом и самой насыпи был удивлен почти на 100 лет³³. Но для нас более интересно другое, а именно, вывод о том, что основная часть вала «сложена преимущественно тяжелосуглинистой почвообразующей породой желто-бурого цвета с высокой плотностью и глыбистой структурой». Это означает то, что вал был насыпан, прежде всего, землей из рва, которую, видимо, слоями уплотняли, по принятой в то время методике. Нижний десятисантиметровый слой насыпи вала, где количество гумуса резко повышается, вероятнее всего, сформировался при начале насыпки рва, когда первые слои снятой при разработке рва почвы, были не чем иным, как верхним гумусированным слоем. Ну и, наконец, поверхностные гумусированные слои вала были сформированы при обкладывании его дерном, а также в результате прохождения на протяжении более 270-ти лет почвообразующих процессов (рис. 23)³⁴.

По нашему мнению, М.И. Иванин, заявлявший, что поверхность укреплений не имела покрытия дерном, не совсем прав³⁵. Но, действительно, на ряде участков прикрыть укрепления дерном при их сооружении так и не удалось.

Профиль Ново-Царицынской
линии

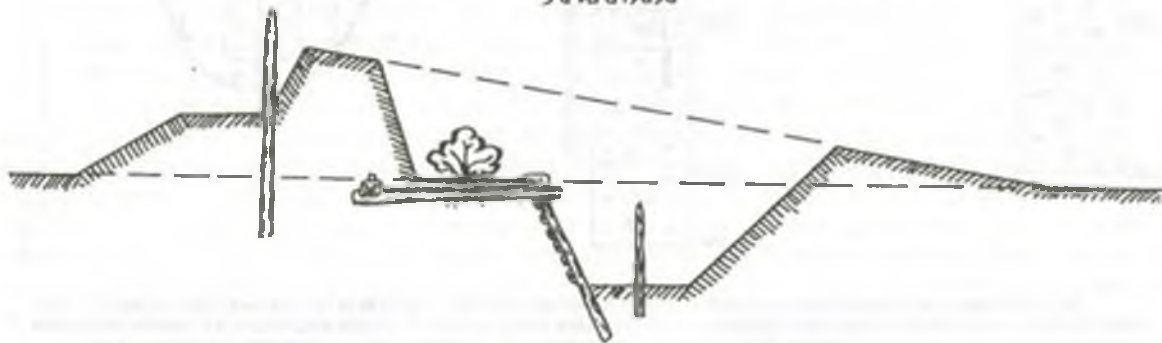

Рис. 24. Профиль вала и рва Ново-Царицынской линии. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 29. 1732 г.

Проектировщики предлагали в случае отсутствия дерна, наиболее важные участки внешней и внутренней стороны рва укрепить бревнами. В результате получалось достаточно сложное и трудоемкое при строительстве оборонительное сооружение. Таким образом, например, хотели обустроить в 1732 г. участок Царицынской

³³ Демкин В.А. Погребенные почвы засечных черт Русского государства и вопросы древней и современной истории почвообразования // Почвоведение. 1999. № 10. С. 1224, 1228-1229.

³⁴ Демкин В.А. Погребенные почвы засечных черт Русского государства и вопросы древней и современной истории почвообразования. С. 1226-1227.

³⁵ Иванин М.И.. Описание Закамских линий. 74.

линии, примыкавший к Дону (рис. 24)³⁶. На Новой Закамской линии этот способ возведения укреплений использовался крайне редко. Главным строительным материалом для защиты поверхности вала и рва, все же, оставался дерн. По материалам отчетов из Закамской экспедиции в Канцелярию главной артиллерии и фортификации становится ясно, что дерном обкладывали склоны на всем протяжении от Красноярской крепости до Сергиевска и далее по всему валу и рву вплоть до Кичуя.

Но, при сооружении линии в междуречье Самары и Сока в окрестностях производства работ не удалось обнаружить почв, удобных для изготовления дернин. В таком случае использовали метод поверхностного укрепления склонов, поливаемых водой и уплотняемых с помощью ударного воздействия «чекмарями», бабами и т.д. Инженеры писали, что так «плака верк делаеца». Более подробно этот способ описан в разделе книги, посвященном строительным работам 1732 г.

Чтобы сократить затраты на строительство, пространство между крепостями, фельдшанцами и редутами Новой Закамской линии пытались перекрыть валом и рвом, проведенными как можно более прямолинейно и, соответственно, имеющими наименьшую протяженность.

Очень интересно наблюдение вышеупомянутого Иванина. Он пишет: "...при подъеме или спуске с гор, переламывали линию вала так, чтобы из-за него можно было обстреливать скат горы"³⁷. Для того же, примерно, через 200 – 250 м (100 – 120 сажен) по всей длине Новой Закамской линии были устроены реданты (реданы). Они представляли собой выступы на линии в сторону противника в виде угла, близкого к прямому, стороны которого образовывали те же вал и ров (рис...). Горжа таких реданов, строившихся на участке от реки Самары к Соку составляла 40 сажен (около 85 м), капитал 20 (около 43 м), то есть значительно больше общепринятой тогда нормы. Бибиков распорядился делать реданты такого размера, не дождавшись «промемории» из Канцелярии главной артиллерии и фортификации³⁸.

Расстояние между редантами могло быть различным. Все зависело от того, настолько опасным от нападений кочевников было то направление, которое прикрывал данный участок линии. Бибиков в 1732 г. рапортовал Миниху, «реданты...росстоянием друг от друга 150 сажен российских»³⁹, то есть около 320 м, что определялось дальностью тогдашнего ручного огнестрельного оружия. Нередко, реданты устраивались в местах, где необходимы были дополнительные укрепления. Совокупность редантов и «изломов» вала - всех фортификационных ухищрений, позволили тому же Иванину прийти к выводу о том, что: "...вся линия эта представляет как бы укрепленный обширный лагерь. Видно, что позиционные войны на план устройства этой Линии имели современное влияние"⁴⁰.

Во всех тех местах, где строители должны были вести вал и ров через овражки, ручьи или небольшие речки устраивались надолбы, ставились «окованные» или простые рогатки, вбивались сваи. Надолбы, применялись в средневековом русском обо-

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 29.

³⁷ Иванин М.И. Описание Закамских линий С. 69.

³⁸ А ВИМАИВъВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523-523об.

³⁹ А ВИМАИВъВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523об.

⁴⁰ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 69.

ронительном искусстве постоянно. Они представляли собой бревна, вкопанные косо в землю навстречу противнику. Устроенные довольно часто надолбы создавали серьезное препятствие для набега конницы. Рогатки являлись более легким переносным оборонительным сооружением. Их изготавливали из заостренных по обоим концам и крестообразно закрепленных на бревне жердей. Высота рогаток доходила до полутора метров.

Засеки. Почти третью часть всей протяженности Новой Закамской линии составляли участки, проходившие по лесным массивам, и устроенные в виде засеки, - от Заинского редута до Сурушского - около 12 верст или 12,8 км; от Кондурчинского фельдшанца по Тарханскому лесу до редута под Тарханским лесом - около 40 верст или 42,7 км; от Шешминского фельдшанца, немногим не доходя Кичуйского - немногим менее 20 верст или 23,5 км. Таким образом, протяженность засеки составляла до 72 верст (79 км). По определению автора «Фортификационного словаря» Ф.В. Шперка: «Засека — препятствие, образованное деревьями, уложенными вершинами в сторону противника, одно возле другого или крест-накрест. Деревья очищаются от тонких ветвей, прикрепляются к земле крестообразно забитыми кольями или рогульками, а их толстые ветви заостряются. З. бывают местные и переносные. Местная З. устраивается на месте нахождения; для переносной — деревья доставляются со стороны волоком или же транспортом. З. применялись в глубокой древности (например, римлянами при укреплении лагерей). В XV — XVII вв. З. широко применяли и у нас для обороны границ»⁴¹.

Описаний устройства засек и работ по их возведению по Новой Закамской линии, к сожалению, не имеется. Создавший в конце XVIII в. руководство по полевой фортификации Я. Басин упоминает о нескольких видах засек, использовавшихся при строительстве оборонительных линий в России. По его мнению, засеки необходимо устраивать не на внешней, но на внутренней стороне леса. Перед засекой должно быть открытое пространство. Один из худших вариантов тот, когда деревья повалены навстречу противнику и лежат параллельно друг другу. Более трудно проходима для противника засека, устроенная из деревьев поваленных крест накрест. Но подобная работа требует значительно больше трудовых затрат. И, наконец, лучший вариант засеки, когда она идет ломаной линией из перехлестывающих друг друга стволов деревьев, да еще перемежается шанцами, расстояние между которыми позволяет солдатам, засевшим в них, поддерживать друг друга оружием огнем⁴².

Судя по всему, на Новой Закамской линии использовался второй вариант строительства засеки. Никаких «излишеств» в виде шанцев с палисадами не было.

Маяки. О том, что представляли собой маяки можно судить по изданному в 1723 г. указу Петра I. В нем содержалось требование во всех пограничных местах, при форпостах, караулах и дорогах устроить по три маяка или пирамиды, высотой в 3 сажени (более 6 м). К таким маякам и форпостам были прикомандированы конные караулы. При каждом маяке, содержать которой должны были драгуны и казаки, следовало иметь хворост или другие горючие материалы. Если поблизости появлялся

⁴¹ Шперк В.Ф. Фортификационный словарь.

⁴² Басин Я. Полевая фортификация. М., 1798. С. 77-79.

небольшой отряд противника следовало зажигать один маяк, крупные силы — все три⁴³.

Редуты. Редут в фортификации XVI — XIX вв. представлял собой самостоятельное оборонительное укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника (рис.25). В Европе редуты появились в XVI в., а в России широкое распространение получили с эпохи Петра I. Они являлись **опорными пунктами** всякой укрепленной позиции, в том числе и протяженных линий на юге и юго-востоке России. Правила по их возведению, условия расположения на местности и их конструкция составляли основное содержание курсов **полевой фортификации XVIII — XIX вв.**

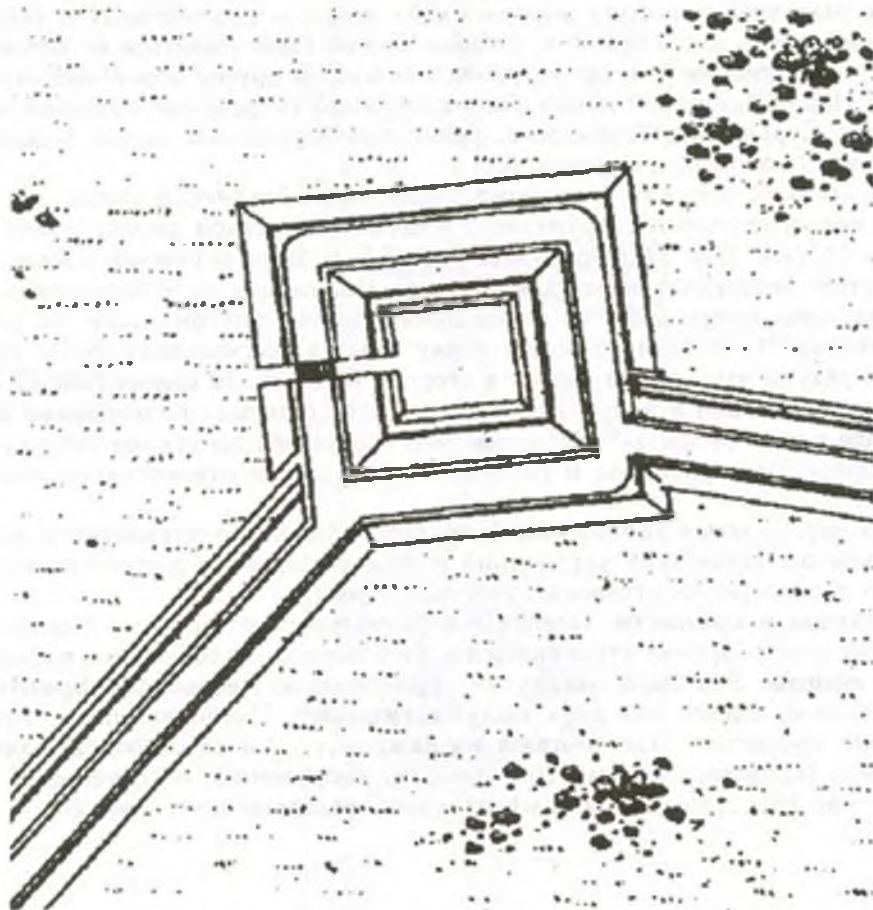

Рис. 25. Редут. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

⁴³ ПСЗ-1 СПб., 1830. Т. 7. № 4137.

Редуты Новой Закамской линии были самой простой квадратной формы. Как правило, они размещались на самой линии, примыкая к ней двумя противоположными углами, углом и стороной или двумя сторонами. Некоторые находились вне вала или засеки, но поблизости от них. Вал, ров и гласис, составлявшие стороны этих редутов, практически, были идентичными по конфигурации соответствующим сооружениям самой линии. Как правило, редут имел один вход, помещавшийся на одной из его сторон, обращенных к тылу линии, хотя иногда их бывало и больше. При въезде в редут, устраивались ворота и подъемный мост. Земляные укрепления редутов могли дополнительно усиливаться палисадом и т.д.

Редуты, как правило, служили для временного размещения небольших отрядов, караулов или разъездов и потому внутри их не имелось сколько-нибудь серьезных строений. Упоминались лишь будки, в которых можно было укрыться от непогоды. В более крупных по размерам редутах устраивались избы и другие подсобные строения.

Всего на Новой Закамской линии было сооружено 10 редутов: Хороший, Орлянский, Заинский, Суружский, Тарханский, редут под Тарханским лесом, Кинельский, Красный, второй Орлянский и Суровский.

Ф.Ф. Ласковский, рассматривая укрепления Новой Закамской линии, так пишет об этом виде оборонительных сооружений: "Редуты квадратной формы имели в стороне от 24 до 11 саж. (от 51,2 до 23,5 м – Э.Д.), и были окружены весьма узким прикрытым путем, неназначавшимся для обороны. Положение их относительно линии было различно: одни помещались на самой линии, другие внутри линии, на близком от нея расстоянии"⁴⁴. Несколько иную точку зрения высказывает М.И. Иванов: «...вообще все редуты этой линии имеют в стороне от 20 до 30 сажен (от 42,7 м до 64 м – Э.Д.) и примыкают к валу, так - что один угол с двумя прилежащими фасадами выдается в поле в виде реданта»⁴⁵. Отметим, что оба автора допускают некоторые неточности в определении размеров и расположения редутов относительно самой линии.

Здесь мы ограничимся только самой краткой общей характеристикой редутов. Более подробное описание этих укреплений и особенностей их расположения будет приведено при рассмотрении отдельных участков линии.

Фельдшанцы и крепости. Основными базовыми сооружениями Новой Закамской линии, как и всех прочих строившихся в этот период, являлись так называемые **бастионные шанцы**. Это были сомкнутые укрепления из нескольких **фронтов**, состоявшие каждый из одного или двух **полубастионов**⁴⁶. Наиболее употребительными из них были крепости с **бастионами** на каждом углу и со стороной **полигона** около 100 сажен (примерно, 213 м). Подобные же сооружения, но с меньшей стороной полигона – до 75 сажен (до 160,0 м), называли фельдшанцами (рис. 26).

⁴⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 92.

⁴⁵ Иванов М.И. Описание Закамских линий. С. 70.

⁴⁶ Телятевский А. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. С. 48.

Рис. 26. Проект укреплений Новой Закамской линии. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

По мнению фортификаторов «...существуют следующие определения К. а) К. — укрепленная позиция долговременного характера, позволяющая оборонять данный стратегический пункт наименьшими силами против превосходящих сил неприятеля и снабженная еще в мирное время всем необходимым для ее обороны, упорной и вполне самостоятельной; б) К. — стройное, всегда готовое к бою сочетание войск, управления, вооружения, запасов и долговременных укреплений, приспособленное для самостоятельной обороны данной точки, имеющей военное значение, малыми силами против превосходящих сил неприятеля до конца войны; в) К. — стратегический пункт, укрепленный средствами долговременной фортификации и снабженный постоянным гарнизоном, вооружением, запасами и управлением»⁴⁷. Разумеется, между крепостями, защищавшими отдельные стратегические рубежи страны, представлявшими собой целые города и сравнительно простыми по конструкции крепостями и фельдшанцами оборонительных линий, были весьма значительные различия.

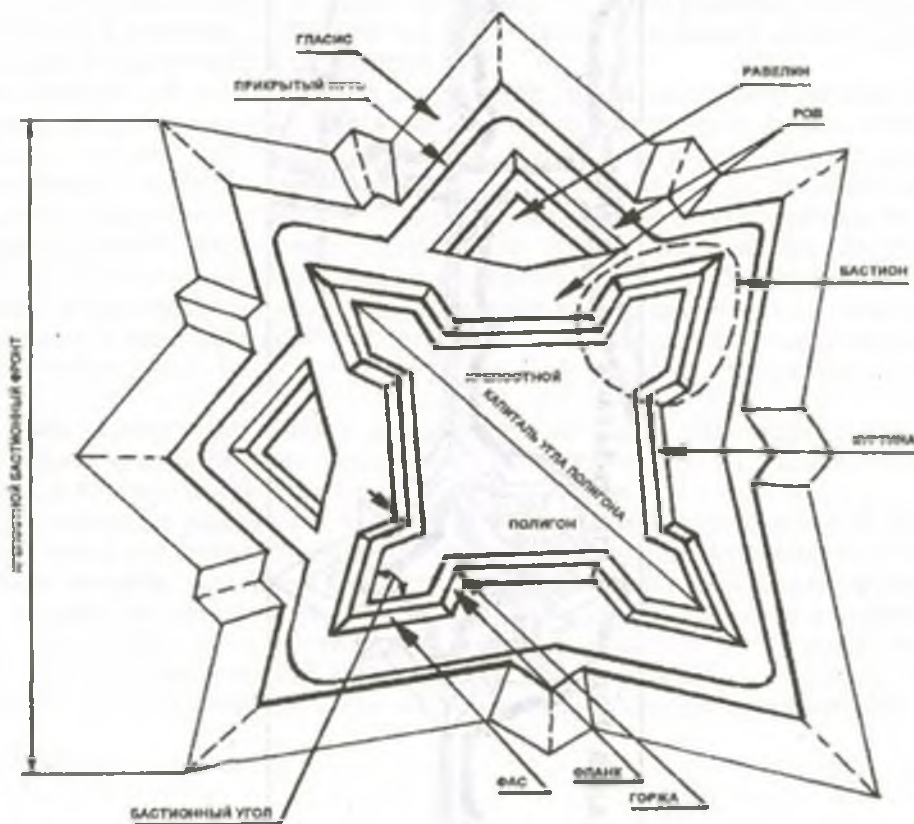

Рис. 27. Основные компоненты крепостей и фельдшанцев Новой Закамской линии.

⁴⁷ Шперк В.Ф. Фортификационный словарь..

Система оборонительных сооружений в крепостях и фельдшанцах была более сложной и поэтому следует остановиться на характеристике ее основных компонентов, используя терминологию, приведенную в справочниках по фортификации (рис. 27).

В плане они представляли собой прямоугольники, близкие к квадрату, противоположными сторонами или углами примыкавшие к самой линии. Все 4 угла оборонительного сооружения увенчивались **бастионами**. **Бастион** (итал. bastionato — всякая выступающая постройка) представлял собой пятиугольное **долговременное укрепление** с двумя **фасадами**, двумя **фланками** и открытой **горжей**. Иногда в России первой половины XVIII в. для обозначения бастионов употреблялся термин **больверк**.

Фас (франц. face — лицо) — это сторона укрепления, обращенная к противнику, в «поле». Угол, составленный фасадами **бастиона**, называется **бастионным углом**.

Фланк (франц. flanc — бок) — в фортификации короткая сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная, линии фронта. В бастионной системе — сторона **бастиона** между **фасом** и **куртиной**, где обычно устанавливались орудия для стрельбы вдоль рва перед куртиной.

Куртина (итал. curitne — завеса) — участок крепостной ограды между **фланками** двух смежных **бастионов** или между двух башен.

Сочетание фасов долговременного укрепления (**крепости**), имеющих самостоятельную фланковую оборону рвов, называлось **крепостным фронтом**. Имелись различные типы крепостных фронтов, которые зависели от характера фланкирования. Нас, в данном случае, интересует **бастионный фронт**. **Бастионный фронт** образуют обращенные друг к другу половины двух смежных бастионов и соединяющий их участок одной укрепленной стороны крепости — **куртина**.

Соединение нескольких бастионных фронтов, усиленных вспомогательными постройками, называлось **бастионной системой**. Следовательно, бастионная система оборонительного сооружения прямоугольной или близкой к квадрату формы имела четыре бастионных фронта.

Все пространство крепости (и подобного ей сооружения) было ограничено **крепостным многоугольником**, который называли **крепостным полигоном** (греч. poly — много и gonia — угол). Он представлял собой многоугольник, вдоль сторон которого располагаются **крепостные фронты**. Это понятие является одним из важнейших для характеристики оборонительных сооружений. Отечественные инженеры, по крайней мере, в первой половине XVIII в., действовали в соответствии с положениями и терминологией знаменитого Вобана, авторитет которого в то время в России был непререкаем. Они нередко для характеристика полигона, его размеров использовали такие термины как **полигон внутренний** или **интериор**, **полигон внешний** или **экстериор**⁴⁸. Отдельные стороны многоугольника называются **линией полигона**; углы, ими образованные, **углами полигона**. Кроме того, для характеристика полигонов использовался выше упоминавшийся термин **капитал**.

Кроме вышеуказанных бастионов и куртин, любую крепость могли защищать как внутренние, так и внешние строения. **Внешними постройками** назывались

⁴⁸ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Петра Великого. СПб., 1861. С. 571.

крепостные **вспомогательные постройки**, располагающиеся впереди линии огня главного вала. Они делились на наружные (между валом и **гласисом**) и передовые (впереди гласиса). К наружным относились: уже известный нам, **прикрытый путь**, **плацдармы**, примыкавший к эскарпу **равелин** и прочие. К передовым — равелин, вынесенный за гласис и другие.

Плацдармы делились на **входящие** и **исходящие**. Входящим плацдармом называлось уширение **прикрытого пути** на входящих углах в **крепостях** бастионной системы. Входящие плацдармы служили для сбора войск, для вылазок и для продольного обстрела длинных крыльев **гласиса** перед **бастионами**. Исходящий плацдарм — это уширенная часть прикрытого пути на исходящих углах в **крепостях** бастионной системы, служившая для сбора гарнизона во время вылазок.

Равелин (лат. *reveleere* — отделять) — треугольная постройка перед **куртиной** впереди крепостного рва, служащая для поддержки огнем атакованных **бастионов** и для прикрытия от огня куртины.

Как правило, основой для укреплений бастионов, куртин, равелинов являлась та же самая система вала и рва, характеристика которой дана выше. Одним из старейших средств укрепления и усиления земляных валов являлся палисад. При сплошной установке бревен в палисаде пробивались **бойницы** для стрельбы.

Внутри укрепленного пункта находился целый ряд сооружений: пороховые погреба, караульные избы, колодцы и т.д., характеристика которых будет приведена при описании отдельных частей линии.

На российских оборонительных линиях XVIII в. земляные крепости и фельдшанцы представляли собой однотипные сооружения, отличавшиеся, как правило, только в размерах. И те, и другие строились весьма быстро, имели в своей основе, преимущественно, земляные укрепления и служили для размещения гарнизона в случае сравнительно кратковременной осады кочевниками. Наиболее четкая характеристика такого рода сооружений для Новой Закамской линии приведена у Ф.Ф. Ласковского. Он следующим образом характеризует Красноярскую и другие новопостроенные "крепостцы": "Крепостцы составляли бастионные четырехугольники, при сторонах полигона в 100 и 125 саж. (*от 213,4 до 266,7 м — Э.Д.*), с одним равелином; контрэскарп окружен был прикрытым путем с плацдармами. Вал имел командования 18 фут., равелин — 11 фут., гребень гласиса — 7 фут (*соответственно 5,5; 3,4 и 2,1 м — Э.Д.*). Фельдшанцы составляли также бастионные четырехугольники, но при сторонах полигона в 55 до 75 саж. (*от 117,4 до 160,0 м — Э.Д.*); два из них имели равелины и все были окружены прикрытым путем. Бруствер главного вала имел командование от 10 S до 12 фут., равелин — 8 фут., гласис — 5 S фут. (*соответственно, от 3,2 до 3,7; 2,4 и 1,7 м — Э.Д.*).... Ландмилицкие слободы, лежащие при крепостях, фельдшанцах и редутах, были окружены также оборонительными оградами Они представляли вообще реданный вал, профили обыкновенного полевого укрепления, иногда с бастионными выступами, окружая собою селение со всех, или только с некоторых сторон"⁴⁹.

⁴⁹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III.. С. 92-93.

О том, насколько фельдшанцы и крепости линии соответствовали уровню тогдашнего военно-инженерного искусства и могли быть эффективно использованы против кочевников, свидетельствует мнение еще одного специалиста - капитана Генерального штаба, будущего генерал-лейтенанта и военного историка М.И. Иванина: "Все укрепления эти хорошо применены к местности: ружейный и пушечный огонь везде почти обстреливает окрестность"⁵⁰.

Вся эта совокупность фортификационных сооружений в комплексе составляла собой российскую оборонительную линию XVIII в., в том числе и Новую Закамскую.

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению отдельных участков Новой Закамской линии.

Юго-западный фланг (город Самара – пригород Алексеевск)

Город Самара формально не входил в состав Новой Закамской линии. В первые годы работы экспедиции Самара крайне редко упоминается в документах, посвященных ее деятельности. Но даже в это время Наумов и его сотрудники должны были считаться с наличием поблизости сравнительно крупного военно-административного центра. При строительстве участка, прикрывавшего междуречье Самары и Сока, подвоз материалов и оборудования, несомненно, осуществлялся через этот город. Полки ландмилиции для Новой Закамской линии первое время на зимние квартиры размещали в Самаре, как, собственно, и в других городах Казанской губернии.

Что же представляла собой Самара и ее гарнизон в конце 1720-х – первой половине 1730-х гг? Участник Персидского похода иностранец на русской службе Питер Брюс так охарактеризовал вид города в 1722 года: "Форма Самары квадрат, и укрепления, и здания все деревянные, исключая церкви и монастыри"⁵¹. Более полно внешний облик Самары, ее застройку можно представить по рисунку второй половины 1730-х гг. англичанина Джона Кестля. Самара на нем предстает небольшим городком, спускающимся по склону возвышенности к волжскому берегу, с тесной деревянной застройкой, несколькими храмами; возвышающейся над остальными зданиями сторожевой башней, другими укреплениями в виде земляного вала, деревянных башен и частокола⁵².

Более точно и содержательно вид Самары, и, прежде всего, ее укреплений передают русские официальные документы того времени. Сохранилось несколько описаний и план города конца 20 – начала 30-х гг. XVIII в. В 1728 г. подробные сведения о Самаре, Сызрани и пригороде Алексеевске сообщил для Петербургской

⁵⁰ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 73.

⁵¹ Польской С.В., Дубман Э.Л. Сообщение о Самарском крае в мемуарах П.Г. Брюса // Самарский земский сборник. 1997. №1. С. 72.

⁵² Смирнов Ю. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О "дневнике" и гравюре Джона Кестля // Самарская область. Этнос и культура. 1998. №1-2. С. 45-48.

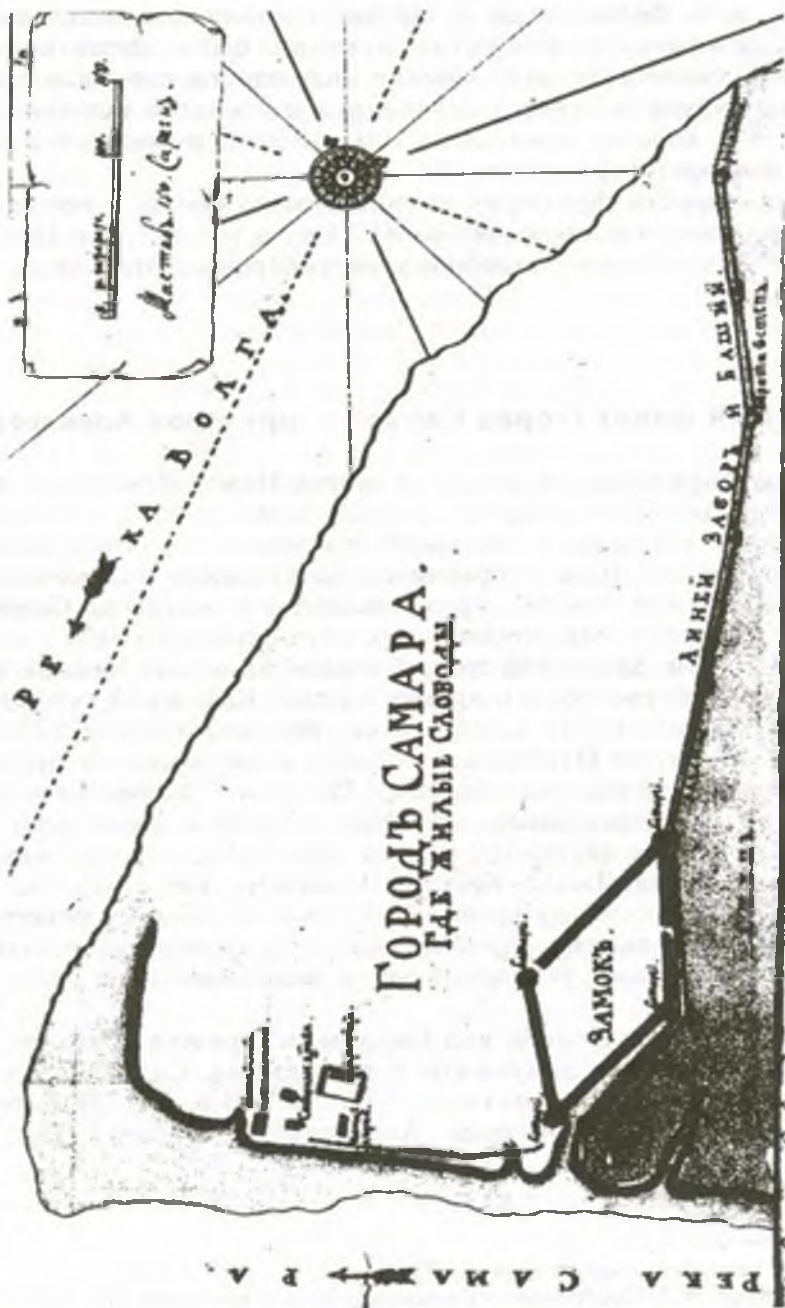

Рис. 28. Город Самара в начале 1730-х гг. РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

герольдмейстерской конторы симбирский провинциальный воевода⁵³. В 1728 – 1729 гг. “Росписной список” Самары составил местный воевода подполковник А.И. Кушников⁵⁴. К началу строительства Новой Закамской линии и приезду весной 1731 г. в Самару Наумова воеводой в город был назначен майор Яков Никифорович Сытин⁵⁵. По его указанию и было составлено то описание городских укреплений и гарнизона, которые должны были увидеть вновь прибывшие члены экспедиции. Кроме того, план Самары с крепостными и другими оборонительными сооружениями был включен в одну из ландкарт, составленную инженерами Закамской экспедиции в 1733 г.⁵⁶ Он-то и является первым из известных нам чертежей Самары XVII – XVIII вв. (рис. 28).

Эти и другие материалы позволяют представить состояние Самары в годы деятельности Закамской экспедиции. Подробное описание системы укреплений и внешнего вида города в первой половине XVIII в. приведено в работах известных самарских краеведов А.К. Ширманова и Е.Ф. Гурьянова⁵⁷. В целом с этой характеристикой можно согласиться, поэтому мы вкратце остановимся только на основных ее сторонах.

На плане город с жилой застройкой и оборонительными сооружениями хорошо вписывается в излучину рек Волги и Самары и образует фигуру, близкую к равнобедренному треугольнику. Стороны - прилегающая к Волге и степная – примерно равны, протяженность каждой из них достигает почти 1,5 км. Основание опирается на р. Самару и составляет около 0,7 км.

Прежние “кремль и палисад” старой Самары “згорели без остатку” в 1703 г. Новый “замок” был выстроен на свободном месте, примерно в 200 м к северо-востоку от сгоревшего кремля – “от жилья к степи”, в районе современной Хлебной площади. Это была земляная крепость в форме равностороннего ромба, “замок”, как ее называли современники, без бруствера, с частоколом по вершине вала. По внутреннему промеру полигон “замка” составлял 398 сажень (около 850 м), по внешнему – 480 (около 1024 м.) и, соответственно, линия полигона до 250 м. Капитали углов полигона составляли, примерно, 400 м и 200 м. Общая площадь крепости не превышала 4 гектаров. По ее углам находились круглые земляные выступы с бруствером - бальверки, в которых размещалась артиллерия. Три из них имели дополнительные укрепления в виде бревенчатых “струбами” щитов, т.е. казематов. О сооружениях внутри крепости сведений крайне мало. Создается впечатление, что там практически не было застройки. Известно лишь, что в ней была устроена восьмиугольная башня из соснового леса, называемая раскат. В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот и одни - “тайнишные”. Обе стороны крепости, обращенные к степи, были защищены с внешней стороны рвом с рогатками. К началу 1730 г. крепость находи-

⁵³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 853-872.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 873-897.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

⁵⁷ Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI – XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 10-21; Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары: Очерки истории градостроительства. 2-е изд., пераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 76-81.

лась в плачевном состоянии “Город Самара...земляной - ветх, во многих местах обвалился”. Чтобы хоть как-то усилить его оборонительные функции, “по стене к степи учинен заборец вновь из соснового лесу”. Вся прочая жилая застройка города была защищена, тянувшимися от северной оконечности крепости, деревянными крепостными заграждениями - забором, перемежаемым 5 сторожевыми башнями, а также палисадом из бревен и рогатками. Эта система укреплений выходила к Волге в районе современной площади Революции⁵⁸. В описании 1731 г., сделанном при воеводе Сытине, приведена наиболее полная ее характеристика⁵⁹.

Рядом с северным “больворком” была устроена проезжая 4-х угольная сосновая башня, где находился один из 2-х въездов в город со стороны степи. Позднее, дорога, ведущая к этим воротам, стала называться Оренбургской, а до этого по ней ездили из пригорода Алексеевска. От башни, закрывая от нападений расположенные рядом самарские слободы, тянулись “сосновые заборы в столбах с перерубами, что называется тарасы до проезжих Вознесенских ворот по мере 267 сажень” (примерно 570 м). Тарасы представляли собой бревенчатые рубленные укрепления с поперечными перерубами. Образовавшиеся внутри камеры, засыпали землей и камнем. Для того, чтобы усилить этот оборонительный рубеж, в забор были встроены “две сосновые четырехугольные башни без верхов”. Сами Вознесенские ворота были защищены еще одной башней. Далее, на протяжении 150 сажень (примерно, 320 м), тянулся недавно построенный, еще “новый” забор, без тарасов, заканчивающийся Волжской башней. Он также, примерно посередине, был защищен еще одной сосновой башней “без верху”. И наконец, от “Вольской башни к Волге реке до самого до берегу обнесено рогатками в два ряда по мере 50 сажень” (около 107 м). Таким образом, общая протяженность укреплений, защищавших город от нападений со стороны степи и тянувшихся от р. Самары до Волги, вместе с внешней стороной замка, составляла около 1,5 км. Перед этой линией с внешней стороны были устроены еще и рогатки.

На юге, по правому крутому берегу р. Самары, город также имел укрепления, правда, не столь основательные. От южного бастиона “замка” до р. Самары шел забор (его протяженность составляла 63 сажени – около 134,5 м)⁶⁰ и линия рогаток, а затем, вдоль правого берега р. Самары к Волге, по крайней мере, до территории, где ранее размещался старый город, также шла линия рогаток. На месте старого сгоревшего деревянного городка располагались воеводская канцелярия, так называемый «дворец», артиллерийский магазин и соборная церковь⁶¹.

Эта система укреплений, созданная (после пожара 1703 г., когда сгорела старая крепость), по всей видимости, в 1706 г. комиссаром А. Сергеевым свидетельствует о том, что территория, занимаемая Самарой к началу XVIII в., значительно увеличилась. Следует отметить, что возобновленные укрепления города и, прежде всего, «земляной замок», были весьма просты и дешевы. В условиях Северной войны правительство не хотело тратить на укрепления скромного уездного города, которые к

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 854об.-855об.; Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. С. 529.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 873-897.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 462. Л. 829-830.

⁶¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 875. Карты.

тому же были вполне достаточными, чтобы отразить нападение кочевников. Тем более, в этом же году была основана Алексеевская крепость, прикрывшая с востока подступы к Самаре⁶².

Характерно, что значительная часть деревянных сооружений, судя по описаниям 1728-29 и 1731 г., находилась в плачевном состоянии. Рогатки «по местам погнили и обвалились», «ветхи», «ветхая башня», «земляной город обвалился, 2 глухих башни – тоже» - такие характеристики укреплений встречаются постоянно⁶³. Например, в тот же год воевода Сытин доносил в администрацию Казанской губернии о том, «что в Самаре крепость и рогатки обветшали, все гнилое...» и просил средства и материалы на починку». Артиллерийское вооружение города также оставляло желать лучшего. В городе было всего 6 годных к стрельбе чугунных пушек, да и то под ними «станки и колеса погнили и поломались». Поэтому, по мнению воеводы, следовало прислать «16 пушек чугунных и порох и свинец, да 4 походные пушки». Это донесение дошло до Военной коллегии и даже до Сената. В октябре 1733 г. из Военной коллегии в Казанскую губернскую канцелярию поступил указ о ремонте крепости в Самаре, заготовке леса и т.д. Просьбу Сытина в артиллерии удовлетворили только частично, а пока новые пушки должны были привезти в Самару, воеводе предложили опираться на помощь Наумова. Затруднения в финансировании, обновлении укреплений и перевооружении города были обусловлены, прежде всего, тем, что город «с другими регулярными крепостями не числится»⁶⁴. Действительно, в представленном Минихом в 1729 г. новом штате крепостей, Самара была указана как «иррегулярная» крепость. Задачи ее были указаны весьма определенно: «Самара, за неимением на Волге с луговой стороны другого города, для удержания калмыцких, башкирских, а наипаче казачьих орд и каракалпаков»⁶⁵. Создается впечатление, что если прошение самарского воеводы и удовлетворили, то только в весьма ограниченных размерах, так как в 1740 г. вновь встал вопрос о ветхости крепости, слабости артиллерии и плохом состоянии гарнизона⁶⁶.

Самара второй трети XVIII в. была не таким уж и маленьким, по масштабам того времени, городом. Судя по плану 1733 г., внешняя линия укреплений охватывала весьма значительную территорию, на которой размещались жилые и хозяйственные постройки, административные здания, торговые заведения и т.д. Документы о пожаре 1745 г., во время которого сгорела большая часть жилого фонда, свидетельствуют, что в городе было 588 обывательских дворов⁶⁷.

Гарнизон Самары по данным 1731 г. насчитывал 918 человек. В их число входили 32 дворянина (из них 12 отставных) и 18 иноземцев. В 2-х ротах, прикомандированных к городу из полков астраханского гарнизона, состояло:

⁶² Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 156.

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Д. 462. Л. 753, 829-830.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 456. Л. 363-363об.; Д. 462. Л. 747-748.

⁶⁵ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 9-16.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 462. Л. 825, 831.

⁶⁷ Самарское Поволжье с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 141.

– в первой роте во главе с капитаном М.П. Черкашениновым числилось всего 123 солдат. Из них в пригород Алексеевск было откомандировано во главе с подпрапорщиком Н.В. Слободиним 45 человек;

– во второй роте под командованием поручика М.Д. Лебедева состояло 120 человек. Из них в Алексеевск во главе с капралом А. Смышляевым было послано 44 человека.

Численность самарских казаков насчитывала 92 человека. Кроме того, 35 казаков были посланы к саратовскому воеводе для защиты калмыков.

Пушкарей было 8 человек.

Весьма значительными являлись еще две группы среди самарских служилых людей - отставные солдаты - 95 человек и «малолетние солдаты» – 292 человек⁶⁸. Таким образом, несмотря на большую численность, реальная боеспособность военных сил Самары была невысока.

Для пропитания жителей и части гарнизона в междуречье Самары и Сока в конце XVII – начале XVIII вв. городу были примежеваны земли. Сельскохозяйственные и промысловые угодья самарян тянулись по реке Самаре до устья Большого Кинеля, а по Волге до устья Сока. Несомненно, что весь этот район находился под постоянным присмотром самарского гарнизона.

Для защиты дальних подступов и создания безопасных условий для хозяйственной деятельности населения к востоку от него на возвышенном (его иногда называют даже горой) правом берегу реки Самары, в 1706 г. был выстроен пригород Алексеевск. Он то официально и являлся начальным пунктом Новой Закамской линии.

В 1728 г. симбирским провинциальным воеводой было составлено описание 3-х «городов» – Самары, Сызрани и Алексеевска. В нем приведена наиболее полная характеристика недавно построенного пригорода. Описание настолько интересно, что мы приводим его, практически, полностью: “От города Самары в дватцети шти верстах имеетца пригород Алексеевск. Построен вновь на реке Самаре в угоре, земляной, на три угла клином и ныне осыпался и вместо крепости по тому городу обнесено забором мерой в трех стенах ... по тритцети по осми сажен. В круг ево был ров и ныне весь осыпался и в круг всего жилья обнесено забором и при том заборе от приходу воинских людей каракалпак и других приходов рагатками .... А живут в нем люди руские прапорщик – один, капралов – четыре, салдат – девяносто восемь, казаков – сорок восемь, посадских – дватцеть, бобылей – семь человек (с. 100). *... это м. солдаты, которые посланысь из самары - э. д.*”. А стоит город на берегу реки Самары. Стороны его – болото впало в Самару, а з дву сторон пришла дикая степь, а лесов близко нет, только лес по реке Самаре да по Кинелю. И та река Кинель в расстоянии от того города в версте пала в реку Самару и по тем рекам Самаре и по Кинелю лес...А построен тот город на перелазех их воинских людей вместо охранения от воинских людей...”⁶⁹.

Таким образом, первоначальная земляная крепость в пригороде имела оригинальную форму равностороннего треугольника. Длина каждой из сторон составляла

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 880-896

⁶⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

около 80 м. Деревянные укрепления по местному преданию сгорели в конце XVIII в., а следы земляного городка были отчетливо видны в восточной части селения еще в 1870-х гг.⁷⁰ Укрепления городка по форме отдаленно напоминали корабль. Еще в первой половине XIX в. местные жители называли их остатки “кораблем”, а одну из сторон, обращенную к реке, “кормой”⁷¹. Для пропитания казачьего гарнизона крепости, стольником Семеном Константиновичем Дмитриевым были отведены более 20000 десятин земли⁷². Позднее, в 1731 г. этот отвод был подтвержден указом Симбирской провинциальной канцелярии.

Пространство между Самарой и Алексеевском протяженностью 23 версты - около 24,5 км, (по другим данным 26 верст или, примерно, 28 км) было хорошо защищено правым возвышенным берегом р. Самары. Между двумя укрепленными пунктами существовала оживленная дорога, налаженная служба разъездов и временных постов.

В ходе строительства линии в устье притока Самары, небольшой речки Падовки, на стороне ближней к городу было сооружено временное земляное оборонительное сооружение - Падовский ретраншемент⁷³. Полигон его составлял 60 сажен (128 м), укрепления были «отделаны» дерном, въезд прикрывали «палисадные ворота» и подъемный мост⁷⁴. Ретраншемент не имел своего постоянного гарнизона. Он служил для размещения временных постов, разъездов казаков и отставных солдат Самары и Алексеевска. По мнению руководства экспедиции, это укрепление могло использоваться для отражения набегов кочевников во время сенокоса и выпаса табунов⁷⁵. Ф.Ф. Ласковский, рассматривая этот участок линии, пишет, что он “был еще защищен сомкнутым бастионным окопом, называвшимся Подовским ретраншаментом”⁷⁶. Определенное недоумение вызывает само обозначение оборонительного сооружения – “ретраншемент”. Обычно в практике военного инженерного искусства так называют вспомогательную фортификационную постройку для усиления внутренней обороны, расположенной впереди полевой позиции или долговременного укрепления (франц. *retrencher* — отделить, укрепить). В нашем случае он был создан как самостоятельное оборонительное сооружение и входил в состав Новой Закамской линии.

Однако, если строго говорить, и Алексеевск не являлся начальным пунктом непрерывной укрепленной линии, которая получила название Новой Закамской. Вал начинался не от самого пригорода, а от, расположенного восточнее у места впадения в Самару Большого Кинеля, Кинельского редута. Участок от города Самара до Кинельского редута можно назвать лишь подступом, плацдармом, на который опирался юго-западный участок реальной оборонительной черты. Этот плацдарм был необходим, но частью самой линии он, в действительности, не являлся. В то же время ру-

⁷⁰ СЕВ. №18. 1873. Часть неофициальная. С. 353-355.

⁷¹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. С. 42.

⁷² ГАСамО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 235.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157об.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 197.

⁷⁶ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

ководство Закамской экспедиции прекрасно понимало всю важность Самары и Алексеевска и делало все возможное, что бы включить их в систему линии.

Независимое положение администрации Самары и Алексеевска в отношениях с руководством Закамской экспедиции начало меняться с зимы 1733 г. 13 февраля 1734 г. Сенат принял указ об окончательном переводе 3 рот самарских и алексеевских дворян и казаков в ландмилицию. Их вывели из-под юрисдикции своих воевод и передали в подчинение Наумову⁷⁷. Фактически это означало подчинение руководству экспедиции едва ли всех воинских сил этих населенных пунктов. В мае этого года Сенат вновь подтвердил свое решение⁷⁸. Но окончательное решение этого дела затянулось до весны 1735 г., когда был издан императорский именной указ о причислении самарской дворянской роты, а также самарских и алексеевских казаков к ландмилиции. Характерно, что, мотивируя свое предложение, Наумов и Друмант писали: «Самара и Алексеевск к неприятельским набегам первые и между теми городами от неприятельских набегов содержать будут разъезды и караулы оные казаки и дворяня», то есть они, фактически, предложили включить эти населенные пункты в состав линии и поставить их под свою юрисдикцию

При создании дворянской роты выяснилось, что по сравнению с прошлыми годами, когда в Самаре насчитывалось 30 дворян и 74 иноземца годных для службы, «ныне обретается толко дворян — четырнатцать да иноземцов семнатцать человек, а протчие от неприятельских людей побиты, другие же померли, а на те убылые места вышеозначенные закомплетные поныне не определены». В связи с этим пришлось доукомплектовывать дворянскую роту до положенных 100 человек «дворянскими и иноземческими» детьми и родственниками. Жалованья им полагалось по 12,5 рублей, а ее командиру ротмистру Петру Максимовскому, который должен был состоять в «особливой команде ландмилицких командиров» — 20 рублей и по 12 юфтей хлеба «из неположенных в штат доходов».

Над самарскими и алексеевскими казаками был поставлен атаман Иван Черный, бывший «под главным ведомством ландмилицких командиров» с жалованьем в 40 рублей и 12 юфтями хлеба в год⁷⁹. Под его командованием находились две «жилых казачьих» роты общей численностью в 202 человека, и одна — в Алексеевске (101 человек)⁸⁰. По крайней мере, для пригорода Алексеевска, это был практически весь гарнизон крепости.

Эти роты вошли в состав Сергиевского конного ландмилицкого полка. Когда в зиму 1733 — 1734 гг. половину состава конного Сергиевского ландмилицкого полка было решено разместить в Самаре и Алексеевске и использовать их там «на караулах и охранении», мотивировалось это тем, что в этот полк должны быть приписаны самарские и алексеевские солдаты⁸¹. Влияние администрации Наумова в городе стало более, чем прочным. Отметим, что строительство Падовского ретраншемента, произ-

⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 17.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 143-152.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 83-95.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 217.

⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 251об., 301.

водившееся в 1734 г. под руководством командования экспедиции, осуществлялось самарскими и алексеевскими отставными солдатами и казаками⁸².

О том, что местная администрация в определенной степени потеряла контроль над Самарой, свидетельствует «доношение» от 19 октября 1734 г. нового самарского воеводы майора Обухова. По его словам, практически все вооруженные силы в городе, находились в распоряжении Наумова. У воеводы не осталось служилых людей даже для смотрения за заповедными лесами, контроля над самарскими заставами, посылок с денежной казной и т.д. Но особенно возмущало Обухова то, что руководство экспедиции самовольно распоряжалось определенными к Самаре сенокосами, т.е. практически, всей примыкающей к городу со «степной» левобережной стороны округой⁸³.

Желая вернуть свое влияние, Обухов стремился любым способом дискредитировать администрацию Закамской экспедиции. Об этом свидетельствуют его многочисленные жалобы, например, на то, что солдаты Сергиевского полка, расквартированного на зиму в Самаре, занимаются курением вина и тому подобные⁸⁴.

Но вместе с тем отметим, что Самара никогда не являлась городом, в котором размещалась Закамская экспедиция, где постоянно находились ее руководство и основные службы⁸⁵.

Самаро - Сокский водораздел (Кинельский редут – Красноярская крепость)

Этот участок линии строился в 1732 г., то есть одним из первых. Стратегическое положение водораздела двух крупнейших притоков Волги в Самарском Поволжье – Самары и Сока, вполне очевидно. Ров и вал здесь перекрывали безлесное, степное пространство и тем самым защищали город Самару и его промышленно-земледельческую округу от нападений кочевников.

Официально Новая Закамская линия начиналась от Кинельского редута, расположенного при впадении в Самару Большого Кинеля. Пройдя через Самаро-Сокское междуречье, система оборонительных укреплений заканчивалась Красноярской крепостью, находившейся напротив устья наиболее значительного притока Сока – Кондурчи. Протяженность вала и рва между Кинельским редутом и Красноярской крепостью составляла 25 верст или около 26,7 км (скорее всего, несколько меньше, так как в это расстояние в документах того времени обычно включали сравнительно небольшой участок линии между пригородом Алексеевским и Кинельским редутом). Линию здесь попытались провести по прямой, используя кратчайший путь. Только при пересечении р. Падовки и ее притока строителям пришлось отступить от этого

⁸² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 1, 5-5об.

⁸³ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. С. 163-165.

⁸⁴ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. С. 164-166.

⁸⁵ По мнению Ю.Н. Смирнова, канцелярия Закамской экспедиции размещалась именно в Самаре. См.: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 34; Его же: Уездные, городские и временные органы управления в Самаре начала и середины XVIII в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С. 4-7.

принципа, забрав немного в сторону. При спуске к Соку пришлось преодолеть еще одну небольшую водную преграду – верховья р. Ольшанки. М.И. Иванин предполагал, что в местах, где “вал переходил через ручьи, вероятно, поделаны были надолбы или наколочены сваи”⁸⁶. Примерно посредине, на водоразделе рек Сок и Самары, километром восточнее современного с. Водино, был устроен редут Красный. В проекте самаро-сокского участка линии специально оговаривалось стратегическое расположение этого оборонительного пункта: “редут Красный и при высоком месте и с которого по линии до Кинельского редута и до Красного Яру ежели захочутца маяки можно видеть”. Он служил для прикрытия разъездов, охранявших этот участок линии.

Кинельский и Красный редуты не имели рядом с собой поселений, а следовательно, и постоянного гарнизона. В Кинельском дежурили алексеевские солдаты и казаки. В Красном редуте «на караулах» бывали попеременно отряды из Алексеевска и поселения при Красноярской крепости⁸⁷. При попытке кочевников прорваться к городу Самаре, именно, Красный редут становился основным оборонительным пунктом на этом участке линии. В случае необходимости из Алексеевска и Красноярской крепости, для того чтобы добраться до Красного редута, коннице понадобилось бы чуть больше часа (около 13 км), пехоте 2 – 2,5 часа ускоренного марша.

Уже говорилось, что строительство укреплений здесь началось до того, как из Канцелярии главной артиллерии и фортификации пришли материалы с указаниями основных параметров вала, рва гласиса, редантов и т.д. Поэтому, строители на первых порах вынуждены были исходить из собственных представлений о конфигурации укреплений и при этом несколько отошли от официальных образцов.

Но в целом, вал и ров, прикрывавшие пространство между реками Самарой и Соком, не содержали существенных отличий от типовых сооружений такого рода для всей линии. Поэтому, перейдем сразу к характеристике Красного и Кинельского редутов. Они представляли собой сомкнутые безбастионные земляные укрепления квадратной, или близкой к квадратной, формы со стороны полигона, каждый, по 28 сажен (примерно 60 м). Редуты состыковывались с валом своими противоположными углами так, что один угол с двумя прилегающими к нему фасадами (сторонами) выдавался в поле в виде реданта (рис. 29). Их валы и рвы окружал узкий, не предназначенный для обороны, прикрытый путь. Профили редутов были аналогичны профилю вала и рва самой линии. Однако берма не имела посадок кустарника и деревьев. Также, создается впечатление, что бруствер этих сооружений был несколько выше на линейном участке (хотя Ласковский указывает его высоту в 9 футов – около 2,75 м⁸⁸). Редут Кинельский имел два выхода и, соответственно по двое ворот и по два подъемных моста. В редуте Красном помимо подобных же сооружений для размещения караула были устроены две избы⁸⁹.

Красноярская крепость, завершавшая этот участок, наряду с Черемшанской, являлась крупнейшей и вновь построенных долговременных оборонительных укрепленных пунктов линии. Сооружение крепости при впадении Кондурчи в Сок, на правом низком берегу реки, начали осенью 1731 г. Но вскоре из-за наступивших осенних холодов и дождей заготовка леса и земляные работы были остановлены.

⁸⁶ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 70.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 270об.

⁸⁸ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 92.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157.

Ред.Красной

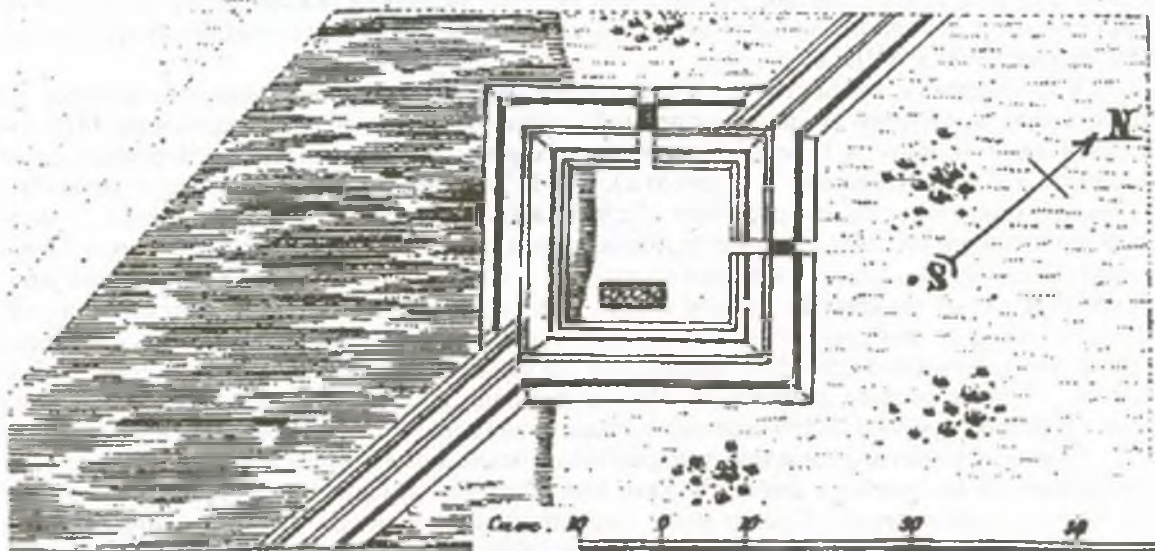

Рис. 29. Редут Красный. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

В 1733 гг. экспедиция возводила линию к северу от реки Сок и только в 1734 г. для того, чтобы окончательно соединить самаро-сокский и сокский участки строительство крепости развернулось в полную силу. На этот раз Красноярскую крепость начали строить в другом месте, а именно, на левом высоком «степном» берегу реки. Строительство было завершено к концу 1735 г. Крепость непосредственно примыкала к самой линии и располагалась в наиболее опасном от нападений кочевников месте. Ее укрепления защищали поселок ландмилиции, также устроенный на левом берегу Сока. Этимология названия «Красный Яр» вполне традиционна. Так, обычно, называли поселения, возводившиеся на высоком глинистом берегу реки.

Стратегическое положение Красноярской крепости, являвшейся центральным ключевым пунктом всего западного участка оборонительной системы, расположенного между Алексеевским и Сергиевским, не случайно. В первые десятилетия XVIII в. нижнее и среднее течение реки Сок имело чрезвычайно важное значение для местной администрации. По Соку снабжали комплекс серных заводов и гарнизон Сергиевской крепости, вывозили полученную продукцию. Пахотные и промысловые угодья самарских жителей доходили до устья Сока и тянулись вверх по течению реки. В устье Сока находились крупные рыболовецкие промыслы московского женского Вознесенского монастыря. Именно под защитой этой реки появились первые сельские поселения на левобережье Волги. Эти места не раз подвергались нападениям кочевников и на картах, относящихся ко времени строительства линии, деревни обознача-

лись как "разоренные башкирами"⁹⁰. Ранее уже говорилось, что для защиты речного пути от Волги до серных заводов в окрестностях Сергиевска, земледельческих и промышленных поселений, при устье Кондурчи, по правобережью Сока было устроено несколько редутов⁹¹. Видимо, эта цепочка редутов возникла вскоре после сооружения Сергиевска и основания серных заводов, во время и после массовых башкирских выступлений начала XVIII в.

Красноярская крепость являлась самым мощным оборонительным пунктом из всех, вновь построенных по укрепленной линии. По численности гарнизона (4 роты конной ландмилиции и 1 пехоты) она превосходила даже однотипную Черемшанскую крепость (3 роты конницы и 1 пехоты). М.И. Иванин оставил следующее описание этого оборонительного сооружения: "...у Красного Яра устроен фельдшанец, имеющий полигон около 120 сажень и примкнутый двумя противоположными своими бастионами к валу. С одной из внешних сторон его находится рavelин; вокруг рва идет покрытый путь (прикрытый путь – Э.Д.) с гласисом; на восходящих и исходящих углах сделаны плацдармы. Все бастионы его пусты. Возле этого фельдшанца предполагалось поселить слободу. Для защиты ее проведены к р. Соку, по сторонам фельдшанца, от вала особая линия..."⁹². Под фельдшанцем Иванин подразумевает именно Красноярскую крепость. Это описание полностью соответствует действительности.

Облик крепостных земляных укреплений мало изменился со времен осмотра их Иваниным до настоящего времени. Они выглядят чрезвычайно впечатляюще, особенно при съемках сверху. Представьте себе примыкающий двумя противоположными углами к линии огромный квадрат из укреплений со сторонами более четверти километра каждая, с далеко выступающими 4-мя бастионами и рavelином, обращенным в сторону противника. Сейчас внутри крепости располагаются спортивные сооружения.

О том, что представляла собой крепость в середине 1730-х гг. можно судить по ее краткому описанию, сделанному инженерами Закамской экспедиции после завершения строительства и по планам, составленным, скорее всего, в Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Эти планы являлись, очевидно, не съемкой уже готовых крепостных сооружений, а проектом, руководством для проведения строительных работ.

Описание основных сооружений крепости составленное к осени 1735 г. и посланное в центр в качестве отчета чрезвычайно кратко. Возведение оборонительного сооружения к тому времени было, практически, завершено. Внешняя сторона (экстериор) полигона Красноярской крепости достигала 125 сажень (около 267 м). Наружная и внутренняя крутости земляного вала были укреплены дерном. Высота наружной крутости составляла 15 футов (около 4,6 м). Не совсем ясно, как отсчитывалась (от какого уровня) высота внутренней крутости, достигавшая, судя по отчету инженеров экспедиции, 9 футов (около 2,7 м).

⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48; РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279, 2289 и др.

⁹¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2083.

⁹² Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 70.

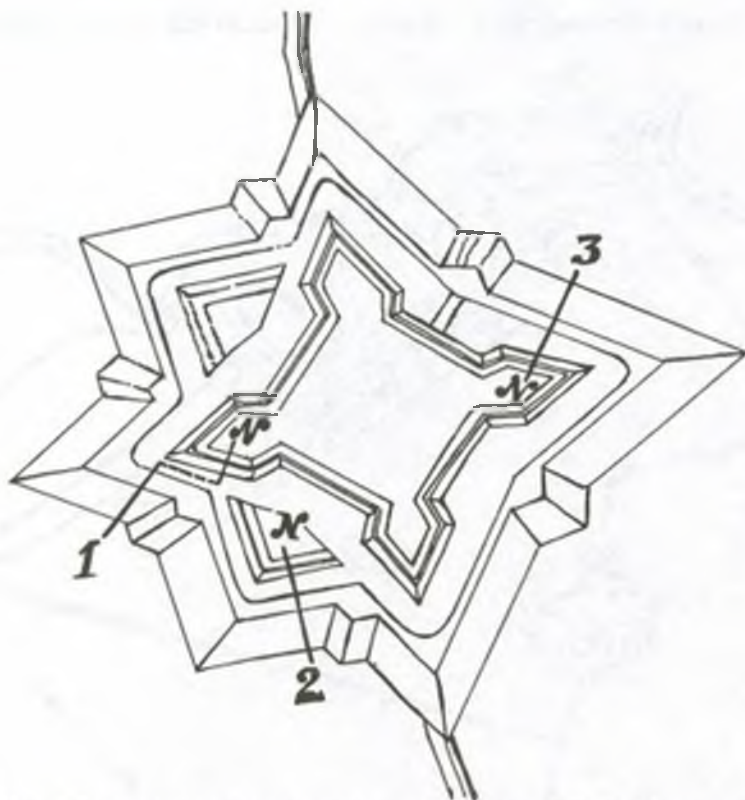

Рис. 30. Красноярская крепость. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

Гласис вокруг всей крепости также обложен дерном. Палисадник защищал ее укрепления на 242 саженьях (516 м). Кроме того, «сделаны плетнем 86 профилей, сажень 325» (693,5 м). Ровик под палисадник рабочие выкопали на протяжении 300 сажень (640 м). В сторону противника был обращен рavelин. В системе укреплений имелось несколько въездов⁹³.

Внутри Красноярской крепости строители устроили деловой двор, где стояли изба и кузница, магазин для инструментов и материалов, сарай⁹⁴.

Общий план поселка ландмилиции и самой крепости, разрезы крепостных укреплений, опубликованные Ф.Ф. Ласковским, весьма информативны и интересны. На чертеже (рис. 30, 31) показана крепость, примыкавшая к линии двумя своими противоположными бастонами – северным и южным, и имевшая два рavelина, хотя в реальности был построен только один. Кстати и сам Ласковский писал о том, что в действительности при крепостях и фельдшанцах было устроено по одному рavelину. Отметим, что внешнюю часть крепости, так как она выдавалась в сторону нападаю-

⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Ф. 8. Д. 487. Л. 157.

шей стороны двумя бастионными фронтами, следовало бы, конечно, защитить двумя рavelинами.

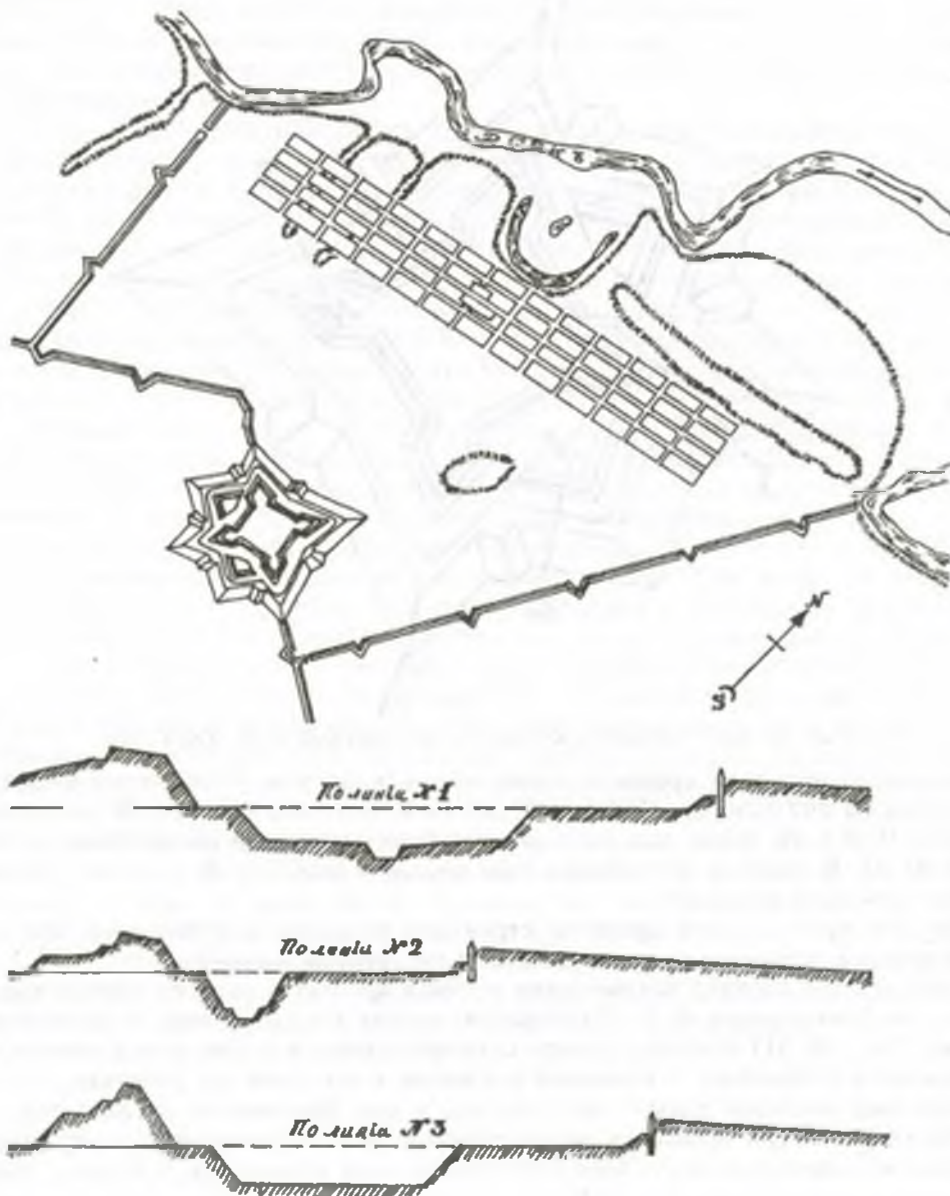

Рис. 31. Профили основных укреплений Красноярской крепости. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

Представленные графически три разреза крепостных укреплений, были сделаны по линиям, проходящим через угол рavelина и 2-х бастионов. Один из этих бастионов находился с внешней стороны и был направлен в сторону предполагаемого нападения противника. Он имел самый мощный вал. Второй, расположенный с внутренней, обращенной к поселению стороны располагал более скромными укреплениями. Размеры основных оборонительных сооружений соответствуют общим данным о крепостях и фельдшанцах, приведенных тем же Ф.Ф. Ласковским⁹⁵. Палисадник окружал всю крепость и был устроен при переходе гласиса в прикрытый путь.

“Ландмилиционная” слобода при Красноярской крепости располагалась чрезвычайно удобно. Она вытянулась по первой, поднимающейся над поймой, террасе левого высокого берега - «яра» р. Сок параллельно его течению несколькими, регулярно устроенными порядками, и представляла собой в плане правильный удлиненный прямоугольник. Со стороны степи ее защищали крепость и линия. От последней к Соку были устроены два отвода вала и рва. Они прикрыли территорию, значительно превышающую площадь самого поселения, и тем самым давали ему возможность в будущем развиваться⁹⁶.

Характерно, что даже после устройства Красноярской крепости и поселения Нижний Кондурчинский редут на противоположной стороне р. Сок был сохранен и возможно не утратил своего военного значения⁹⁷.

Сокский участок линии (Красноярская крепость – Сергиевский городок)

Сокская часть линии замыкала самую обустроенную юго-западную ее половину, где вал и ров не прерывались засеками, а крепости, фельдшанцы и редуты располагались наиболее часто. Участок от Красноярской крепости до Сергиевска являлся самым протяженным в составе черты. Здесь вал и ров не прерываясь, тянулись в северо-восточном направлении по левому берегу реки Сок на 59 верст или более, чем на 63 км. Только в районе пригорода Сергиевска линия пересекла Сок и резко изменила свое направление с северо-восточного на северное.

На всем протяжении этого участка строители неуклонно придерживались правила держаться возвышенных мест верхней террасы левого берега Сока и не спускаться к пойме, к заболоченным или заливаемым во время паводка низинам. Сложность при строительстве здесь состояла, прежде всего, в том, что приходилось преодолевать многочисленные небольшие речки и овражные системы, впадающие в пойму Сока по левобережью.

Вал и ров на всем протяжении от Красноярской крепости до Сергиевского городка имели такую же конфигурацию, как и на предшествующем участке. Но здесь, рядом с богатыми травой лугами поймы, строители получили возможность усиливать внутренние и внешние поверхности укреплений дерном, что, несомненно, должно

⁹⁵ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 92-93.

⁹⁶ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 874-875.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 250.

было сказаться на их долговечности. В местах перехода через реки и овражные системы были устроены дополнительные укрепления — частоколы, надолбы, рогатки и т.п.

Начиная от крепости при впадении в Сок Кондурчи, в направлении к Сергиевску, последовательно располагались следующие укрепленные пункты:

- редут Хороший — в 15 верстах от Красноярской крепости (около 16,0 км),
- Чернорецкий фельдшанец — в 17 верстах от редута Хороший (около 18,0 км),
- редут Нижний Орлянский на левом берегу р. Орлянки — в 20 верстах от Чернорецкого фельдшанца (примерно, 21,3 км) — и поблизости от него в 2 верстах (немногим более 2 км) через р. Орлянку на правом берегу редут Верхний Орлянский.
- неподалеку от устья р. Сургут, на ее левом берегу, был устроен редут Суrowsкий. От него вал и ров резко меняли свое направление на северное, переходили Сок, возобновлялись на правом берегу реки, и с востока обходили пригород Сергиевск, находившийся примерно в 17 верстах (около 18,0 км) от Орлянских редутов.

Вслед за Красноярским ландмилицким поселением, гарнизоны на этом участке линии располагались в слободах при редутах Хорошем, Верхнем Орлянском, в поселке при Чернорецком фельдшанце и, разумеется, в Сергиевске. Характерно, что слободы при редуте Хорошем и фельдшанце Чернорецком находились на противоположном берегу Сока. В случае внезапного нападения степняков солдаты вряд ли могли быстро занять укрепления на самой линии. Только при Верхнем Орлянском редуте поселок ландмилиции «прижимался» к самой линии и располагался под защитой не только его укреплений, но и был огорожен ответвлениями от основного вала, закрывавшими возможные подходы кочевников со всех доступных для нападения сторон⁹⁸. По правому берегу р. Сок, эту систему укреплений дублировали редуты Раковский и Ольшанский, возникшие еще до сооружения Новой Закамской линии. Во время проектирования и возведения оборонительных пунктов на левом берегу Сока, руководство экспедиции опиралось на старые редуты, в которых, по всей видимости, располагались военные части, охранявшие район строительства⁹⁹.

Все эти укрепления Новой Закамской линии размещались при впадении в Сок левосторонних притоков — рек Хорошей, Черной, Орлянки, Сургута, Раковки и Ольшанки и получили свои названия от них¹⁰⁰. Руководство экспедиции не слишком затрудняло себя этимологическими изысканиями. Оно брало от местных, поблизости находившихся, географических объектов все что возможно, вплоть до их названий. Редуты по всей линии были устроены по единым инженерным правилам (рис. 32), имели въезды с внутренней стороны линии, ворота, подъемные мосты. Из жилых и хозяйственных помещений внутри укреплений можно назвать только избы или «бутки» для размещения караулов.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 250.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2083.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286, 2283 и др.

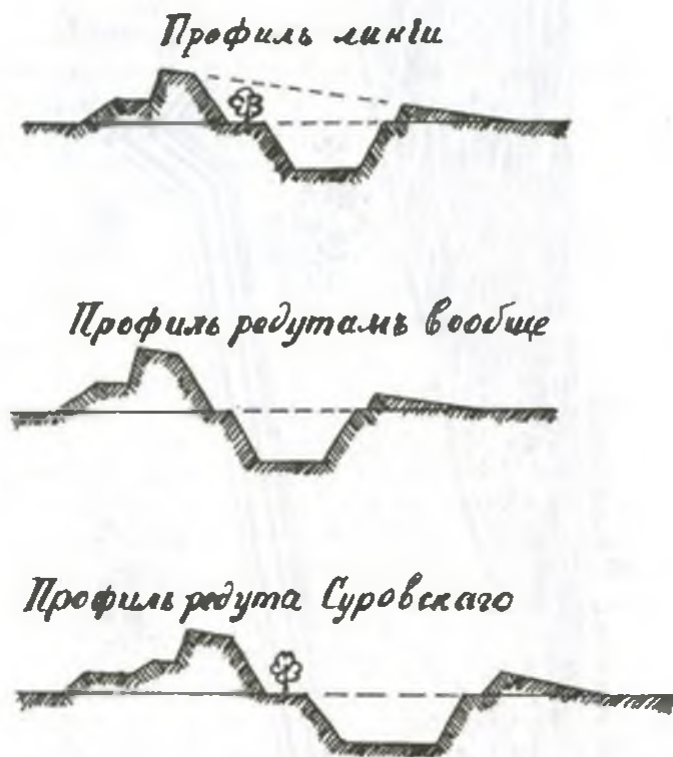

Рис. 32. Профили редута Суровского и других оборонительных сооружений.
Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

По своему устройству редуты дублировали подобные же сооружения Самаро - Сокского участка. Различия между ними были весьма невелики. При одних (Хорошем и Верхнем Орлянском) размещались ландмилицкие слободы, при других (Нижнем Орлянском и Суровском) - нет. Кроме того, одни имели два выхода (например, редуты Красный и Суровский), а другие - один (как, например, редуты Нижний (рис. 33) и Верхний Орлянские). Также они могли по-разному примыкать к линии: углами ((Красный), углом и противоположной стороной (Нижний Орлянский) и т. п. Наиболее крупным из редутов был Суровский, имевший полигон «экстериор» 28 сажен (около 60 м). Характерно, что в нем один из выходов строители вывели наружу - за линию. Этот выход прикрывали особые «считовые» ворота и сделан он был для того, чтобы жителям Сергиевска удобнее было проехать к уже не работавшему серному заводу. Два Орлянских редута имели полигон «экстериор» по 14 сажен (около 30 м) и, наконец, редут при реке Хорошей - наружный полигон в 15 сажен (около 32 м)¹⁰¹.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 156об.-157.

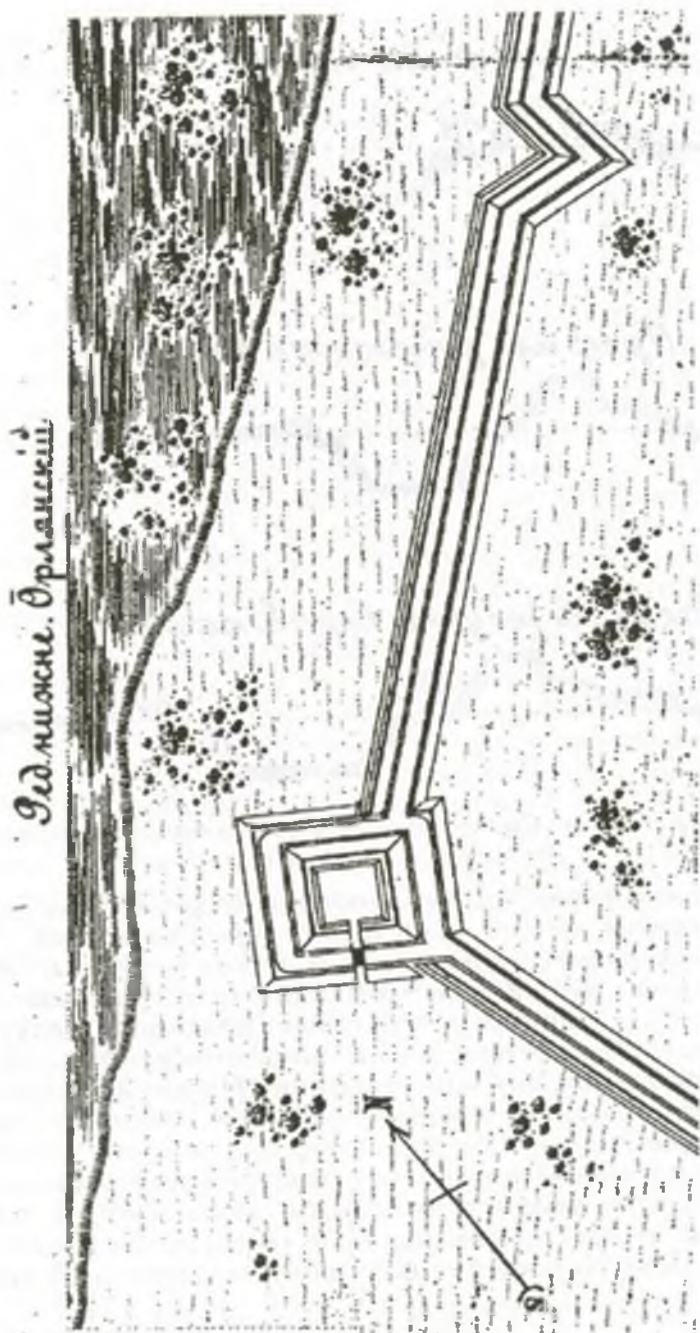

Рис. 33. Нижний Орлянский редут. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч.

В наиболее опасных местах от “перелазов” кочевников, при переходах через реки и овраги, рядом со слободами, к обычной системе вал-ров добавлялись надолбы, рогатки и частокол – “заборник”. Например, вокруг Сергиевских слобод по ответвлениям вала был сделан в 1736 г. “заборник” протяженностью 212 сажен (около 452 м) и надолбы протяжением 234 сажени (около 500 м)¹⁰². Скорее всего, эти дополнительные сооружения являлись продолжением укреплений такого же типа, но сделанных в предшествующие годы.

Новым на этой части линии является также создание особого, более значительного, чем редуты, оборонительного сооружения – фельдшанца. Он был устроен при переходе линии через левобережный приток Сока – р. Черновку и от нее получил название Чернорецкого. При фельдшанце поселили 3 роты конной и 1 пешей ландмилиции. Краткая, но по военному четкая, характеристика этому укрепленному пункту приведена у М.И. Иванина: “...котораго полигон около 70 сажен (около 150 м – Э.Д.). Вокруг рва этого фельдшанца находится покрытый (прикрытый – Э.Д.) путь с гласисом и с входящими и отходящими плацдармами. Три бастиона его полные (то есть заполненные землей – Э.Д.), а один, внутренний, пустой”¹⁰³. Фельдшанец, практически, повторял очертания крепостей – Красноярской и Черемшанской, но его размеры были значительно меньшими. Полигон «экстериор» этого сооружения по данным, приведенным в отчете руководства экспедиции, составлял только 80 сажен (около 170 м)¹⁰⁴. О строениях внутри укреплений фельдшанца сведений не имеется.

Достигнув маленькой речки Сургут, на которой располагался серный завод, вал и ров резко изменили свое направление на северное, к реке Сок. Местом для поворота линии стал Суровский редут. Он не имел своей слободы. Для защиты этого редута, в него время от времени посылались отряды военных людей из Сергиевска. Характерно, что здесь ни сама линия, ни редут, не прикрывали заброшенный серный завод. Он оказался с полевой кочевой стороны, за пределами укреплений.

Для населения Сергиевска места по обоим берегам рек Сок и Сургут давно были обжитыми и входили в сферу их хозяйственной деятельности. У устья Сургута, на правом берегу стояла мельница и, видимо, находились сельскохозяйственные угодья¹⁰⁵.

К юго-востоку от редута, на другом берегу Сургута, располагались сооружения и укрепления “старого серного завода”, к тому времени уже заброшенного. Автор знаменитого историко-географического и экономико-статистического описания России, в те времена пока еще не ставший первым руководителем Оренбургской экспедиции, И.К. Кирилов подробно охарактеризовал эти серные заводы, находившиеся в 6,5 верстах от Сергиевска: “Вокруг тех серных ключей и ларей построен по земляному валу острог дубовой вышиною 2-х сажен с половиною, в длину того острогу 79 сажен 2 аршина, поперег в верхнюю сторону до надолоб 39 сажен с половиною, з другой стороны по надолбам 50 сажен 2 аршина, от острогу по валу ж низью кругом ларей об-

¹⁰² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2288.

¹⁰³ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 70.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

ведены надолбы, мерою тех надолоб 160 сажен с половиною, по острогу 2 башни, вышиною по 5 сажен”¹⁰⁶. Если перевести все эти сведения в современную систему измерения то получится следующее. В плане “острог дубовой” выстроенный по земляному валу представлял собой неправильный прямоугольник длиной около 170 м. Его ширина “в верхнюю сторону” составляла чуть более 80 м, в другую сторону около 108 м. Высота дубового острога достигала 5 м, а башен 10,5 м. Протяженность надолбов, проведенных “по валу ж низью”, была около 340 метров. Сохранилось и более раннее описание - 1710-х – начала 1720-х гг. - вышеуказанных укреплений¹⁰⁷. На картах времени строительства Новой Закамской линии серный завод, действительно, показан на правом берегу левобережного притока Сока р. Сургут¹⁰⁸.

Вал и ров возобновлялись на правом берегу р. Сок и, обойдя с востока Сергиевский городок с его укреплениями, устремлялись к Черемшану. В составе Новой Закамской оборонительной линии Сергиевск являлся одним из важнейших ее стратегических пунктов. Он замыкал северо-восточный фланг второго участка линии, и с него начинался последний третий участок. Сергиевский городок возник в начале XVIII в. и на протяжении всей первой трети этого столетия являлся основным военным, опорным пунктом в Самарском Заволжье. Основанный в 1703 г. для охраны, крупного промышленного комплекса по производству серы, созданного в среднем течении р. Сок, он вскоре стал центром значительного микрорайона, заселенного работными людьми, солдатами гарнизона и их семьями, сельским крестьянским населением. Рядом с пригородом Казани, так в то время называли поселения городского тина, не имевшие своего подвластного им уезда, и подчиненные администрации уездного города; возникли 3 серных “завода” и несколько поселений. Кроме того, цепочка сельских селений тянулась по правому берегу Сока до устья реки. Отдельные деревни появились также на реках Липовке и Кондурче. По данным первой ревизии (она началась в 1718 г и продолжалась до начала 1730-х гг.), при Сергиевском городке числилось “служилого люду” 681 человек, хлебопашцев, т.е. крестьян – 594¹⁰⁹. К началу строительства Новой Закамской линии значимость городка снизилась, серное производство давно было перенесено на Самарскую Луку, куда переселили и рабочую силу, большинство селений разорили башкиры. О состоянии укреплений самого Сергиевского города в 1720-х гг. скудные данные приведены у И.К. Кирилова. Одна соборная и одна приходская церкви, канцелярия и контора, один управитель, три приказных служителя – вот все присутственные места и весь административный аппарат городка. Под стать было и вооружение – 6 медных и чугунных пушек, да 1 затинная пищаль, из которых к стрельбе годились 2 медные пушки¹¹⁰.

¹⁰⁶ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 215.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 5195. Л. 235.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2283.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103.

¹¹⁰ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 218, 330.

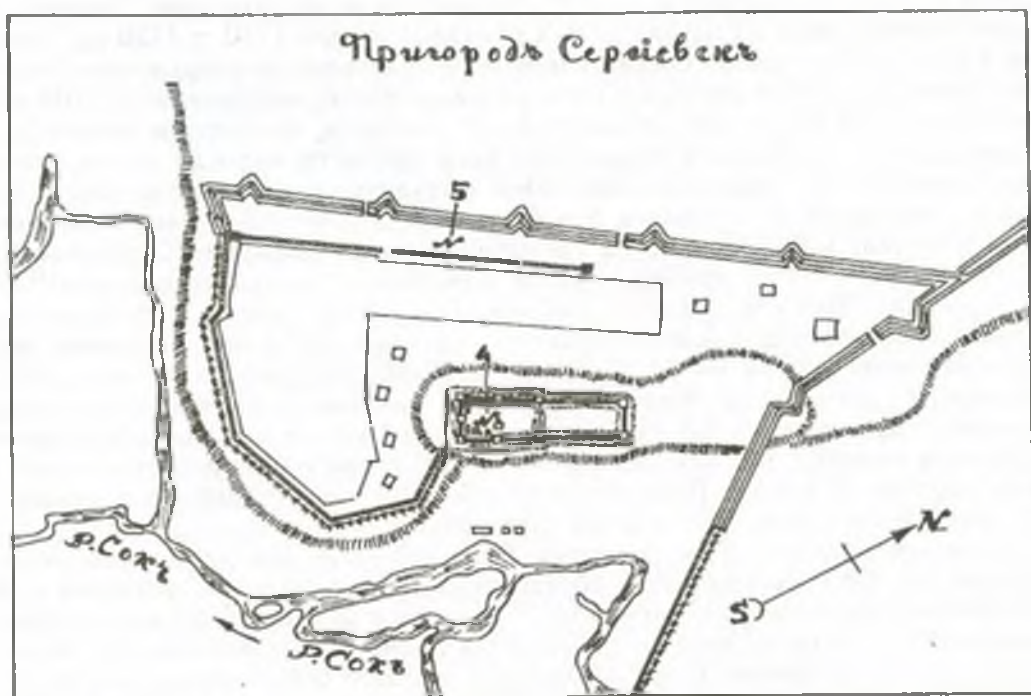

Рис. 34. Пригородъ Сергиевск. Ласковскій Ф.Ф. Указ. соч.

Сергиевский городок к началу 1730-х гг. был весьма неплохо защищен. Видимо, строители Новой Закамской линии ограничились тем, что обвели старый “замок” и поселение валом и рвом, примыкавшими к самой линии, да кое-где подновили второстепенные укрепления. Сама крепость-замок располагалась на возвышенном месте “горе” (рис. 34) и состояла из вала, рва и деревянных рубленных стен, устроенных по валу. В плане она проявлялась в виде продолговатого прямоугольника с 8-ю башнями. Профиль разреза вала и рва весьма любопытен. Он выглядит явно архаичнее профиля разреза системы вал – ров самой линии: отсутствуют гласис и прикрытый путь, но уже есть берма, очертания самого вала выглядят, как бы оплывшими, без

чеканной резкости сооружений 30-х гг. Вполне очевидно, что даже “новую” часть крепости строили явно до начала 1730-х гг., где-то между 1710 – 1720 гг. Таким образом, Сергиевский “замок” основательно перестраивался до сооружения Закамской линии. Новая крепость включала в себя площадь старой, построенной в 1703 и перестроенной в 1704 гг., и примыкавшую к ней с запада, со стороны пригорода, новую площадку. В результате территория всей крепости выросла вдвое, стала более удлиненной. Она представляла собой вытянутый с востока на запад прямоугольник, окруженный стенами и 8-ю башнями¹¹¹. Сочетание новой с бастионами и старой частей, хорошо видно на схематическом изображении Сергиевской крепости в картах 1731 г., времени, когда началось строительство линии¹¹². М.И. Иванин писал: “Вал его насыпан щебнем. По углам сделаны выдававшиеся закругления, образующия как-бы небольшие, круглые, насыпные бастионы, вероятно, для действия сверху их орудиями...”¹¹³. Такой тип бастионов очень близок к аналогичным укреплениям земляной крепости Самары и, видимо, современен им. В настоящее время земляные укрепления вполне сохранились, хотя в ряде мест в них сделаны проезды или они сильно оплыли. В разрезе вал, действительно, в основном состоит из щебня. Представление об очертаниях городка в прошлом и об его нынешнем состоянии дает съемка с воздуха.

Укрывшееся за крепостью поселение было защищено земляным валом реданного расположения. Сторону пригорода, обращенную к Соку, оградил заплотом и, вновь поставленными впереди него, рогатками¹¹⁴. В связи с резким увеличением населения Сергиевской крепости во время строительства линии, существенные изменения произошли в жилой застройке. К примыкавшим с запада и северо-запада к крепости жилым кварталам, прибавились усадьбы 4-х рот ландмилиции. В итоге облик поселения представлял собой следующее. С юго-западной стороны жилые кварталы вписывались в излучину Сока и его “залива” и как бы повторяли их округлость, а с юго-запада на северо-восток вытянулись удлиненным застроенным прямоугольником. Таким образом, ко времени завершения строительства Новой Закамской линии пригород обладал весьма значительным населением.

Между Соком и Кичуем

Переход через Сок у Сергиевского городка оказался как бы водоразделом между непрерывной, состоящей из вала и рва, линией левобережья реки, зоны, где практически не было лесов, и сочетанием участков вала – рва с засеками правобережья там, где черта, круто повернув на север, все дальше забиралась в покрытую лесами местность.

¹¹¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 875. Карты. 112 РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954, 4189.

¹¹³ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 71.

¹¹⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

Эта часть Новой Закамской линии имеет наибольшую протяженность из всех построенных частей – она тянется на 127 верст или около 135 с половиной километров. Как и открытое для набегов кочевников пространство между реками Самарой и Соком, сокско-кичуйский участок, по мнению инженеров Закамской экспедиции и центрального руководства, являлся важнейшим с точки зрения безопасности всего лесостепного Заволжья. Уже в 1731 г. возникло мнение, что его обустройство необходимо предпринять незамедлительно.

В междуречье Сока и Большого Черемшана в расположении долговременных оборонительных сооружений соблюдались прежние принципы чередования крепостей, редутов и фельдшанцев: - крепость (Сергиевский городок) – два редута (Заинский в 15 верстах (16,0 км) от Сергиевска и Сурушский в 12 верстах (12,8 км) от первого редута) – фельдшанец (Кондурчинский в 12 верстах (12,8 км) от Сурушского редута) – вновь два редута (Тарханский в 15 верстах (около 16 км) и редут под Тарханским лесом в 25 верстах (26,7 км) – крепость (Черемшанская в 9 верстах (9,6 км).

Начиная же от Черемшанской крепости, где, по всей видимости, угроза башкирских нападений резко возросла, были построены более серьезные долговременные сооружения: фельдшанцы Шешминский (в 17 верстах - около 18 км - от крепости) и Кичуйский (в 22 верстах - 23,5 км - от первого).

От Большого Черемшана черта все более отклоняется от северного направления к востоку. Ее создатели как бы окончательно решили для себя не идти кратчайшим путем на соединение со старой Закамской линией у Заинска. Они постарались отхватить у лесостепи еще один кусок и двигаться почти параллельно вала и рва прежней черты, встретившись с ней, если будет разрешено строительство последнего за рекой Кичуем участка, у Мензелинска.

Всю эту часть линии, исключая Сергиевский городок, приходилось строить заново, так как здесь не имелось населенных укрепленных пунктов, которые могли бы войти в ее состав.

Возведение вала и рва от Сергиевска к Тарханскому лесу началось уже осенью 1731 г.¹¹⁵ Протяженность вновь построенного участка была невелика – всего 7,5 – 10 верст. Он представлял собой вал и ров, конструктивно несколько отличавшиеся от принятой впоследствии конфигурации для всей черты¹¹⁶. Собственно говоря, такой профиль в том же 1731 г. разработчики самых первых “ландкарт” – проектов рекомендовали использовать для сооружения всей линии¹¹⁷. Впоследствии, в 1733 г. а, возможно, и в последующие годы, этот участок подправили и привели в соответствие с новыми требованиями¹¹⁸.

Начинаясь от Сергиевска, вал и ров, выдерживая прямолинейное направление, устремляются по гребню водораздела между Соком и р. Липовкой на север, немного, примерно на 10 градусов, склоняясь при этом на запад. Затем, через 8 – 8,5 км линия меняет направление. Вновь на север, но уже на те же 10 градусов склоняясь к востоку, она строго по прямой подходит к крупному лесному массиву. Это небольшое

¹¹⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2083.

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

изменение курса было обусловлено характером местности. Если бы строители придерживались первоначально избранного направления, они должны были спуститься с господствующих высот водораздела к более низким террасам р. Липовки. В конце этого участка, на расстоянии 15 верст (16 км) от Сергиевского городка, у входа в лесной массив, был устроен Заинский редут (его нередко называют редут у Заинского колка). Рядом с ним возник поселок ландмилиции. Он также был защищен специальными укреплениями. О Заинском редуте и поселении при нем Иванин писал следующее: "Верстах в 14 (около 30 км – Э.Д.) от пригорода Сергиевскаго, за д. Екатерининской (ныне эта деревня нежилая – Э.Д.) находится опять редут; к нему примкнуто еще укрепление, котораго профиль такая же, как и вала Линии. Оно, верно, служило лагерным местом войскам и работникам, назначенным для делания вала и просеки в этих местах"¹¹⁹. В последнем утверждении Иванин явно ошибается.

На пути к Заинскому редуту линия, благодаря удачно избранному направлению, практически нигде не пересекала рек и оврагов. Примерно, в 2 км от Сергиевска рядом с валом и рвом, чуть к западу от них существовал маяк. Он, скорее всего, появился до начала 1730-х гг. Еще через несколько километров, вал и ров вторично (первый раз рядом с Сергиевским городком) пересекли дорогу на Казань, что вынудило строителей устроить специальные проезды. За Заинским редутом система вал - ров, войдя в лесной массив, заменяется засекой, протяженностью около 9,5 верст (10 км). Засака, повторяя форму лесного участка, несколько отклоняется к западу, а затем возвращается к первоначальному направлению. У выхода из леса ее заменяет вновь вал. Рядом с ним за р. Малый Суруш, на ее левом берегу неподалеку от истока, был устроен еще один редут – Сурушский. Он находился на возвышенном месте, господствующем над всей округой. Расстояние между двумя редутами составляло 12 верст (12,8 км). Характерно, что Сурушский редут располагался не на самой линии, а чуть западнее ее¹²⁰. Примерно, в километре от него, внизу у реки было устроено укрепленное поселение ландмилиции¹²¹. Валы, окружающие его, сохранились. Но они сильно пострадали от времени и уже не так заметны¹²².

Перевалив через реку Суруш, линия вновь продолжает направление на север с небольшим примерно в 20 градусов, склонением к востоку и идет строго по прямой, постепенно спускаясь в долину Кондурчи. На своем пути к Кондурчинскому фельдшанцу (у современного с. Крепость-Кондурча) на протяжении 12 верст (12,8 км), она, практически, не пересекает рек и оврагов. Возведенный на высокой террасе правого берега реки, Кондурчинский фельдшанец господствовал над всей окружающей местностью (см. выше рис. 16). Он, как бы, опирался на линию оконечностями 2-х своих восточных бастионов, и всеми своими основными сооружениями выступал за нее навстречу возможному противнику. Поселение, прилегающее к Кондурче с севера, прикрывалось линией вала, которая пересекала в нескольких сотнях метрах выше реку и уходила на север. С юга же от фельдшанца был устроен специальный вал шедший сначала почти параллельно линии, а затем под прямым углом повернувший к западу

¹¹⁹ Иванин М.И.. Описание Закамских линий. С. 71.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2283.

¹²¹ Иванин М.И.. Описание Закамских линий. С. 71.

¹²² Материалы экспедиционных работ 2002 г.

и смыкавшийся с оврагом Чесноковым и руслом самой Кондурчи. Сами строители так характеризовали это укрепление: «Фельдшанец при р. Кондурче которого полигон внешний 80 сажен, при том один ревелин с стороны неприятельской и при нем поселение»¹²³. Аналогичное описание сохранилось и в ведомости, относящейся к концу 1735 г. В нем особый интерес представляет один фрагмент, а именно «...да для спуска изо рва воды в р. Кондурчу труба, которая с обеих сторон укреплена сваями и досками»¹²⁴. Наиболее полная характеристика укрепленного пункта и поселка при нем, приведена у Иванина: «...на р. Кондурче устроен фельдшанец Кондурчинский, имеющий полигон около 75 сажен; по плану и по профилю, он сходен с Красноярским фельдшанцем. Кроме этого фельдшанца, несколько не доезжая его, саженях в 50 от вала Линии, устроено другое укрепление, сходное профилю с валом Линии и состоящее из продолговатого четырехугольника; длинная стороны его, параллельная к линии вала, имеют около 180 сажен; посреди их и по углам сделаны реданты, а короткая стороны около 120 сажен» (соответственно, 160 м, 107 м, 383 м, 256 м – Э.Д.). От угла этого укрепления, обращенного к р. Кондурче, был сделан особый вал до самой реки. Таким образом, пространство, лежащее между этим валом, укреплением, к нему примыкающим; фельдшанцем и валом линии, назначенное для поселения здесь ландмилиции, и на котором действительно находится в настоящее время село, было прикрыто этими укреплениями»¹²⁵ (рис. 35). Если земляные оборонительные сооружения самого фельдшанца полностью сохранили свои очертания и до настоящего времени выглядят весьма внушительно, то валы, защищавшие поселение, практически не сохранились.

Отметим, что в глубине, примыкающих к Кондурчинскому фельдшанцу, участков линии, располагались два старых, основанных еще до строительства черты, редута – Старый Липовский и Старый Верхний. Они составляли, как бы, второй, тыловой фронт обороны от набега кочевников¹²⁶.

Перейдя через Кондурчу, линия вошла в Тарханский лес, самый значительный лесной массив на всем пути. Здесь, вместо вала и рва была устроена засека, которая прорезала юго-западную часть лесного массива, и вышла в безлесную долину р. Большой Тарханки. Далее направление линии круто меняется на восточное, она вновь состоит из вала и рва, и лишь после нового вхождения в лесной массив, возвращается к прежнему направлению и засеке. При выходе из леса был устроен редут под Тарханским лесом и при нем поселок для одной роты ландмилиции. Однако, пространство между Кондурчинским фельдшанцем и редутом оказалось слишком велико – 40 верст (около 42,7 км). Строители линии осознали необходимость создания на территории, врезающегося в Тарханский лес, оспенного участка долины р. Большой Тарханки дополнительного укрепления. «Редут в Тарханском лесу», так его называли первоначально. Затем к нему приклеилось новое название – «Полянский», а к поселению рядом – «Поляна Редут». Этот оборонительный пункт устроили на правом

¹²³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 156об.

¹²⁵ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 71-72.

¹²⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2288.

берегу р. Тарханки, на значительном удалении к западу от линии¹²⁷. Редут отстоял на 15 верст (около 16,0 км) от Кондурчинского фельдшанца и на 25 верст (26,7 км) от редута под Тарханским лесом.

Все редуты и оборонительные сооружения при поселениях были сделаны аналогично предшествующим укреплениям.

Выйдя из леса, строители черты вновь повели ее по прямой, соблюдая то же направление, на север, но отклоняясь примерно на 10 градусов к востоку. Для возведения вала и рва использовался гребень водораздела между Большим Черемшаном и его левобережным притоком р. Яуркой. На правом берегу Б. Черемшана в 9 верстах (9,6 км) от редута под Тарханским лесом была выстроена Черемшанская крепость, а к западу от нее крупный поселок ландмилиции.

Стратегическое положение этого укрепленного пункта вполне очевидно. Именно с Большого Черемшана начиналась зона оседлого сельского расселения в Заволжье. В отличие от лежащих к югу территорий, здесь сложилась совокупность сел и деревень, которые удалось защитить от набегов кочевников и, прежде всего, от разгрома во время башкирских волнений. Долина этой реки являлась базовой для существовавшей в крае в конце XVII – первой трети XVIII вв. оборонительной системы известной под названием «Черемшанские форпосты». Судя по картам, изготовленным инженерами Закамской экспедиции в 1731 г., в районе расположения вновь построенной крепости на правом берегу Б. Черемшана ранее, уже существовало какое-то поселение или пункт для размещения воинских частей, известный под названием «Березовый стан». Здесь же начинался «старый вал», а ниже по течению были устроены маяки¹²⁸. «Старый вал», указанный на чертежах Бибикова и его геодезистов, отнюдь не являлся частью старой Закамской линии, так как ее оборонительные сооружения проходили значительно севернее. Скорее всего, эти укрепления были построены здесь значительно позднее, в конце XVII – начале XVIII вв., когда поток переселенцев перевалил через Закамскую линию и начал осваивать земли к югу от нее.

Характерно, что вновь возведенная крепость оказалась в непосредственной близости от земель, которыми владели жители местных деревень Ештебенькино и Новая Багана. В 1735 г. при размежевании между ними земельных участков в качестве одного из ориентиров была указана дорога, по которой ездили в недавно возведенный «городок» на валу¹²⁹.

Таким образом, Черемшанская крепость не просто замыкала еще один, весьма значительный по протяженности участок линии от пригорода Сергиевска до р. Большой Черемшан. Она служила своеобразным мостом между вновь построенной чертой, проходившей через относительно пустынные, незаселенные пространства Заволжья и оборонительными сооружениями, участками «старого вала» и т.д., на уже освоенных, хорошо защищенных землях собственно Закамья¹³⁰. Весьма солидный по численности

¹²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 250.

¹²⁸ РГВИА. Ф. 349. оп. 45. Д. 2081, 2083, 2084, 2289.

¹²⁹ Фролов Н.С. Село Черемшанская Крепость (XVII – XIX век). Очерки истории. Казань, 2002. С. 6-7.

¹³⁰ Географически под название «Закамье» подразумевается часть Заволжья, охватывающая южную часть бассейна Камы в ее нижнем и среднем течении. Долина р. Б. Черемшан непосредственно граничит с этим районом.

гарнизон рядом построенного поселения должен был контролировать протяженные участки засечной черты как к югу, так и к северу от крепости. Осматривавший крепость Иванин, назвал ее фельдшанцем и дал ей следующую характеристику: "...на правом берегу р. Черемшана устроен фельдшанец с рavelином, покрытым путем и гласисом с входящими и исходящими плацдармами; бастионы его пусты"¹³¹.

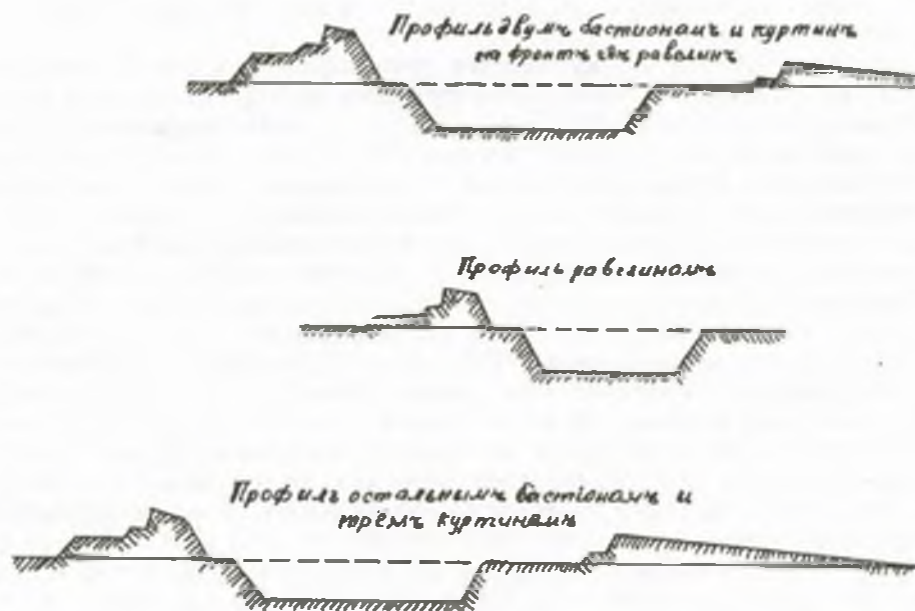

Рис. 35. Профили укреплений Кондурчинского фельдшанца. Ласковский Ф.Ф. Указ, соч.

Наряду с Красноярской крепостью, Черемшанская являлась одним из самых значительных оборонительных пунктов Новой Закамской линии. По описанию 1735 г. ее полигон «экстериор» составлял 120 сажен (примерно 256 м). Земляные укрепления, в том числе и гласис, были «дерном обделаны». Для лучшей защиты от нападения строители поставили частокол. С верхней надпойменной террасы, где располагалась крепость, вниз «до р. Черемшана рогатками заставлено и укреплено». Внутри крепости располагались 3 караульные избы, «магазин» и другие строения¹³².

В конце XIX в. план крепости, описание ее и возникшего рядом селения, составил местный священник И. Тресвятский. Это описание явно создано человеком, сла-

¹³¹ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 73.

¹³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 156-156об.

бо знакомым с основами фортификационной науки (например, он не смог «увидеть» рavelин), но в то же время оно содержит ряд интересных моментов. Священник подчеркнул очень удачный выбор места для строительства крепости – на высоком северном берегу Большого Черемшана, на площадке, окруженной крутыми оврагами. Отдельные участки оврагов, по мнению Тресвятского, могли быть углублены искусственно (с северо-восточной стороны и др.). Высоту бруствера, видимо, от дна рва, он измерил в 4,5 сажени (почти 10 м). Если результаты промеров, описание местности, где располагалась крепость, ее внутренней топографии у краеведа - священника представляют несомненную ценность, то некоторые идеи, которые он высказывает, вызывают недоумение (например, то, что она могла вместить двадцатитысячный гарнизон и тому подобное)¹³³.

В середине 1980-х гг. по материалам топографических съемок был вычерчен лучший, на наш взгляд, план этого оборонительного пункта¹³⁴, который и предлагается вниманию читателей (рис. 36). Земляные укрепления Черемшанской крепости прекрасно сохранились до настоящего времени. Они располагаются на восточной окраине села Черемшан и производят весьма внушительное представление своими буквально циклопическими размерами. По экспедиционным наблюдениям лета 2002 г., современная застройка районного центра вплотную приблизилась к земляным сооружениям крепости, но сколько-нибудь заметного повреждения им пока не нанесено.

С Черемшанской крепости начинается новый, последний участок построенной линии, протяженность которого составила совсем немного – чуть более 40 км. Он проходит по территории современной Республики Татарстан. Его особенность состояла в том, что здесь начинались уже обжитые места с постоянным населением. В этих местах все чаще встречались башкирские владения, постоянные селения этого беспокойного народа. Не затронуть их, не привести в волнение башкир – вот главная задача, стоявшая перед строителями. Чем далее на северо-восток, тем сложнее было выполнить ее. Потому то черту и довели только до Кичуя, реки, за которой прохождение непрерывной линии уже стало невозможным. На всем протяжении от Большого Черемшана до Кичуя вновь выстроенные вал и ров, шли параллельно «старому валу», находившемуся несколько в тылу, западнее, и фактически дублировали его.

От сооружений Черемшанской крепости полтора десятка сажен к северу были укреплены рогатками, а далее, вновь пошла линия с повторяющимися, примерно, через каждые 200 м реданами. Горжа последних составляла около 20 метров¹³⁵. К северу от Б. Черемшана линия, как бы, перепрыгивает с одной крупной реки на другую, пересекая водоразделы между ними. На следующей реке Шешме, примерно, через 17 верст (18 км) вал и ров заканчивались Шешминским фельдшанцем располагавшимся, примерно в 400 м от реки, на левом высоком ее берегу. К юго-западу от него было устроено поселение ландмилиции (ныне с. Шешминская крепость Черемшанского района Республики Татарстан).

¹³³ Тресвятский И. Село Черемшанское крепость Бугульминского уезда Самарской губернии // Самарские епархиальные ведомости. 1884. №21. Часть неофициальная. С. 416-418.

¹³⁴ Мы благодарны директору Мемориального центра с. Черемшан П.С. Фролову за предоставленную возможность ознакомиться с этим планом.

¹³⁵ Тресвятский И. Село Черемшанское крепость Бугульминского уезда Самарской губернии. С. 420.

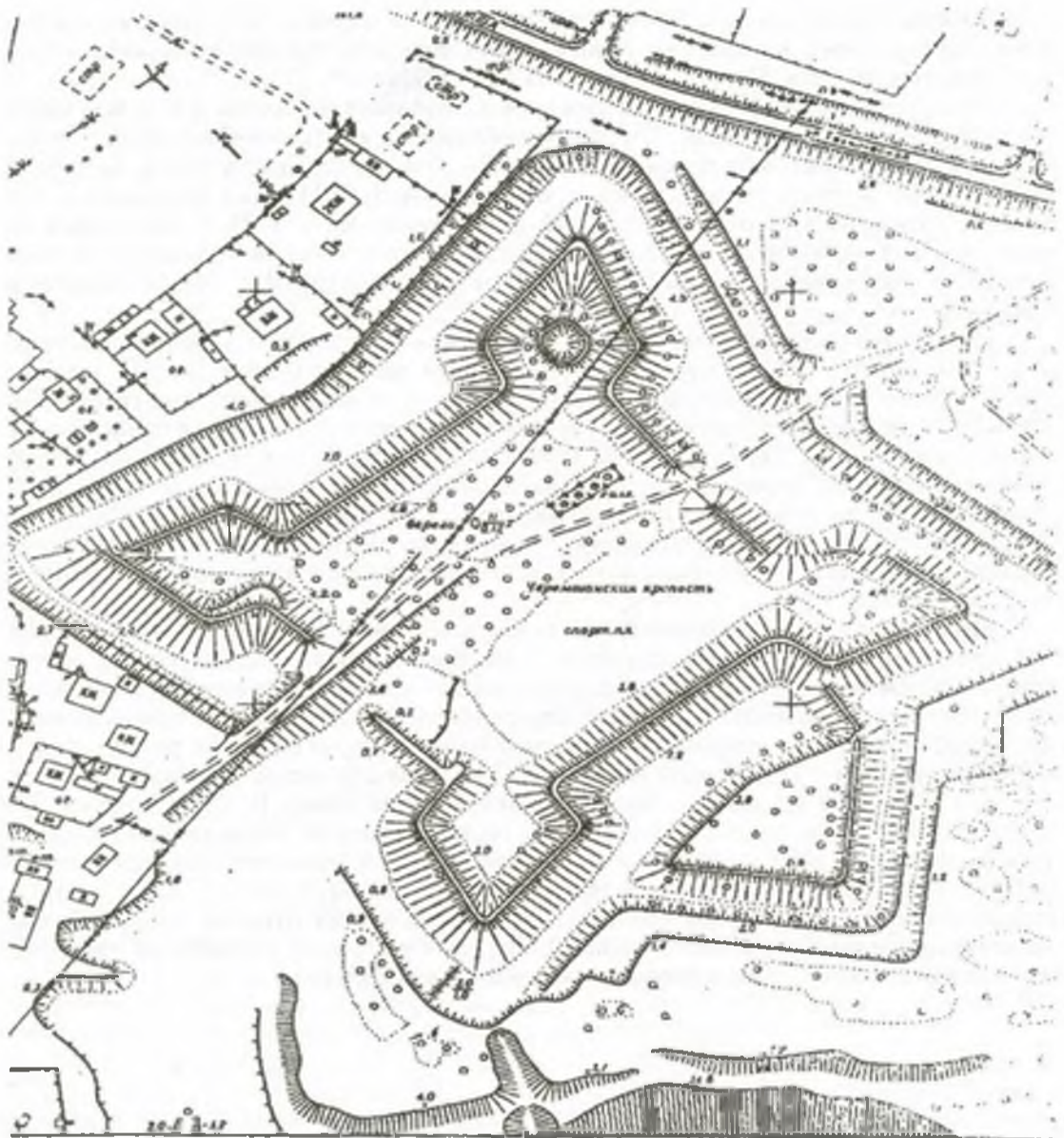

Рис. 36. Черемшанская крепость. Современное состояние.

То, что на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (18 км) были построены два столь мощных оборонительных пункта, объясняется одним чрезвычайно важным обстоятельством. Водораздел между реками Б. Черемшан и Шешма пред-

ставлял собой естественные, не прикрытые никакими водными или лесными преградами, ворота, через которые кочевники могли беспрепятственно проникать вглубь уже обжитых районов. Их то и необходимо было закрыть¹³⁶.

От Шешминского фельдшанца линия резко забирает на восток и в целом имеет северо-восточное направление, постепенно сближаясь со старой Закамской чертой. За рекой Шешмой строители преодолели с помощью засеки лес, а затем, не доходя Кичуя, вновь перешли на вал и ров и через 22 версты (23,5 км) построили новое крупное укрепление. Это был последний из сооруженных в 1731 – 1736 годах на этой линии, Кичуйский фельдшанец. Он располагается почти в километре от реки Кичуй, на возвышенной террасе¹³⁷. В слободе при нем (ныне с. Кичуй) поселили ландмилицию.

Составители «Ландкарты...» 1734 г. так писали об этих двух укрепленных пунктах: «Фельдшанец при р. Кичуй, которого внешней полигон 60 сажен... Фельдшанец при р. Шешме той же пропорции и при нем поселение имеет быть» (то есть, около 128 м)¹³⁸. Эти сведения подтверждает и текст Ведомости 1735 г. «...которых полигоны экстериор по 60 сажен»¹³⁹. Но, по измерениям Иванина, при совершенной схожести двух последних фельдшанцев, полигон Кичуйского был несколько большим и составлял 75 сажен (около 160 м), а Шешминского – 60 сажен (около 128 м)¹⁴⁰.

Размещенные внутри укреплений строения были типовыми, но в Кичуйском фельдшанце к концу 1735 г. была устроена только одна изба для караулов, а в Шешминском – три.

Первоначально предполагалось, что на реках Шешме и Кичуе будут построены более крупные оборонительные сооружения типа Красноярской и Черемшанской крепостей. Но затем инженеры Закамской экспедиции во главе с Чириковым пришли к выводу, что оборону этой местности вполне смогут обеспечить фельдшанцы с гораздо меньшим полигоном. Особые сложности возникли с поселением ландмилиции рядом с Кичуйским фельдшанцем, так как рядом имелось мало удобной для поселения земли.

В 1980 и 1992 гг. участок Новой Закамской линии между Б. Черемшаном и Кичуем обследовала экспедиция Пензенского государственного педагогического института во главе с В.И. Лебедевым. Результатом этого обследования явились планы и чертежи важнейших укреплений, в том числе и фельдшанцев (рис. 37, 38)¹⁴¹. Странным выглядит то, что обмеры полигонов этих укрепленных пунктов, произведенные во время экспедиционных работ конца XX в., значительно отличаются от сведений, приведенных в ведомостях Закамской экспедиции и у Иванина.

¹³⁶ Фролов Н.С. Село Черемшанская Крепость (XVII – XIX век). С. 12-13.

¹³⁷ Амирханов Р.Х. Закамские засечные линии // Из истории Альметьевского региона. Выпуск 1. Альметьевск, 1999. С. 117.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 156.

¹⁴⁰ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 73.

¹⁴¹ Личный архив семьи Лебедевых. Материалы экспедиций 1980 и 1992 гг.

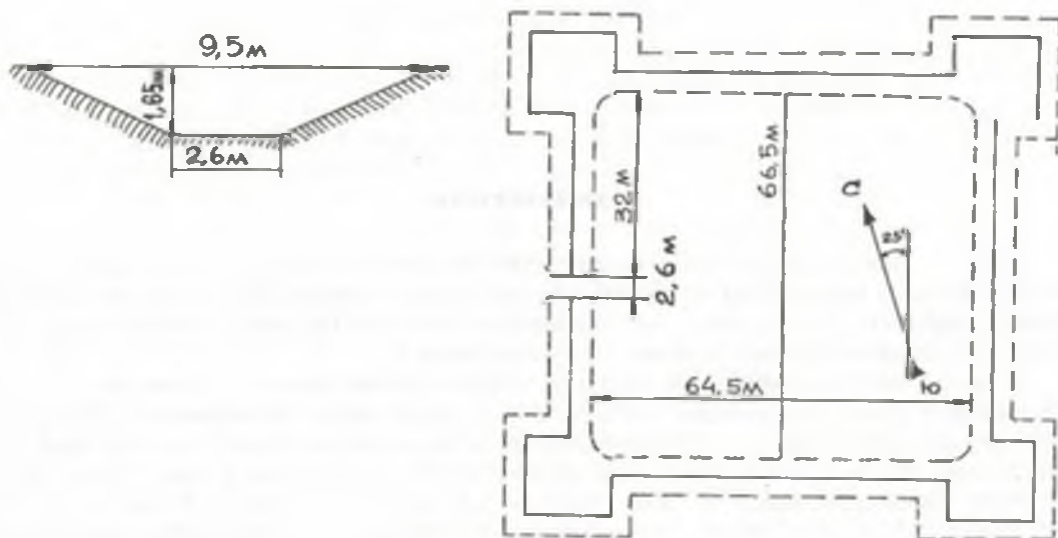

Рис. 37. План Кичуйского фельдшанца. Профиль рва.

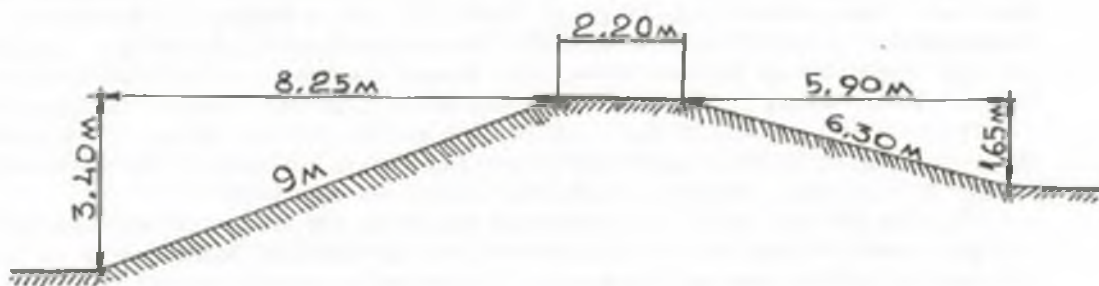

Рис. 38. Профиль вала Кичуйского фельдшанца.

В конце 90-х гг. XX в. Кичуйский и Шешминский фельдшанцы и укрепления между ними изучались еще одной экспедицией. К сожалению, ее участники не совсем представляли себе специфику ведения фортификационных работ в XVIII в. и слабо разбирались в типологии оборонительных сооружений¹⁴².

Кичуйским фельдшанцем заканчивалась система укреплений и собственно Новая Закамская линия, построенная в 1731 – 1735 гг. Об ее продолжении далее к пригороду Мензелинску велись только самые общие переговоры между центром и администрацией Закамской экспедиции. Но ни одно из предлагавшихся направлений оборонительной линии через башкирские владения так и не было принято в качестве окончательного варианта.

¹⁴² Амирханов Р.Х. Закамские засечные линии. С. 79-127.

Заключение

Вряд ли имеет смысл писать «классическое» заключение для этой книги. Обобщения и выводы размещены по отдельным разделам и параграфам, автор не однажды пытался выразить свое мнение по различным аспектам рассматриваемой темы. Поэтому ограничимся самыми общими рассуждениями.

Деятельность Закамской экспедиции, строительство линии и расселение на ней ландмилиции стало важнейшим событием в истории всего лесостепного Заволжья. Впервые наш край стал ареной столь кипучей и крупномасштабной деятельности. Его топография, природно-географические особенности, возможности для дальнейшего освоения рассматривались и обсуждались на самом высоком уровне в Санкт-Петербурге и Москве. В работе экспедиции, обеспечении ее всем необходимым, принимали участие люди, оставившие значительный след в истории России.

При создании Новой Закамской линии использовались самые передовые по тем временам фортификационные приемы. Заволжье, как и Украина, а несколько ранее «Переволока» (между Волгой и Доном), стали территориями, на которых прошли апробацию европейские методы возведения такого рода оборонительных сооружений. Размах строительных работ, способы организации производственного процесса свидетельствуют о профессионализме и таланте руководителей экспедиции. Сохранившиеся до настоящего времени земляные укрепления черты, поражают своими размерами, четкостью контуров, умением использовать характер местности.

При их строительстве отечественные политики и руководство военным ведомством достаточно быстро выяснили для себя, что необходимо более творчески, применительно к российским пространствам, использовать теории знаменитого Вобана и других крупнейших фортификаторов Западной Европы. Уже во второй половине 1730-х гг. начался переход к возведению, так называемых «живых» линий, ярким примером которых явилась Самарская (Оренбургская) черта.

В Самарском Поволжье оборонительные сооружения Новой Закамской линии являются выдающимся, уникальным памятником российского оборонительного зодчества. Это единственные фортификационные сооружения, сохранившиеся в нашем крае от самого раннего периода русского освоения края - XVII - XVIII веков. К примеру, укрепления строившейся позднее Самарской (Оренбургской) линии в настоящее время, практически, не видны.

Завершая данную работу, необходимо ответить на вопрос, а в чем же причина того, что грандиозная, протянувшаяся на сотни километров, система оборонительных сооружений, оказалась ненужной и вскоре была заброшена. Можно предположить, что эта оплошность сделана в Санкт-Петербурге и Москве теми людьми, которые решили судьбу проекта, ставили генеральную цель, организовывали новую экспедицию,

требовали использования определенных фортификационных приемов. Тогда необходимо назвать главных действующих лиц в правительстве того времени – Остермана, Миниха и других. Может быть, ошиблись Наумов, Бибиков, Оболдуев, Давыдов, все те, кто руководил деятельностью экспедиции. Возможно они, здесь в Заволжье, не смогли выбрать правильное направление оборонительной линии, не послушались мудрых советов старого и опытного Шереметева.

Думается, что все здесь гораздо сложнее.

На наш взгляд, исходя из ситуации сложившейся в Заволжье в рассматриваемый период ни в центре, ни в регионе невозможно было определить, какая оборонительная система, по каким направлениям и местностям проходящая, необходима там, для того, чтобы решить главные проблемы края: сделать его относительно безопасным и создать условия для массового расселения. Для того, чтобы выполнить эти задачи, необходимо было подчинить их более глобальной геополитической цели. Должен был появиться проект, увязывающий в единое целое все, наметившееся еще при Петре юго-восточное направление российской политики; способствующий созданию условий для дальнейшего продвижения на юго-восток, в степи Заволжья и Приуралья, в Казахстан и Среднюю Азию. В конечном итоге историческая правда оказалась не за Наумовым и Бибиковым, а за Кириловым, Татищевым и другими руководителями Оренбургской экспедиции, так как деятельность последних позволила выполнить едва ли не все вышеуказанные задачи.

Но необходимо помнить, что первоначально проект Кирилова предусматривал решение совершенно других задач. Он, фактически, не пересекался с деятельностью Закамской экспедиции. Нам кажется, дело в том, что Кирилов просто обладал более широким кругозором, видел дальше, глубже понимал государственные потребности страны. Он смог, практически, интуитивно найти ту точку на карте Заволжья, где впоследствии возник Оренбург, ставший центром, через который пошли все оборонительные линии юго-востока Европейской России. Строительство Оренбурга и все последующие действия Татищева и других руководителей Оренбургской экспедиции решили в конечном итоге судьбы всего огромного региона и самой Закамской линии.

Оказалось, что лучше всего было не «резать» Башкирию «по живому», а обойти ее, включить в состав внутренних территорий, охватить сетью крепостей и земледельческих поселений и идти дальше на юго-восток. В этом движении, основные контуры которого начали проявляться только с 1736 г., а возможно и позднее, Новая Закамская линия оказалась не нужна. Она мешала, отвлекала силы, необходимые для решения более глобальных и необходимых для подлинного освоения региона задач.

Но все то, что было наработано при строительстве этой линии, расселении по ней ландмилиции, пригодилось. Не нужно забывать, что Татищев и другие руководители Оренбургской экспедиции для выполнения своего проекта использовали практически все материальные и людские ресурсы Новой Закамской линии.

Судьба ее оказалась трагичной. Но линия осталась. Ее грандиозные земляные укрепления и донныне удивляют людей. Они являются неотъемлемой частью нашей российской истории, того прошлого, без которого вряд ли может состояться будущее нашего народа и нашей страны.

Руководители Закамской экспедиции

Далеко не все руководители Закамской экспедиции хорошо известны даже специалистам историкам. Если жизнеописания Кирилова, Татищева, Румянцева и других можно найти в любом серьезном историческом справочнике или энциклопедии, то биографии героев этой книги обнаружить крайне сложно, если не невозможно. Поэтому для удобства читателя приводим о них краткие сведения.

Наумов Федор Васильевич (1692 – 1757). Из старинного нетитулованного дворянского рода Наумовых. По преданию Наумовы получили начало от выехавшего к великому князю Семену Ивановичу Гордому «из немецъ» "мужа честна, именем Павлина", у которого был внук Наум. Потомки его служили при московских князьях в боярах, наместниках, стряпчими, стольниками, окольными, воеводами.

Федор Васильевич Наумов родился в 1692 г.¹ Получил домашнее образование. Службу начал 16 летним юношей в 1708 г. в московском Судном приказе. С 1711 г. он становится адъютантом своего родственника Якова Федоровича Долгорукова, возглавившего после возвращения из шведского плена Крикс-комиссариат. Это учреждение занималось вопросами снабжения и обеспечения армии всем необходимым. С 1717 г. Наумов занимает должность ревизор-крикс-комиссара.

С 1718 г. он являлся членом Ревизион-коллегии, которую возглавлял все тот же Я.Ф. Долгоруков. Видимо, родственная близость между этими двумя людьми была настолько велика, что князь, известный своей неподкупностью и строгостью, смог презреть указ Петра I, запрещающий брать на службу родственников. Карьера Федора Васильевича развивается стремительно. Уже в 1719 г. он становится статским советником. После смерти Долгорукова Наумов нашел себе покровителя в лице князя Н.Ю. Трубецкого.

Прошедший трудную школу у Долгорукова, Наумов вырастает в дельного и опытного администратора. В 1726 г. уже при Екатерине I он заведовал Камер-конторой в Москве и в том же году становится действительным статским советником (4 класс по Табели о рангах) и сенатором². В качестве награды за усердную службу, Наумову в 1727 г. пожаловали из дворцовых владений село Ивановское в Коломенском уезде со 162 крестьянским дворами³. При Петре II весной 1727 г. его назначили

¹ Краткий биографический очерк Ф.В. Наумова был написан Я. Длуголенским. См.: Длуголенский Я. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. СПб., 2001. С. 264-267. В основном мы придерживаемся фактов, приведенных в этой книге, но в отдельных случаях, особо оговоренных, вносим свои изменения.

² Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 36.

³ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России первая половина XVIII века. М., 1964. С. 69.

в Комиссию Коммерции при бароне Остермане. Летом этого же года Наумов был послан на Украину в качестве «министра советника», т.е. представителя России при вновь восстановленной должности гетмана, которую занял миргородский полковник Даниил Апостол. Тогда же он становится тайным советником. По Табели о рангах 1722 г. гражданский чин тайного советника соответствовал чином генерал-лейтенанта и вице-адмирала в армии и на флоте и относился к одному из самых высоких - 3 классу в иерархии российской бюрократии. Тайный советник от Коллегии иностранных дел фактически являлся заместителем части Украины, принадлежавшей России⁴. Однако вскоре, осенью 1728 г. Наумов должен был вернуться в Санкт-Петербург⁵. Видимо, свою миссию на Украине Федор Васильевич выполнил блестяще, новый гетман был избран, а тайный советник стал кавалером ордена святого Александра Невского.

В событиях сопутствующих восхождению на престол Анны Иоанновны Наумов, выступил на стороне Верховного тайного совета⁶ и из-за этого попал в немилость к императрице. Один из современников этих событий так пишет о положении Наумова: «...в великом подозрении и в стыде обретаются две фамилии, и с ними Матюшкин, Измайлов, Еропкин, Шувалов, Наумов...»⁷. Однако, Федор Васильевич, казалось бы, смог избежать опалы. Осенью 1730 г. тайного советника включили в состав комиссии для разработки нового Уложения⁸. Но вскоре, в начале 1731 г. его отправили в Заволжье. С 1731 по 1736 гг. Наумов руководил строительством Новой Закамской линии. Проект строительства укрепленной линии в Закамье, вряд ли был выдвинут и разработан тайным советником, но в его реализации он сыграл важнейшую роль. Для сооружения новой оборонительной системы Федор Васильевич затратил немало сил, но, вскоре, через несколько лет его, начинание было полностью перечеркнуто еще более грандиозным проектом, выдвинутым И.К. Кириловым. Попытки отстоять свое детище – Новую Закамскую черту, не удалось. Уже построенная линия была законсервирована, а Наумов весной 1736 г. получил отставку⁹, которая была представлена как временный отпуск для лечения в Москву, «понеже... строение Закамской линии и крепостей в нынешнем лете, кроме нужных мест, отложить велено».

Отпуск для излечения болезни закончился в 1737 г. Наумов становится главным судьей Судного приказа, а весной 1738 г. тайный советник был назначен вице-губернатором Санкт-Петербурга¹⁰. Эту ответственную должность он исполнял до 1740 г. Ю.В. Готье называл Наумова первым гражданским губернатором Санкт-Петербурга. В ведении тайного советника находились в основном дела губернии.

⁴ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. В трех томах. Киев, 1991. Т. 3. С. 402-405; Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 106, 154-160.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 138.

⁶ Из записок князя П.В. Долгорукова // Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Переворот 1762 года. М., 1997. С. 48.

⁷ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. X. С. 215.

⁸ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. С. 223.

⁹ Сборник РИО. Т. 114. С. 239-240.

¹⁰ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в СПб-ском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. II. №6605.

В 1740 г. ему выделили место в Санкт-Петербурге на Луговой улице для постройки дома¹¹. В этом же году у Федора Васильевича родился единственный ребенок – дочь Анна.

Конец 30-х – начало 40-х гг. XVIII в. являлись наиболее удачными в служебной карьере тайного советника. Но, для того, чтобы полностью реабилитировать себя наверху ему пришлось отречься от своих бывших покровителей. В 1739 г. Наумов принял участие в суде над князьями Долгоруковыми – Иваном Алексеевичем, Василием Лукичем, Сергеем Григорьевичем, Иваном Григорьевичем, Василием Владимировичем и Михаилом Владимировичем. Видимо, к этому времени Наумов полностью заслужил доверие Анны Иоанновны и ее окружения. Летом 1740 г. его включили в состав комиссии расследовавшей дело Вольтского. В 1740 г. уже Анна Леопольдовна пожаловала его именем казненного Василия Лукича Долгорукова. Кто из высшего руководства страны покровительствовал ему в это время, неизвестно? Возможно, это был Остерман, с которым Федора Васильевича связывали давние служебные отношения.

Осенью 1740 г. Наумову было велено «присутствовать» в Сенате. Одновременно, он должен был управлять губернскими делами «по прежнему, до указа». Несколько позднее, в конце этого же года, он становится генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга в ранге действительно армейского генерал-лейтенанта¹². В 1744 г. Федор Васильевич уходит в отставку с этой должности по болезни, но продолжает числиться сенатором. Однако, на заседаниях Сената он не присутствует и в списке сенаторов утвержденном именным указом Елизаветы Петровны 12 декабря 1741 г. его имени нет¹³. О двойственности положения Наумова свидетельствует следующее замечание современника этих событий И.И. Неплюева: «После переворота 1741 г. не был официально исключен из числа сенаторов, но в обновленный состав Сената не вошел»¹⁴.

В 1753 г. Наумов вышел в отставку со всех должностей. В качестве награды за многотрудную деятельность его произвели в действительные тайные советники. Но, к этому времени здоровье Федора Васильевича окончательно пошатнулось и в 1757 г. он умирает.

Создается впечатление, что в семье Наумова были в почете науки, просвещение, книги и сам он был высокообразованным человеком. В 1757 г. «Московские ведомости» сообщали, что вдова действительного тайного совета Ф.В. Наумова Марья Михайловна (в девичестве Самарина)¹⁵ в дар недавно основанному Московскому университету преподнесла немалую по тем временам сумму в 1000 руб. Видимо, это была предсмертная воля самого Федора Васильевича.

Отзывы современников о Наумове крайне малочисленны и скупы. Весьма красноречиво о нем отзывался Яков Петрович Шаховской. Обиженный на то, что его на

¹¹ Т Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в СПб-ском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. II. № 7701.

¹² Сенатский архив. Т. II. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. С. 67-68, 72, 106, 171-172..

¹³ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. XI. С. 138.

¹⁴ Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 515.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. М., 1993. Кн. XIII. С. 533

должности генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга заменил Наумов, к которому Шаховской был определен в подчинение, последний писал «Новый генерал-полицмейстер имел не весьма короткое до того со мною знакомство, но я заметил, что он ко мне начал оказываться весьма благосклонным, оное же вящше для того, что чрез меня, яко уже несколько в таких делах сведущего и заобыклого, все дела моими трудами под его именем и в споспешествование его соизволений и апробаций в честь ему происходили. Одним словом, я скоро узнал, что он часто употреблять меня начал вместо кочерги, коею в печи уголья и жар загребают»¹⁶. Возможно, что это подозрение будущего генерал-прокурор было не лишено оснований. Но, характерно, что Наумов не захотел унижить своего предшественника, попавшего в зависимое от него положение.

Бибиков Илья Александрович (1698-1784)¹⁷. Военный инженер, генерал-поручик.

Из старинного дворянского рода татарского происхождения. По семейному преданию вели свое начало от мурзы Жидимира, выехавшего из Синеи Орды в Тверь в начале XIV в. Его правнук Федор Николаевич имел прозвище Бибик и стал родоначальником Бибиковых. В XVI – XVII вв. имели чины стольников, московских дворян, служили воеводами, на дипломатической службе.

Илья Александрович родился в семье стольника Александра Борисовича Б. (? – 1714). Получил домашнее образование. В 1715 г. начал службу в Инженерном корпусе под командованием Брюса. В 1731 г. получил звание капитан-поручика, в октябре 1732 г. – капитана. С 1731 по 1736 г. включительно руководит всеми инженерными работами при строительстве Новой Закамской линии. В 1741 г. был пожалован в полковники, в 1749 г. – в инженер-генерал-майоры. Дослужился до чина инженер-генерал-поручика. Строил укрепления Украинской линии, города Таганрог, Моздок, Кизляр и Бахмут. Был начальником Тульского оружейного завода. Принимал участие в Семилетней войне. Отличился в сражении при Кунерсдорфе и при взятии Кольберга. Вышел в отставку в 1764 г. по болезни. Современники и историки называли его «ученейший генерал XVIII века» и «один из лучших инженеров своего времени». Автор записок о русско-шведской войне 1741-1743 гг.¹⁸

Отец известного военного и государственного деятеля второй половины XVIII в. генерал-аншефа, маршала Уложенной комиссии, главнокомандующего войсками, направленными для подавления восстания под предводительством Е.И. Пугачева, Александра Ильича Бибикова.

Создается впечатление, что Илья Александрович был не чужд культуре и искусству. Его второй сын Василий бывший камергером и тайным советником по личному выбору Екатерины II заведовал русской театральной труппой. По его плану и

¹⁶ Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 34.

¹⁷ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 3. С. 530.; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Том I. С. 227-228; Ровенский Г.В. Бибиков Н.Г. Родословная Бибиковых. К 700-летию дворянского рода Бибиковых. Фрязино, 1996. С. 13, 16.

¹⁸ Наумов В.П. Записки инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова о русско-шведской войне 1741-1743 гг. // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700-1762). Сборник материалов Всероссийской научной конференции. СПб., 2002. Вып. 2. С. 8.

настоянию в 1779 г. в С.-Петербурге было учреждено театральное училище. Еще один сын – генерал-майор Гаврила Ильич, погибший в 1812 г., организовал в Москве оркестр.

Друмант (варианты, Друмонд, Друмонт) Семен. Об этом человеке нам мало что известно. Возможно, он вел свое происхождение от Вильяма Друмонта, генерал-поручика, иностранца на русской службе (упоминается в 1660-х гг. как участник русско-польской войны¹⁹). Видимо, в Заволжье Друмант служил издавна. Еще до строительства Царицынской линии, т.е. до 1718 г. он уже был полковником и командовал отрядами, рассредоточенными на форпостах по течению р. Большой Черемшан²⁰. О «Друмантове полке» упоминается И.К. Кирилов в своем географо-статистическом описании России. В июле 1728 г. полковник Друмант был пожалован в бригадиры²¹. После того, как командуя войсками в Закамье В.Б. Шереметев осенью 1731 г. перевели на Украину, Друмант, ранее бывший заместителем генерал-лейтенанта, исполнял его должность. С 1732 года его назначили в Закамскую экспедицию на место Оболдуева. Оказался под следствием и отправлен в Санкт-Петербург осенью 1735 г. Назад в экспедицию уже не вернулся.

В ноябре 1738 г. был уволен со службы «с пенсионом»²². По другим данным ему дали отставку и определили дальнейшее проживание в Казани в 1737 г.²³.

Оболдуев (вариант, Аболдуев) Иван. Из старого дворянского рода. В XVII в. известно несколько представителей этого рода: стряпчий Данила Леонтьевич, пожалованный именованием в 1619 г., дворянин Артемий Данилович (1673 г.) и другие.

О полковнике Иване Оболдуеве известно немного. Он ранее служил в Низовом корпусе. Отпущен со службы из Закавказья по состоянию здоровья и в возрасте 58 лет переведен в 1731 г. в Заволжье под начало Ф.В. Наумова. Под его руководством находились все воинские части, прикомандированные к экспедиции. Осенью 1731 г. был отставлен от службы и оказался под следствием. По всей видимости, вины за ним не было обнаружено, но в Закамскую экспедицию он уже не вернулся. Окончательно уволен с военной службы и определен к «гражданским делам» в августе 1738 г.²⁴

Давыдов Иван. Князь, подпоручик Преображенского полка. К сожалению, об этом человеке более нечего сказать.

¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. С. 116, 164.

²⁰ Лавринова Т.И. План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 82.

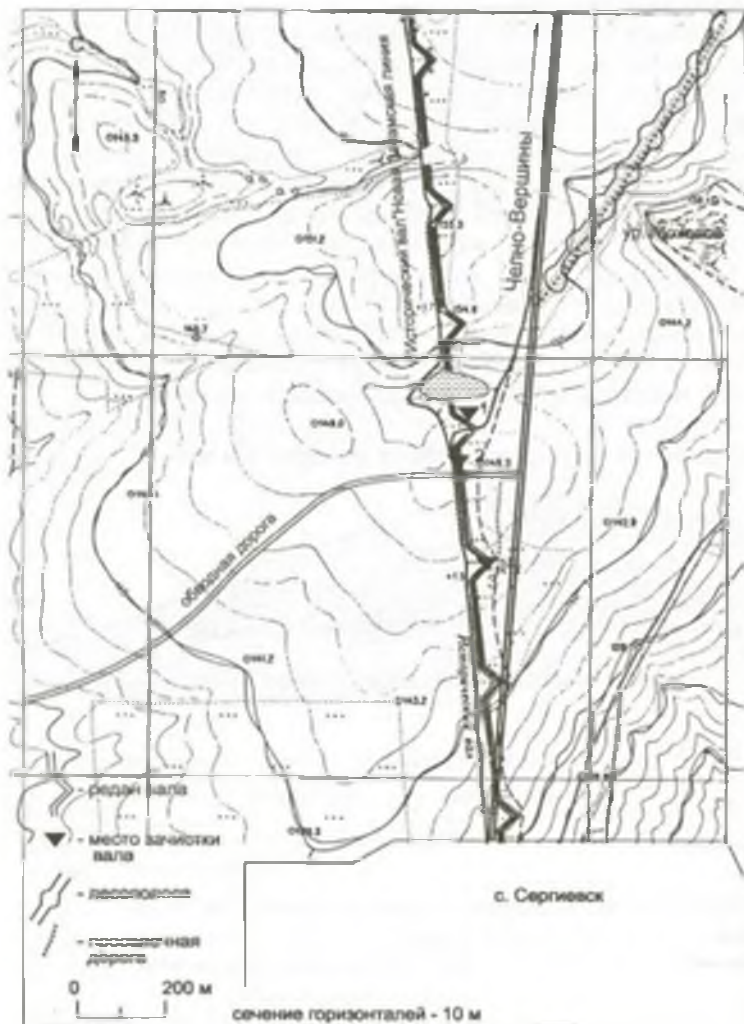
²¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. II. С. 156.

²² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. С. 440.

²³ Журналы Правительствующего Сената за 1737 год. Часть I // Записки Московского Археологического института. М., 1910. Т. III. С. 336.

²⁴ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. С. 554.

**Результаты археологического обследования укреплений
Новой Закамской линии в 2001 г.
(участок к северу от районного центра с. Сергиевска)
Автор П.П. Барынкин**

Полевые исследования памятника проводились в 2001 г. на участке, примыкающем к с. Сергиевск, с севера (рис.1). Обследованный участок вала располагается на водоразделе и включает три редана размещенных на расстоянии 300 - 320 м один от другого. На всем этом пространстве полевые укрепления вписаны в естественный ландшафт, основным компонентом которого является прилегающая к валу плоская западина, с естественными источниками воды. Возможно, возведение сооружения нарушило сток атмосферных и снеговых талых вод, что способствовало в последующем заболачиванию западины. В середине вала к югу и северу от упомянутого понижения располагаются реданы. Южный редан прорезан грунтовой дорогой.

Рис. 1. Участок Новой Закамской линии к северу от Сергиевска

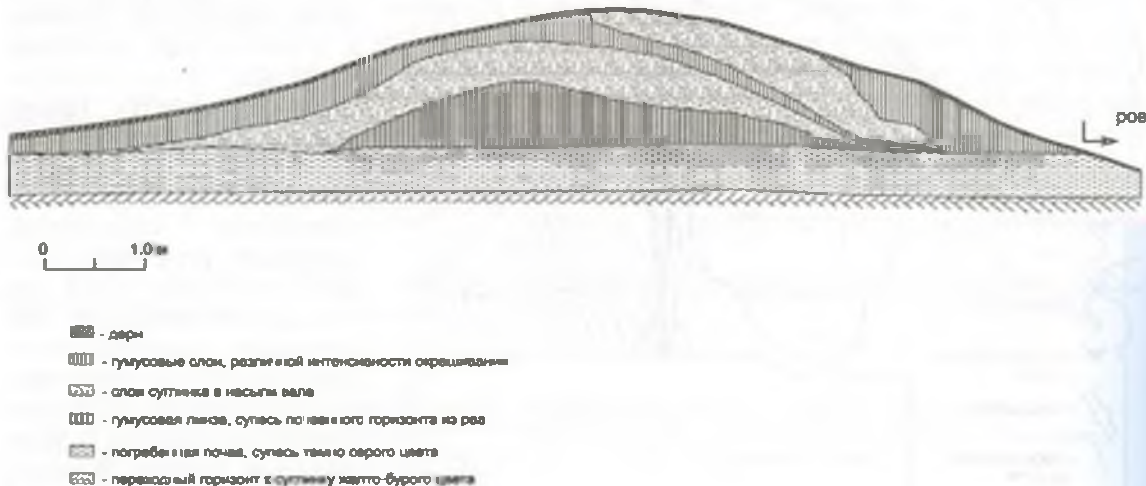
Описание разрезов вала

Разрез I. Редан у озера (рис.2).

Зачистка профиля проводилась в участке редана, через выступ которого была проложена грунтовая автомобильная дорога. Профиль выполнялся по северному обнажению, южная стенка разрушенной насыпи заметно повреждена землеройной и дорожной техникой. Поверхность вала хорошо задернована.

В процессе зачистки фиксировался четкий контакт насыпи с погребенной почвой. Насыпь состоит из нескольких горизонтов: нижняя и центральная часть образована гумусным серым материалом, который вероятно представляет перемешанный верхний почвенный горизонт из рва. Этот горизонт сверху перекрывается линзой серо-бурого материала комковатой структуры. Переход от серого гумусного горизонта к суглинистому нечеткий и достаточно плавный. Обе линзы сверху перекрыты гумусным прослоем, темно-серого цвета по всему профилю, с внутренней стороны вала (западной) этот прослой имеет максимальную мощность, с восточной - минимальную. На восточной стороне на этом горизонте располагается мощный до 0,6 м, по вертикали, суглинистый пласт насыпи, от верха до середины склона насыпи. Насыпь по восточному склону формируется бурым комковатым материалом, схожим по цвету и структуре с нижней линзой в насыпи, в нижней части этого пласта наблюдаются включения суглинистых конкреций. Переход по вертикали между этой частью насыпи и нижележащей плавный.

Рис.2. Новая Закамская линия. Профиль редана у озера. Разрез I.

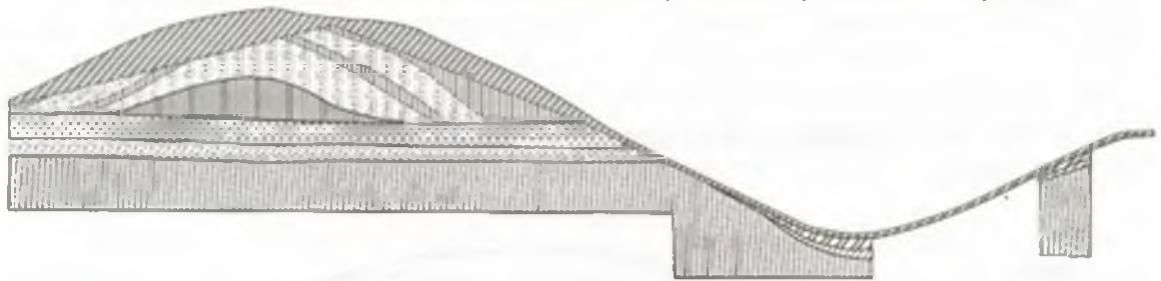

Разрез 2 (рис.3).

Профиль разреза насыпи вала исследовался к югу от озерного редана, с северной стороны полотна новой обводной дороги, вплотную к ее насыпи. Профилем этого разреза был обнажен ров, расположенный с восточной стороны вала.

Нижняя часть насыпи вала образована линзой гумусированой супеси темно-серого цвета, лежащей на погребенной дневной поверхности. Перекрывающий ее следующий слой насыпи также имеет линзовидное сечение и образован суглинком, переход от гумусного горизонта к суглинистому плавный. Этот пласт насыпи по всей его поверхности перекрыт гумусным слоем темно-серого цвета, его средняя мощность около 0,2 м. На нем, по западному и восточному склонам вала, прослоями, лежат суглинистые линзы, мощностью до 0.4 м. Они, в свою очередь, перекрыты сверху слоем темно-серого цвета по всей поверхности насыпи. У восточного подножия насыпи максимальная мощность этого слоя около 0,65 м, у западной около 0,2 м. Верхний гумусный пласт, по верху вала, имеет разрыв, через который к поверхности выходит верхняя часть восточной суглинистой линзы.

Рис.3. Новая Закамская линия. Профиль разреза 2 у обводной дороги.

0 1.0 м

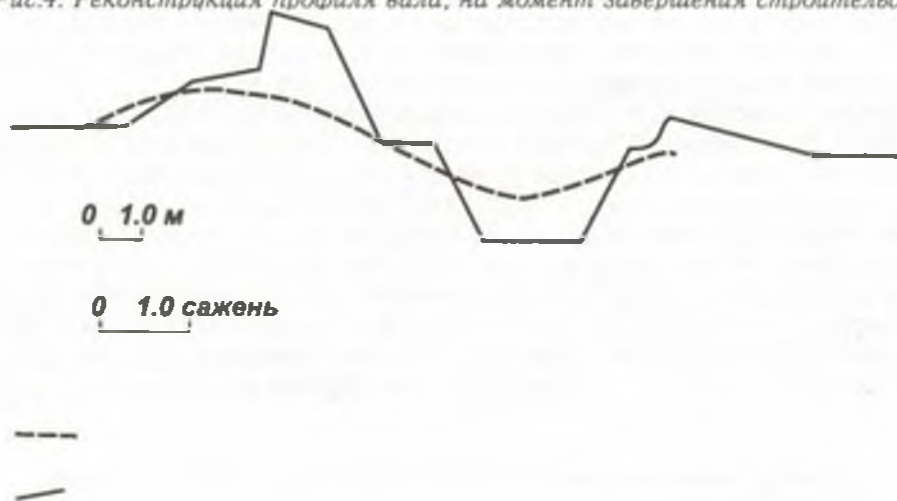
- - дерн
- - гумусовые слои, различной интенсивности окрашивания
- - слои суглинка в насыпи вала
- - гумусовая линза, (супесь почвенного горизонта из рва)
- - погребенная почва, супесь темно серого цвета
- - переходный к материковому суглинку
- - темный плотный суглинок
- - переходный к материковому суглинку грязно-бурого цвета
- - материковый суглинок желто-коричневого цвета, с включениями гипсовых конкреций

Рис.4. Реконструкция профиля вала, на момент завершения строительства и

современное состояние, на участке разреза 2.

Рис.5. Новая Закамская линия. Профиль разреза 3.

Разрез 3 (рис.5).

Профиль снимался к югу от разреза 2 в месте разрушения редана грунтовой дорогой от площадки складирования песка и щебня, устроенной на время строительства с восточной, внешней стороны вала.

Зачистка профиля выполнялась по южному обнажению. Из всех разрезов, он имеет самую простую стратиграфию насыпи. В ее основе гумусная линза темно серого цвета, лежащая на погребенной почве. На гумусной части насыпи лежит суглинистый слой, переход от суглинка к нижнему гумусному горизонту плавный. На западном склоне насыпи выделяется бурый горизонт, лежащий на суглинистом. В основании восточного склона насыпи, перед рвом, отмечается включение фрагмента гумусного грунта, мощностью до 0,4 м по вертикали и около 2,0 м по горизонтали.

* * *

Представленные здесь результаты первых исследований насыпи вала Новой Закамской линии, показывают перспективность их продолжения, что в первую очередь определено исключительными особенностями объекта. Новая Закамская линия является уникальным памятником, ее земляные сооружения вытянулись на расстояние более 240 км от р. Самары (при впадении в нее р. Большой Кинель) на юго-западе, до границ с Прикамьем (р. Кичуй) на северо-востоке. Продолжение изучения памятника позволит реконструировать особенности природных факторов юга-лесостепи на этом протяжении, и провести корреляцию природных, культурно-демографических, социальных и политических процессов. Представляется, что наиболее интересными результаты этих исследования будут применительно: во-первых, к периоду предшествующему активной российской колонизации и, во-вторых, к ее началу.

Следует еще раз необходимо обратить особое внимание на высокий технологический уровень сооружения системы вал-ров, что свидетельствует о достаточно высоком развитии военно-инженерного искусства российской армии в эпоху правления Анны Иоанновны. Важно отметить, что данные об особенностях фортификационных работ (рис.4) были впервые получены при комплексном использовании методов археологии, геологии и палинологии, применение которых на профессиональном уровне может оказаться весьма полезным при выявлении закономерностей целого ряда проблем истории недавнего прошлого. Подобная направленность исследований некоторых вопросов истории, использование мультидисциплинарного подхода, может способствовать появлению принципиально новых конкретных результатов и открывает возможность получения нетрадиционных решений исторических проблем России.

Проведение таких исследований позволит поставить вопросы другого порядка, а именно, на примере коренных народов Поволжья и Приуралья, с одной стороны и мигрантов из уже освоенные территорий Российской империи, с другой, дополнить природно-хозяйственными корреляциями проблему закономерностей и специфики социально-культурных отношений локальных традиционных социумов и растущих набирающих силу государств-империй.

Комментарий Э.Л. Дубмана

Обустройство участка Новой Закамской линии, где в 2001 г. проводились археологические исследования, началось осенью первого 1731 г. работы экспедиции. К этому времени инженеры Закамской экспедиции во главе с И.А. Бибиковым еще не получили из Главной канцелярии артиллерии и фортификации образцы профилей вала и рва, по которым следовало вести строительство. Их привезли в Заволжье только в конце лета следующего года. Поэтому, уже готовые вал и ров на Сергиевском участке линии в конце 1732 - 1733 гг. пришлось перестраивать, исправляя недостатки первых месяцев строительных работ. Таким образом, при зачистке в профиле вала на участке к северу от Сергиевска могли выявиться следы вторичной подсыпки, работ по исправлению его конфигурации. Таким образом, насыпь вала на участках всех трех разрезов должна была иметь достаточно сложную структуру, что и показывают результаты всех 3-х разрезов. Такая структура могла сложиться вследствие действия ряда причин, а именно:

- многослойного характера почвы, в которой копали ров. По применяемой в ходе строительства технологии земля, выбираемая из последнего ровными, практически не перемешиваемыми слоями укладывалась и трамбовалась при возведении вала;

- последующими после 1731 г. «исправлениями» профиля вала и рва, вторичными подсыпками, дополнительным укреплением поверхности и т.д.;

- в результате водной и ветровой эрозии, «оползания», диффузии слоев.

Особенности технологии земляных работ в 1731 – 1733 гг. подробно описаны в соответствующих разделах книги (Раздел 4, § 1,5), поэтому здесь мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на их характеристике. Отметим лишь, что осуществление в ходе строительства таких основополагающих операций как выборка земли для вала из рядом выкапываемого рва, последовательное укладывание насыпи вала отдельными слоями с механическим уплотнением каждого слоя и, наконец, плакирование (уплотнение) или укрепление поверхности вала дерном должны были обязательно сказаться на сохранившейся к настоящему времени структуре вала и особенностях залегания слоев, выявляемых при его археологическом исследовании.

Рассматривая используемую методику археологических работ, отметим, что, на наш взгляд, разреза только вала для того, чтобы определить особенности его формирования в процессе возведения линии явно недостаточно. Вал насыпался землей из выкапываемого рва. Причем, как это указывалось выше, слои практически не перемешивались. Они лишь уплотнялись и повторяли в обратном порядке специфику складывания почвы в районе строительства линии. Поэтому необходимы дополнительные работы по обследованию профиля именно рва и значительного участка прилегающей к нему дневной поверхности. Только в этом случае можно выявить особенности сооружения вала и рва. В ходе археологических работ такая методика частично была осуществлена при раскопках участка вала и рва у обводной дороги (разрез 2). Дальнейшее ее применение и постоянное использование позволит получить дополнительные данные о способах сооружения различных участков укреплений на всем протяжении Новой Закамской линии.

Оглавление

Слово к читателю	3
Введение	5
У истоков нового проекта	
Лесостепное Заволжье в начале XVIII в.	10
Возрождение идеи оборонительных линий.....	20
Создание Закамской экспедиции и начало ее работы	25
Начальный проект	36
Закамская экспедиция и начало строительства линии	
Осень 1731 г. Проба сил	50
Окончательное утверждение проекта	59
В междуречье Самары и Сока. Отработка строительных технологий	68
К северу от Сергиевска. Решающий год	78
Завершение строительства Новой Закамской линии и ее упразднение	
Начало расселения ландмилиции	92
Окончательное обустройство нового рубежа	101
Ликвидация Закамской экспедиции и упразднение оборонительной линии	115
Оборонительные сооружения Новой Закамской линии.....	128
Характеристика основных типовых укреплений	132
Юго-западный фланг	151
Самаро – сокский водораздел	159
Сокский участок линии	165
Между Соком и Кичуем	172
Заключение	182
Приложение 1: Руководители Закамской экспедиции	184
Приложение 2: Результаты археологического обследования укреплений Новой Закамской линии в 2001 г.	189

Научное издание

Дубман Эдуард Львович

**Новая Закамская линия:
судьба, проект, строительство**

Издание второе, исправленное и дополненное

Публикуется в авторской редакции

Руководитель проекта В. Цибин
Художник А. Набоков
Съемки сооружений В. Пылявский
Компьютерная верстка, макет А. Орлов
Титульное редактирование Л. Крылова

На форзаце использованы изображения с сайта www.memorandum.ru

Подписано в печать 25.10. 2005.

Формат 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 12,25 усл.-печ. л.; 20,58 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 332

Издательство «Самарский университет».

443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1., тел. (846) 334-54-23,
e-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типография «Книга»

443068, г. Самара, ул. Ново-Садовая, 106.

Тел. (846) 335-35-26, 335-35-19.

e-mail: slovo@samaramail.ru

Сергиевская крепость

Вал и ров Закамской линии

Красноярская крепость

Вал и ров с редантами

Сурушский редут

Укрепления поселения ландмилиции при Чернорецком фельдшанце

Кондурчинский фельдшанец

Черемшанская крепость